

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

ПОДОЛКО Анастасия Сергеевна

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО, БРИТАНСКОГО,
АМЕРИКАНСКОГО САНКЦИОННЫХ ДИСКУРСОВ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент О.А. Солопова

Челябинск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ	13
1.1. К определению понятия «дискурс»	13
1.2. Коммуникативно-когнитивный аспект медиадискурса	23
1.2.1. Взаимопроникновение дискурсов: интердискурсивность, полидискурсивность, дискурс(ив)ная гетерогенность, гибридизация	31
1.2.2. Санкционный дискурс как разновидность военно-публицистического дискурса	40
1.2.3. Заголовочный комплекс как сильная позиция медиатекста	47
1.3. Интертекстуальное включение как способ трансляции культурного кода.....	55
Выводы по главе 1	67
ГЛАВА 2. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО, БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО САНКЦИОННЫХ ДИСКУРСОВ)	70
2.1. Методика исследования интертекстуальных включений в заголовочных комплексах	70
2.1.1. Алгоритм анализа	70
2.1.2. Источники и материал исследования: количественный анализ	72
2.2. Универсальные сферы-источники интертекстуальных включений: сопоставительный анализ	77
2.2.1. Сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения»	77
2.2.2. Сфера-источник «Кинематограф»	82
2.2.3. Сфера-источник «Художественная литература»	89

2.2.4. Сфера-источник «Исторические события»	96
Выводы по главе 2	110
ГЛАВА 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО, БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО САНКЦИОННЫХ ДИСКУРСОВ)	114
3.1. Сфера-источник «Музыкальные произведения»	115
3.2. Сфера-источник «Догматические тексты, мифология»	119
3.3. Сфера-источник «Исторические личности»	125
3.4. Сфера-источник «Термины и языковые клише»	129
3.5. Сфера-источник «Коллоквиализмы»	133
Выводы по главе 3	137
Заключение	140
Список использованной литературы	146

Введение

Современный мир переживает эпоху глобальных геополитических перемен, затрагивающих все страны без исключения. Изменения связаны с появлением новых влиятельных акторов, вызвавших перераспределение сил на политической арене. Коллективный Запад, возглавляемый США, единолично формировавший политическую и экономическую конъюнктуру всего мира, столкнулся в XX веке с противовесом со стороны арабских, азиатских и южноамериканских государств и их лидеров, стремящихся к независимости как во внешней, так и во внутренней политике, и России, создающей условия для консолидации этих государств в рамках единого политического и экономического пространства.

Актуальность работы определяется тем, что в последнее время на геополитической арене санкции стали одним из основных инструментов политического и экономического давления на государства, не поддерживающие западную политику. Таким образом, современные политические процессы способствовали появлению нового вида дискурса – санкционного, который требует описания и уточнения с точки зрения его структуры и компонентов.

Благодаря развитию информационных технологий современный мир переживает эпоху тотальной медиатизации, когда СМИ являются одним из основных способов получения данных о том, что происходит внутри страны и за ее пределами. Неоспорим тот факт, что СМИ получили возможность влиять и формировать массовое сознание реципиента, что возможно только при условии привлечения и удержания аудитории. Одним из способов достижения этой цели является использование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах. Заголовочный комплекс находится в сильной позиции текста, так как это первое, что видит читатель, открывая страницу издания. Именно от заголовочного комплекса зависит, будет ли прочитана статья.

Гипотезой, положенной в основу исследования, является предположение о том, что лингвокультурологические особенности (а именно, принадлежность к той или иной лингвокультуре) и дискурсивные факторы (тип национального дискурса, хронологические рамки, объект санкционной политики) влияют на частотность, выбор интертекстуальных включений, их функции в заголовке статьи, тексте, дискурсе.

Хронологические рамки исследования охватывают периоды введения санкций против Ирака (1997–2003 гг.), Ирана (2006–наст. время), КНДР (2006–наст. время), России (2014–наст. время).

Объектом исследования являются интертекстуальные включения в заголовочных комплексах российского, британского и американского дискурсов периода санкционной политики в отношении Ирака, Ирана, КНДР и России.

Предметом исследования выступают лингвистические, лингвокультурные и экстрадискурсивные особенности интертекстуальных включений в заголовочных комплексах российских, британских и американских статей периода санкционной политики в отношении Ирака, Ирана, КНДР и России.

Цель исследования – выявить общие черты и особенности интертекстуальных включений в заголовочных комплексах российских, британских и американских изданий периода санкционной политики в отношении Ирака, Ирана, КНДР и России.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

– обосновать теоретико-методологическую базу сопоставительного изучения интертекстуальных включений в заголовочных комплексах на материале трех санкционных дискурсов, уточнить инструментарий исследования;

– предложить авторское определение санкционного дискурса, рассмотреть его ключевые компоненты, определить место санкционного дискурса в общей типологии;

– собрать корпус текстов российского, британского и американского дискурсов, посвященных санкционной политике в отношении Ирака, Ирана, КНДР и России и содержащих интертекстуальные включения в заголовочных комплексах статей;

– разработать методику исследования, включающую внутридискурсивное, междискурсивное и кросскультурное сопоставление интертекстуальных включений;

– провести лингвокультурологический и дискурсивный анализ интертекстуальных включений в заголовочных комплексах в каждом из дискурсов по частотным сферам-источникам, трансформациям, которым подвергается исходный текст с целью порождения новых смыслов, функциям интертекстуальных включений, с учетом хронологических рамок проведения санкционной политики в отношении Ирака, Ирана, КНДР, России (внутридискурсивное сопоставление);

– провести сопоставительный анализ интертекстуальных включений в заголовочных комплексах статей в российском, американском и британском дискурсах по указанным выше критериям (междискурсивное и кросскультурное сопоставление);

– охарактеризовать общие закономерности и специфические особенности интертекстуальных включений в заголовочных комплексах статей на материале трех дискурсов.

В качестве **источников материала** исследования использованы российские издания («Коммерсантъ», «Известия»), британские издания («The Economist», «The Financial Times») и американские издания («The Washington Post», «The New York Times»). **Материалом исследования** выступили 716 интертекстуальных включений (420 – в российском дискурсе, 189 – в британском, 107 – в американском), извлеченные с помощью процедуры

сплошной выборки из равнообъемных выборочных совокупностей (1000 текстов, посвященных санкционной политике на материале каждого дискурса).

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации предложено авторское определение санкционного дискурса, определены его компоненты и место в общей типологии дискурса. В научный оборот введен филологически представительный массив текстов российского, британского и американского дискурсов, посвященных санкционной политике в отношении Ирака, Ирана, КНДР и России, разработана методика, включающая внутридискурсивное, междискурсивное и кросскультурное сопоставление интертекстуальных включений в заголовочных комплексах с учетом сферы-источника интертекстуального включения, степени его трансформации в тексте-реципиенте, функций, которые включение реализует в тексте.

Теоретическая значимость состоит в развитии теории интертекстуальности, теории прецедентности, теории дискурса, сопоставительной лингвистики. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления о типологии дискурса, об универсальных и специфических закономерностях функционирования интертекстуальных включений в заголовочных комплексах.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов и материалов исследования в теоретических и практических курсах, посвященных теории дискурса, теории языка, сопоставительному языкознанию. Материалы и результаты работы могут быть интересны для представителей смежных дисциплин: для журналистов, спичрайтеров, политологов.

Теоретико-методологическая база исследования представлена трудами по:

– *теории дискурса* (Н.Д. Адмони, О.В. Александрова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, И. Беллерт,

В.Г. Борботько, Т. ван Дейк, В. Дресслер, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, А.А. Киселева, Д. Кристал, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, В.В. Петров, П. Серио, М. Фуко, Н. Фэрклоу, З. Харрис, В.Е. Чернявская), *медиадискурса* (Н.Ф. Алефиренко, А. Белл, Т. ван Дейк, С. Джонсон, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, С.В. Иванова, Е.А. Кожемякин, М. Конбой, М. Монтгомери, Е.А. Уварова, Р. Фаулер, Н. Фэрклоу, А. Эндлин), *гибридных форматов дискурса* (П. Анри, Е.В. Белоглазова, Р. Водак, Т.В. Дубровская, М.А. Кожина, Н.Н. Кошкарлова, К.А. Наумова, Н.С. Олизько, М. Пеше, О.С. Рогалева, К.П. Сидоренко, О.В. Соколова, О.А. Солопова, И.А. Стернин, Н.В. Филатова, М. Фуко, А.В. Хотонг, В.Е. Чернявская);

– *теории медиатекста* (О.Ю. Богданова, И.Р. Гальперин, Д. Гордон, О.В. Дедова, Т.Г. Добросклонская, О.С. Иссерс, Н.А. Кузьмина, М.С. Куприенко, Э.А. Лазарева, К.В. Прохорова, Ф. Хирш, Е.Ю. Шавардова);

– *теории интертекстуальности* (И.В. Арнольд, Р. Барт, М.М. Бахтин, Ж. Деррида, Ж. Женнет, А.К. Жолковский, Е.А. Земская, М.Ю. Илюшкина, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Ю. Лотман, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская);

– *теории прецедентности* (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, С.Л. Кушнерук, Е.А. Нахимова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, Р.Л. Смулаковская, А.Е. Супрун).

В соответствии с целью и задачами исследовательской работы использованы следующие методы и процедуры: приемы сплошной выборки и количественных подсчетов, лексикографический метод, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, метод когнитивно-дискурсивного анализа, лингвокультурологический метод, сопоставительный анализ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Санкционный дискурс (в широком смысле) – гибридный тип дискурса, интегрирующий характеристики военного, политического и публицистического дискурсов, что объясняется сущностью санкций как

альтернативы военному воздействию и СМИ, нормативно-правовых документов, заявлений официальных лиц как канала передачи информации о введении/снятии санкций. Именно через СМИ правящие политические элиты могут воздействовать на массовое сознание реципиентов, формируя необходимое восприятие санкционной политики.

2. Санкционный дискурс СМИ (в узком смысле) – подвид военно-публицистического дискурса, обладающий следующими дифференциальными признаками: тематика (введение, реализация и последствия санкций); цели: оправдание применения санкций (дискурс государства-инициатора) и демонстрация их неэффективности (дискурс целевого государства); ценности: противодействие угрозе существующему миропорядку(дискурс государства-инициатора) и отстаивание своего права на независимую государственную политику (дискурс целевого государства).

3. Для российского, британского и американского санкционных дискурсов характерно использование интертекстуальных включений общих и специфических сфер-источников. К общим сферам-источникам относятся «Паремии, идиоматические выражения», «Кинематограф», «Исторические события», «Художественная литература», что объясняется наличием общего культурного кода у представителей трех национальных сообществ. Специфические сферы-источники включают «Музыкальные произведения», «Догматические тексты» (российский и британский дискурсы), «Исторические личности» (российский и американский дискурсы), «Термины и языковые клише», «Коллоквиализмы» (российский дискурс), что обусловлено лингвокультурными и экстрадискурсивными факторами.

4. В трех дискурсах исходный текст интегрируется в заголовочный комплекс через каноническое использование исходного текста или через его лексико-грамматические трансформации: усечение / расширение компонентного состава, опущение лексем, комбинация двух исходных текстов, лексическая или грамматическая замена. В обоих случаях в британском и американском санкционных дискурсах авторы стремятся к

поляризации сторон и негативизации образов целевых государств и их представителей, в российском дискурсе – к нивелированию негативного образа санкций.

5. Основными функциями интертекстуальных включений в заголовочном комплексе являются: побуждающая (интертекстуальное включение вызывает интерес реципиента к содержанию статьи), информативная (интертекстуальное включение позволяет автору продемонстрировать креативность), развлекательная (интертекстуальное включение вовлекает адресата сообщения в игру, предложенную адресантом).

Достоверность результатов исследования обеспечена объемом проанализированного материала, извлеченного из авторитетных изданий России, Великобритании, США, опорой на классические и современные достижения языкознания, использованием современных методов исследования.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», изложены в докладах на четырнадцати мероприятиях: ежегодная научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2022, 2023, 2024), ежегодный научно-методический семинар кафедры лингвистики и перевода ЮУрГУ (Челябинск, 2022, 2023, 2024), научная конференция профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ (Челябинск, 2022, 2023, 2024), Международный форум «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж, 2021), Международный симпозиум по комплексному развитию территорий «Государство. Политика. Социум. КРТ-2022» (Екатеринбург, 2022), VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Современные научные парадигмы»

(Симферополь, 2023), XII Международная научная конференция «Слово, высказывание текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2024), II Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2024). За значительные достижения в научно-исследовательской деятельности материалы и результаты работы отмечены в номинации «Научный тандем» в рамках реализации Плана мероприятий Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации на территории Челябинской области на 2022–2025 гг.

По теме диссертации опубликовано 8 работ в научных журналах и сборниках научных трудов, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России; глава в коллективной монографии (в соавторстве).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении диссертации раскрывается актуальность исследуемой проблемы, описываются объект, предмет, цель и задачи работы, особое внимание уделяется теоретико-методологическим основам, методам, научной новизне, теоретической и практической значимости исследования, приведены сведения об апробации работы.

В первой главе «Теоретические основы сопоставительного исследования интертекстуальных включений в заголовочных комплексах» представлен обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных проблематике исследования: рассмотрены понятия дискурса, медиадискурса, гибридного формата дискурса, заголовочного комплекса, интертекстуального включения; представлено определение санкционного дискурса как вида военно-публицистического дискурса.

Во второй главе «Универсальные черты интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского и американского санкционных дискурсов)» описывается

методика анализа и материал исследования, приводится система универсальных сфер-источников интертекстуальных включений в трех дискурсах, анализируются функции интертекстуальных включений в заголовочных комплексах.

В третьей главе «Специфические черты интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского и американского санкционных дискурсов)» рассматриваются специфические сферы-источники интертекстуальных включений и особенности их функционирования в санкционных дискурсах.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические выводы и практические результаты работы, намечаются перспективы для дальнейшего изучения как санкционного дискурса на материале других национальных дискурсов и хронологических срезов, так и инетертекстуальных включений на материале других дискусов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ

1.1. К определению понятия «дискурс»

На сегодняшний день не существует определения понятия дискурс, которое бы охватывало все случаи его употребления и применения. Размытость и неопределенность понятия делает его популярным среди исследователей. Кроме того, «дискурс» исследуется не только в лингвистике, но и в других социально-гуманитарных науках: философии, социологии, истории, культурологии, что говорит о междисциплинарном характере дискурсивных исследований.

В научный обиход термин «дискурс» ввел французский ученый Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974: 291]. Считая «язык» системой языковых элементов и правил их организующих, Э. Бенвенист отмечает переход от языка к дискурсу в тот момент, когда говорящий производит речевое высказывание. Данное речевое высказывание всегда обусловлено экстралингвистической ситуацией, новой и уникальной, которая наполняет смыслом данный дискурс. Кроме того, порождение высказывания подразумевает наличие адресата. Таким образом, в центре дискурса находятся два элемента: автор сообщения и его получатель.

Идея о взаимоотношении дискурса, текста и речи является ключевой в дискурсивных исследованиях. Если их систематизировать, то можно выделить несколько общих идей, на основании которых выстраиваются частные концепции.

Дискурс рассматривается, во-первых, как текст (И. Беллерт, В.Г. Борботько, Д. Кристал и др.), во-вторых, как текст в ситуации общения (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик и др.), в-третьих, как совокупность текстов, объединенных одной тематикой (А.Н. Баранов, В. Дресслер, М.В. Йоргенсен,

А.А. Киселева, П. Серио, Л. Филлипс, В.Е. Чернявская и др.), в-четвертых, как коммуникативное явление, существующее в неразрывной связи с многообразными экстралингвистическими факторами (О.В. Александрова, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, В.В. Петров и др.), в-пятых, как социальная практика (Н.Д. Адмони, М.Фуко, Н. Фэрклоу и др.)

В.Г. Борботько определяет дискурс как текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. При этом ученый, подчеркивая динамический характер дискурса, отмечает невозможность его анализа как статической единицы (слова, словосочетания) [Борботько, 1981].

В концепции И. Беллерт понятие дискурса сводится к совокупности высказываний, а необходимым условием понимания высказывания становится знание предшествующего контекста [Беллерт, 1978: 38], то есть любой связный текст становится дискурсом. При этом возникает вопрос о границах между текстом и дискурсом.

Д. Кристал в своей работе «English as a Global Language» вводит понятие «дискурс» для анализа больших, чем предложение, отрезков речи (устной или письменной). При этом, учитываются факторы, способствующие порождению высказывания. Текст воспринимается как единица дискурса, принадлежащая определенной ситуации [Кристал, 2003: 94].

В.И. Карасик в монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» понимает дискурс как общение посредством текста. Таким образом, текст из статической, самодостаточной единицы превращается в динамический процесс. При анализе такого текста необходимо учитывать обстоятельства общения и характеристики коммуникантов. Рассматривая текст как феномен человеческой культуры, В.И. Карасик считает ценностные признаки важнейшей характеристикой дискурса. Анализ дискурса позволяет выделить ценностные доминанты соответствующей культуры, что, в свою

очередь, позволяет изучить особенности менталитета народа [Карасик, 2002: 162].

Проанализировав работы С. Слембрука, М. Стаббса, М.Л. Макарова, В.Е. Чернявской и др., В.И. Карасик отмечает общие посылки в интерпретации дискурса: «(1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; (2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; (3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте; (4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; (5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; (6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста [Карасик, 2002: 164].

В. Дресслер и Р.-А. де Богранд описывают дискурс как набор взаимообусловленных текстов, при этом дискурс наделяется всеми характеристиками текста: связностью, когерентностью, интенциональностью, уместностью, информативностью, интертекстуальностью [Beaurgrande, Dressler, 1981: 187].

В.Е. Чернявская в работе «Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия» (2006) отмечает, что в современной лингвистике определение понятия «дискурс» зависит от научных традиций, сложившихся в национальных школах дискурсивного анализа. Изучив опыт ученых англо-американской, французской и немецкой школ, она приходит к выводу, что существует два рабочих определения понятия «дискурс»:

- конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская, 2012: 79]. При таком подходе тексты, будучи продуктами коммуникативной

деятельности, соотносятся с определенной ментальной сферой, с одной стороны, а с другой – каждый текст является представителем определенного типа текстов. При этом, текст не равен дискурсу. Дискурс подразумевает коммуникативный и ментальный процесс, в результате которого появляется текст.

- совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов [Чернявская, 2012: 91]. Дискурс в таком понимании подразумевает взаимосвязь многих типов текста. При этом, отдельные сферы человеческой коммуникации формируют различные типы дискурса (исторический, юридический, медицинский и т.д.). Отличие же текста от дискурса состоит в том, что текст представляет собой совокупность высказываний, соответствующих критерию текстуальности и образующих единое целое, а дискурс представляет собой совокупность текстов, взаимодействующих друг с другом.

Оперируя оппозицией «свой-чужой», В.Е. Чернявская подчеркивает ограничительный характер дискурса. Представляя собой совокупность текстов, описывающих тот или иной сегмент коммуникативной и познавательной деятельности человека, дискурс способен включать или исключать другие тексты на основании «своего» пространства [Чернявская, 2006: 92], а именно: однородных идей, теорий, стратегий автора. То есть дискурс – это, своего рода, система ограничений, накладываемых на возможные высказывания (тексты). Таким образом, дискурс задает определенные стандарты коммуникативно-речевого поведения в определенных ситуациях.

В.А. Андреева, подчеркивая влияние научной традиции в дискурсивных исследованиях и обобщая подходы нескольких национальных школ, выделяет три подхода понятию «дискурс»:

1. С точки зрения когнитивистики дискурс рассматривается как синоним речемыслительной деятельности. Дискурс – это категория, которая позволяет осмыслить речемышление в полной мере, рассматривая его с трех сторон: момент зарождения мысли, оформление мысли в высказывание, восприятие высказывания адресатом. В рамках данного подхода дискурс предстает как когнитивно-дискурсивное событие, взятое во всей его полноте, то есть как процесс, выражение и продукт интеракции участников коммуникации, происходящей с помощью определенного кода в определенных социально-культурных и исторических условиях [Андреева, 2015: 9].

2. Противоположное понимание дискурса сформировалось в рамках постструктуралистско-конструктивистской парадигмы. Дискурс понимается как когнитивно-тематическое пространство, в котором формируются значимые на данном историческом этапе идеологические (смысловые) позиции, релевантные для определенного социума и выражаемые не в одном, а во множествах рассеянных высказываний/текстов, которые задают участникам коммуникации определенные субъектные позиции [Андреева, 2015: 11].

3. Третий подход к пониманию дискурса базируется на понятии «коммуникативных компетенций», на которых основывается любая деятельность человека. В рамках этого подхода дискурс представляет собой стратегию порождения и восприятия текстов.

Несмотря на различную методологическую базу, общим для всех подходов является текст, который находится в фокусе исследования. Текст является знаковым телом дискурса в любой его версии [Андреева, 2015: 12].

П. Серио в своей работе по анализу французской школы дискурсивных исследований «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса» (1999) приводит восемь определений дискурса:

1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание, 2) единица, по размерам превосходящая фразу (грамматика

текста), 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом экстралингвистических факторов, 4) беседа, 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту), 6) язык, реализуемый в конкретной коммуникативной ситуации, 7) система ограничений, которые накладываются на неопределенное количество высказываний/текстов в силу социальной или идеологической позиции, 8) предмет исследований в рамках дискурсивного анализа [Серио, 1999: 48].

Т. ван Дейк, анализируя когнитивные, социальные и лингвистические аспекты языка и речи, рассматривает «дискурс» в трех проявлениях:

- в самом широком смысле, как коммуникативное событие, которое может быть как речевым, так и письменным, имеющим вербальные и невербальные составляющие;

- в узком смысле, как письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия;

- с точки зрения жанровой принадлежности («научный дискурс», «политический дискурс») [ван Дейк, 1988: 176].

Таким образом, Т. ван Дейк обращается как к процессу коммуникации, так и к ее результату (тексту). При этом подчеркивается многоплановость дискурса как единства языковой формы, знания и действия, для интерпретации которого нужно выйти далеко за рамки самого высказывания/текста.

Ю.Н. Караулов и В.В. Петров в предисловии к книге Т. ван Дейка «Язык. Познание. Коммуникация» определяют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста, отмечая, что в исследованиях языка невозможно продвинуться, изучая лишь языковые явления. Узнать что-то новое возможно лишь при учете социального контекста функционирования языка [Караулов, Петров, 2015: 7].

Похожее понимание дискурса находим у Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова, 1990: 9].

При таком подходе четко прослеживается связь дискурса с текстом, речью и реальной жизнью человека. Связь с последним, по мнению Е.С. Кубряковой, можно увидеть в трех отношениях:

1. Прямая связь дискурса с реальными речевыми потоками, основной характеристикой которых является их интенциональность. Реальная коммуникация всегда направлена на решение социальных проблем.

2. Наличие разных типов дискурса, соотносящихся с различными типами социокультурной деятельности. Каждый тип дискурса очерчивает определенный социокультурный контекст, социальные роли участников коммуникации, способы производства и восприятия сообщения. Изучая отдельные типы дискурсов, исследователь выходит за рамки языкового содержания, пытается воссоздать ментальный мир, конструируемый данным типом дискурса.

3. Описание отдельных дискурсов. При этом принимается, что каждый тип дискурса предопределяет выбор лингвистических средств коммуникантами [Кубрякова, 2000: 10–12].

Н.Ф. Алефиренко, А.А. Кибрик, считая дискурс коммуникативным событием, отмечают его двойкий характер – это и речевой процесс, и его результат (текст) [Алефиренко, 2013; Кибрик, 2009]. А.А. Кибрик отмечает, что при изучении дискурса (в отличие от составляющих меньшего размера) в принципе невозможно остаться в рамках чисто внутриязыковых координат.

Неизбежен выход в «экстралингвистические» сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений. Благодаря тому, что дискурс носит двойной характер (процесс и результат), его можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «Дискурс» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка [Кибрик, 2009: 10].

Н.Ф. Алефиренко, называя текст вербальной репрезентацией дискурса, определяет последний как субъективное речемыслительное отражение в нашем сознании картины мира. Считая невозможным наблюдать и исследовать язык как таковой, ученый предлагает изучать речемыслительную деятельность, результатом которой является текст [Алефиренко, 2013: 54].

О.С. Иссерс использует понятие «дискурсивной практики» как непосредственного объекта исследования. Именно дискурсивная практика, по мнению ученого, является наблюдаемым материалом, доступным для эмпирического описания. Посредством дискурсивных практик (реального употребления языка) создаются и изменяются дискурсы. Через анализ дискурсивных практик становится возможным осмысление и описание дискурса [Иссерс, 2011: 225]. Таким образом, О.С. Иссерс устанавливает связь между дискурсом и реальным употреблением языка.

Иной подход к дискурсу основан на идеях М. Фуко, который воспринимает дискурс с трех точек зрения:

- абстрактно: дискурс – социальная практика;
- жанрово: дискурс – разновидность языка, используемого в пределах определенной области, например, политический дискурс;
- дискурс как способ «говорения», которым придается значение жизненному опыту [Фуко, 1977: 227].

Любой дискурс подвергается селекции и перераспределению, чтобы нейтрализовать его властные полномочия [Фуко, 1996: 331]. Таким образом, М. Фуко рассматривает связь дискурса и идеологии. Ученый отмечает влияние дискурса на способ мышления и описания различных аспектов

жизни человека. «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [Фуко, 1977: 229].

М. Фуко вводит понятие «дискурсивной формации» для описания механизма появления одних способов размышления о реальности и исключения других. Именно дискурсивные формации определяют кто, когда и каким образом может говорить. В отдельно взятый исторический момент авторитет разных дискурсов будет разным, что определяется властью: «дискурс – это власть, которую необходимо захватить» [Фуко, 2004: 163]. Основной задачей дискурсивного анализа М. Фуко считает анализ текстов и высказываний как элементов текста, но не с точки зрения правил, регулирующих высказывание/текст, а с точки зрения ответа на вопрос: почему такие высказывания возникают именно здесь, а не где-либо еще? [Фуко, 2004: 164].

Н. Фэрклоу в своей работе «Analysing Discourse» (2004), подчеркивая социальный характер дискурса как любой коммуникации, рассматривает его как способ описания различных аспектов реального мира – как материального, так и мыслительного, эмоционального [Фэрклоу, 2004: 58]. Социальный статус и взаимоотношения человека определяют его отношение к реальности и, как результат, восприятие дискурсов. Социальные отношения людей детерминируют, в каком отношении дискурсы будут находиться друг к другу: дополнять друг друга, конкурировать, сотрудничать. То есть дискурс помогает человеку выстраивать отношения с другими людьми и реализует себя как социальная практика.

В.Г. Адмони, считая текст единицей коммуникативно-когнитивной практики, определяет дискурс как дискурсивную практику, а именно производство и восприятие текстов в рамках социальной практики [Адмони, 1988: 64]. В этом смысле понимание дискурса В.Г. Адмони близко к концепции Т. ван Дейка и П. Серио.

Разрабатывая теорию дискурсивного анализа, З. Егер берет за основу не языковые, а социальные аспекты дискурса. Основной задачей дискурс-анализа З. Егер считает выявление заложенных в дискурсе знаний, а язык становится социальной практикой, позволяющей выявить эти знания [Егер, 2001: 33].

З. Харрис ввел в лингвистический обиход понятие дискурс-анализа как метода исследования связной речи (или письма). В своей статье «Discourse Analysis» (1952) он пытается выйти за рамки исследования отдельного предложения, которое является единицей исследования дескриптивной лингвистики, и учесть лингвистические и нелингвистические аспекты поведения, а именно установить связь языка и культуры [Харрис, 1952: 18].

По мнению З. Харриса, язык реализуется не в отдельных предложениях, но в рамках связного дискурса. Таким образом, основной задачей дискурсивного анализа является попытка выявить глубинную связь отдельных высказываний для того, чтобы понять смысл целого. Дискурсивный метод позволяет вскрыть взаимосвязь не только между частями одного текста, но и между разными текстами. При этом учитываются психологические, социальные аспекты коммуникации. Таким образом ученый пытается выйти за рамки дескриптивной лингвистики, описывающей лишь языковую сторону коммуникации [Харрис, 1952: 21]. Рассматривая любое высказывание реальной коммуникации как результат трансформации неких ядерных предложений, можно выявить закономерности в отдельных текстах и построить определенный тип дискурса [Харрис, 1957: 34].

Таким образом, ключевыми аспектами дискурсивного анализа становятся выход за рамки предложения и учет лингвокультурологических сторон коммуникации: человек, ситуация, речь.

Итак, понятие «дискурс» в современной лингвистике является разноплановым. Единого определения термина «дискурс» не существует, что объясняется наличием лингвистических традиций, рассматривающих его с

разных сторон. Каждая дискурсивная школа выбирает тот аспект дискурса, который будет релевантным для проводимых исследований. Однако нужно отметить одну общую черту: при анализе дискурса исследователь выходит за рамки отдельного предложения; учет экстралингвистических факторов (экономических, психологических, культурологических и др.) становится обязательным. Без этого невозможно осмыслить процесс коммуникации, понять намерение автора. При этом осязаемым объектом исследования остается текст, лингвистический анализ которого помогает смоделировать различные типы дискурса.

1.2. Коммуникативно-когнитивный аспект медиадискурса

Современное общество подвержено влиянию средств массовой информации/коммуникации и живет в эпоху тотальной медиатизации, когда средства массовой информации окружают нас буквально повсюду, проникая во все сферы социальной и культурной жизни общества. С. Лэш сравнивает СМИ с заразной болезнью, которая распространяется в обществе с большой скоростью [Lash, 2005: 213]. Без этой «болезни» невозможно представить себе ни политику, ни торговлю, ни финансы, ни спорт.

Изначально термин «медиатизация» использовался для описания влияния СМИ на политическую коммуникацию и политическую жизнь [Asp, 1986: 359], а также зависимости политики и политиков от СМИ, что выражается в способах ведения коммуникации с населением страны [Mazzoleni, Schulz, 1999: 249].

С. Хьярвард рассматривает процесс медиатизации более широко, понимая его как процесс, при котором общество становится зависимым от СМИ до такой степени, что они (СМИ), сами становясь социальным институтом, подчиняют своей логике другие институты [Hjarvard, 2008: 113]. В процессе медиатизации трансформируются отношения как внутри

социальных институтов, так и между отдельными коммуникантами [Krotz, 2009; Hjarvard, 2014; Silverstone, 2005], что формирует общество и культуру.

Такое проникновение СМИ во все сферы общества способствует их нарастающей манипулятивной силе. То есть медиатизация сводится к тому, что СМИ «в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или исказить), придавая им свои медиатизированные значения (mediated meanings), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности» [Землянова, 2002: 84]. Граница между реальностью и тем, как представлена эта реальность в СМИ, размывается все больше, становится все труднее отличить правду от вымысла, причем медиатизация не является универсальной характеристикой любого общества. Ей подвержены, в основном, развитые (про)западные общества – США, Европа, Австралия и т.д. [Hjarvard, 2008, 2013].

Процесс медиатизации общества требует детального описания и изучения, так как коренным образом меняет способ коммуникации между отдельными людьми, организациями, сообществами, культурами. Наблюдаемым объектом для такого описания может стать медиадискурс как платформа, на которой разворачивается процесс медиатизации. Кроме того, медиадискурс является точкой пересечения разных видов дискурса, их гибридизации.

В европейской традиции разработка теории медиадискурса началась с серии «Bad News» (Glasgow University Media Group, 1976). Работа заключалась в лингвистическом исследовании репортажей о промышленности в Великобритании. Используя метод контент-анализа, ученые исследовали подачу информации, использование цитат и особенности выбора лексических единиц и доказали, что представление фактов в СМИ носит субъективный характер. Эти исследования стали основой для дальнейшей разработки теории медиадискурса в рамках

лингвокультурологии [Hall, 1994: 210] и прикладной лингвистики [Aitchison, Lewis, 2003; Bell, Garrett, 1998; Johnson, Ensslin, 2007].

Т. ван Дейк, анализируя новостные сообщения, рассматривает новостной дискурс как «новую междисциплинарную теорию новостных сообщений в прессе» [ван Дейк, 2006, 2009]. В качестве практического материала Т. ван Дейк использует новости о расизме в британских СМИ. Результатом данного исследования становится анализ структуры новостного дискурса, которая, по мнению Т. ван Дейка, не является произвольной. Ученый выделяет следующие категории новостного дискурса: краткое содержание (summary), заголовок и подзаголовок, основные события, бэкграунд, последствия.

А. Белл, подчеркивая важность СМИ как социального института, отмечает тот факт, что СМИ не только и не столько информируют читателя, но определенным образом формируют его восприятие культуры, политики и социальной жизни [Bell, 1995: 23], то есть лингвистические исследования медиадискурса неизбежно касаются идеологии и власти. Причем, новостное сообщение не является результатом работы одного человека, но проходит стадии редакции, которая удаляет информацию из текста, поясняет, переписывает, чтобы увеличить его «новостную ценность» [Bell, 1995: 24]. Последняя определяется следующими факторами: новизна, актуальность, пространственная или психологическая близость к получателю информации, значимость, возможные последствия для массовой аудитории, фактор человеческого интереса, конфликтность [Добросклонская, 2020: 50].

Кроме того, А. Белл, вслед за Н. Фэрклоу указывает на интертекстуальный характер новостного дискурса, так как журналисты используют в своих текстах явные или скрытые цитаты на другие статьи, встраивают целые куски чужих текстов [Bell, 1995; Fairclough, 1992]. Журналисты не пишут статьи, они пишут истории со своей структурой, мнением и ценностями [Bell, 1995: 24]. Можно сказать, что ценности

определяют, как будет написана история, как будет разворачиваться медиадискурс.

М. Конбой утверждает, что медиадискурс – это форма коммуникации, которая формирует и конструирует наше понимание реальности. Он предполагает, что медиатексты являются не просто отражением мира, но активно участвуют в создании и увековечивании определенных смыслов, идеологий и властных структур [Conboy, 2006, 2007]. Таким образом, анализировать медиадискурс необходимо, чтобы понять, как он влияет на наши мысли, мнения и поведение.

С. Джонсон и А. Эндлин, М. Тэлбот, Д. Машэн и Т. ван Леувен понимают медиадискурс похожим образом, утверждая, что он играет решающую роль в формировании общественного мнения и конструировании реальности [Johnson, Endlin, 2007; Machin, Leeuwen van, 2007; Talbot, 2007]. Ученые считают, что то, как информация оформляется и представляется в средствах массовой информации, может влиять на то, как люди воспринимают события и проблемы, подчеркивая важность критического анализа медиатекстов и понимания динамики власти (сложная сеть взаимоотношений и взаимодействий, которые формируют общество) в медиаорганизациях. То есть медиадискурс – это мощный инструмент формирования общественных отношений и убеждений.

Медиадискурс часто связывают с идеологией и убеждениями. Н. Фэрклоу исследовал не только то, как текстах представлены убеждения носителей определенного языка и культуры, но и как работает идеология, лежащая в основе этих убеждений [Фэрклоу, 2013]. СМИ способны тиражировать убеждения, опираясь на определенную идеологию, формируя тем самым общественное мнение по обсуждаемым вопросам.

Р. Фаулер в исследовании взаимосвязи медиадискурса и идеологии утверждает, что медиатексты не нейтральны и не объективны, а создаются с учетом конкретных точек зрения и идеологий, которые могут влиять на то, как мы воспринимаем реальность [Fowler, 1995]. Важность критического

анализа медиадискурса состоит в том, что он помогает осознать идеи и установки, продвигаемые медиапродюсерами – то, что не лежит на поверхности текста, а находится между строк.

Э. О'Киф, М. Монтгомери, К. Коттер считают, что медиадискурс характеризуется четко определенным набором конвенций и практик, которые определяют, как новости и информация производятся, формируются и распространяются среди общественности. Эти условности часто влияют на то, как оформляются истории, выбираются источники и подается информация аудитории [Cotter, 2001; Montgomery, 2007; O'Keeffe, 2006]. Таким образом, медиадискурс может быть мощным инструментом формирования общественного мнения, отношения и поведения, ведь именно он определяет проблемы на повестке дня, действующих лиц и способ представления информации, которые формируют наше понимание мира.

В российской лингвистике термин «медиадискурс» появился в связи с оформлением «медиалингвистики» (термин, предложенный Т.Г. Добросклонской) в самостоятельную науку, предметом исследования которой является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации [Добросклонская, 2000: 12]. Разработкой и описанием языка СМИ занимались такие ученые как С.И. Бернштейн (особенности языка радиопередач), В.Г. Кастомаров, А.Н. Васильева, Г.Я. Солганик, И.П. Лысакова (особенности газетной публицистики) [Бернштейн, 1977; Кастомаров, 1971; Васильева, 1982; Солганик, 1981; Лысакова, 1989].

Однако оформление медиалингвистики в самостоятельную науку произошло сравнительно недавно и связано это как с языковыми, так и с социокультурными и научно-технологическими факторами: стремительным развитием информационных технологий, оформлением единого информационного пространства, междисциплинарным характером медиалингвистики, оформлением «языка СМИ» в отдельный функциональный стиль со своими особенностями и структурой [Добросклонская, 2008: 4-5].

Основными понятиями медиалингвистики являются медиадискурс и медиатекст. Т.Г. Добросклонская рассматривает эти понятия с точки зрения трех подходов: структурного, функционального и тематического. Обращаясь к универсальной модели коммуникации, состоящей из таких элементов, как отправитель и получатель сообщения, само сообщение, канал передачи, способ кодирования/декодирования сообщения, обратная связь, ситуация общения, ученый определяет текст как само сообщение, медиатекст – как сообщение в сочетании с каналом передачи, а медиадискурс – как сообщение в сочетании с каналом передачи, а также экстралингвистическими факторами и культурообусловленными особенностями создания и восприятия сообщения [Добросклонская, 2006: 22-23].

С точки зрения функционального подхода медиадискурс представляет собой не что иное, как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации, а с точки зрения тематического – совокупность письменных и устных текстов как продуктов речевой деятельности в рамках социально-значимых тем, которые в тот или иной момент оказываются в центре общественного внимания [Добросклонская, 2015: 45-46].

Учитывая все три подхода, можно определить медиадискурс как функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Там же]. Однако, на наш взгляд, за рамками данного определения остается вопрос о целях медиадискурса.

Е.А. Уварова, акцентируя внимание на когнитивной стороне медиадискурса, понимает его как активную ментальную деятельность, которая проявляется исключительно в среде массовых коммуникаций. Как и любой другой дискурс, медиадискурс следует рассматривать в комплексе с внелингвистическими аспектами, не ограничиваясь только языковыми особенностями [Уварова, 2015: 49]. То есть медиадискурс – это динамический процесс, происходящий строго в рамках СМИ. При этом,

активная ментальная деятельность подразумевает не только процесс создания медиатекстов, но и процесс их декодирования.

Н.Ф. Алефиренко также отмечает когнитивную сторону медиадискурса, который «преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим “устройством”» [Алефиренко, 2016: 49]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, медиадискурс представляет собой формирование событийного характера, с учетом различных факторов, таких как прагматика, социокультурные аспекты, психология, паралингвистика и другие. Анализ медиадискурса позволяет оценить речетворческие стимулы журналиста при создании статьи [Там же].

С.В. Иванова, отмечая связь медиадискурса и культуры, считает, что медиадискурс «представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного общества <...>, а масс-медийный текст является своеобразной проекцией культурного пространства» [Иванова, 2008: 29]. Такое понимание медиадискурса позволяет выявить специфические особенности той или иной культуры, ее культурнозначимые единицы. Анализ медиадискурса позволяет понять, как язык и культура медиаинститутов отражаются в форме, содержании и стиле сообщений, а также воздействуют на аудиторию, формируя ее мировоззрение и идентичность.

М.Р. Желтухина предлагает комплексный подход в описании медиадискурса как «связного, вербального или невербального, устного или письменного текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженного средствами массовой коммуникации, взятого в событийном аспекте, представляющего собой действие, участвующего в социокультурном взаимодействии и отражающего механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2016; Желтухина, Зеленская, 2018]. Данный подход отражает основные характеристики медиадискурса, представляющего собой коммуникативное событие,

обладающее смысловым единством и способное через отражение в сознании участников генерировать новые смыслы.

Е.А. Кожемякин рассматривает два подхода к определению медиадискурса. Первый подход совпадает с интерпретацией медиадискурса Т.Г. Добросклонской и понимается как особый вид речемыслительной деятельности, характерный только для информационной сферы масс-медиа. Согласно этому подходу, медиадискурс отличается от других видов дискурса, таких как политический, религиозный, научный и др., по языковым практикам и коммуникативным ситуациям, в которых он реализуется, хотя темы обсуждений могут быть схожими [Кожемякин, 2015].

Согласно второй точки зрения, медиадискурс – это любой вид дискурса, который активно используется в массовой коммуникации и производится СМИ. Это может быть политический, религиозный, педагогический и другие медиадискурсы, предполагающие наличие определенного набора практик создания, передачи и толкования массовой информации. При этом, автор отмечает генетическую различность дискурсов в медиасфере и, как результат, инкогерентность самого медиадискурса [Кожемякин, 2014: 57]. Отсутствие единообразия в медиадискурсе ведет к хаотичности дискурсивных практик и его видимой бессвязности. Закономерно возникает вопрос о жизнеспособности медиадискурса как системы, обладающей характерными признаками и отличающейся от дискурсов, ее составляющих, а также о том, как уживаются разнородные дискурсы в рамках медиадискурса.

Е.А. Кожемякин считает, что идеи социального конструкционизма, признающего первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира [Кожемякин, 2014: 58], помогают решить эти противоречия. Согласно социальному конструкционизму, медийная реальность не просто отражает объективную действительность, а является самостоятельной и относительно автономной от «объективного мира». Она формируется в соответствии с кодами и представлениями, принятыми внутри

общественной среды. Масс-медиа не искажают или дополняют реальность, а скорее транслируют представления и точки зрения, которые заранее установлены в обществе [Там же].

Таким образом, медиадискурс является сложным, многоплановым образованием, основной задачей которого становится формирование новой реальности, то есть функция информирования читателя уходит на второй план. Реальность, созданная таким образом, транслирует идеологию, выраженную в убеждениях, и формирует у получателя определенный взгляд на окружающую действительность. При этом, совсем необязательно искажение фактов. Как бы ни старались СМИ, они всегда излагают определенную точку зрения на событие, которая далека от объективной.

Медиадискурс является источником информации, который определяет, какой тип знаний и представлений сообщество получает о различных событиях, людях и явлениях. Он может быть использован для создания определенного образа общественных явлений или для манипуляции мнениями и убеждениями аудитории.

1.2.1. Взаимопроникновение дискурсов: интердискурсивность, полидискурсивность, дискурс(ив)ная гетерогенность, гибридизация

В научный обиход понятие интердискурса было введено французским постструктуралистом М. Фуко в работе «Археология знания» (1969). М. Фуко использовал понятие интердискурса для обозначения взаимосвязи различных дискурсов и их влияния друг на друга в процессе образования знания и формирования культурных норм и ценностей [Фуко, 2004].

М. Пеше и П. Анри, исследуют «интрадискурс» как функционирование дискурса по отношению к самому себе и «интердискурс» как совокупность взаимодействующих дискурсивных формаций с некой доминантой [Пеше, Анри, 1999]. То есть интердискурс является результатом взаимодействия различных дискурсивных практик в обществе. Дискурс не существует в

изоляции, а всегда находится во взаимосвязи с другими дискурсами, причем коммуниканты, являясь участниками дискурса, не осознают того, что оперируют интердискурсом.

М. Пеше считает, что дискурсы формируются и репрезентируются различными социокультурными и институциональными силами. Ученый выделяет концепцию «многоязычного текста», который представляет собой множество дискурсов, образующих сложную, многогранную структуру смысла [Там же].

Теория интердискурса М. Пеше помогает исследователям анализировать и понимать различные дискурсивные практики в обществе, их влияние на лингвистическую и социокультурную среду, а также способы их воздействия на формирование общественного мнения и власти.

Р. Водак в своих работах описывает интердискурс как область исследования, изучающую взаимосвязь и взаимодействие различных дискурсов в тексте или контексте. Исследователь считает, что в тексте всегда присутствует несколько дискурсов, которые взаимодействуют друг с другом и определяют специфику текста. Р. Водак выделяет несколько уровней интердискурса, включая текстуальный, семиотический, макро- и микродискурс [Водак, 1997, 2004]. Подчеркивая историческую обусловленность любого дискурса, Р. Водак указывает на последствия, существующие для настоящих и будущих дискурсов [Wodak, 2002: 22].

Таким образом, общим для всех подходов в западной традиции к определению интердискурсивности является признание того, что дискурсы не существуют изолированно, они взаимодействуют друг с другом и взаимопроникают под влиянием социокультурных факторов. Отдельно взятый индивид оперирует интердискурсом неосознанно.

В российской традиции параллельно существуют несколько терминов, описывающих пересечение и взаимодействие различных дискурсов: полидискурсивность, интердискурсивность, дискурсивная гетерогенность.

Наличие нескольких определений, казалось бы, одного феномена может ввести исследователя в заблуждение и требует, на наш взгляд, пояснений.

Количественный анализ по ключевым словам через GoogleScholar показал, что наиболее востребованным в научной среде является термин «интердискурсивность» (2610 вхождений в заголовках научных работ). В исследованиях по интердискурсивности можно выделить два направления: 1) интердискурсивность как характеристика дискурса, отражающая взаимодействие и взаимопроникновение дискурсов; 2) соотношение понятий «интердискурсивность» и «интертекстуальность».

В рамках первого направления исследуются разные виды дискурса (художественный, спортивный, кинематографический, учебно-педагогический, медицинский и т.д.), а интердискурсивность рассматривается как актуализация в одном типе дискурса признаков других дискурсов и семиотических систем [Гордиевский, 2006; Олизько, 2007, 2009, 2010; Пастухов, 2016; Пелевина, 2008; Пеньков, 2016; Самкова, 2013; Стеблецова, Стернин, 2019]. Другие дискурсы в этом случае рассматриваются как «инодискурсные элементы», чуждые данному дискурсу, а точка их пересечения может относиться как к языковому уровню, так и к когнитивному [Белоглазова, 2010: 359-360].

Интердискурсивность становится характеристикой современной лингвокультурной реальности, в которой «предметы или проблематика, жанры, инструменты одного дискурса становятся достоянием другого» [Стеблецова, Стернин, 2019: 796]. При этом, интердискурсивность не сводится к формальной констатации наличия признаков разных дискурсов в другом, а становится неотъемлемой характеристикой этого дискурса.

Появление исследований о соотношении понятий интертекстуальности и интердискурсивности, на наш взгляд, так же закономерны, как и исследования о соотношении текста и дискурса, в которых дискурс рассматривается как процесс, а текст – как результат этого процесса. Понятие интертекстуальности, возникшее из работ М.М. Бахтина о полифоничности

художественных произведений, получило самую широкую трактовку в рамках литературоведческого подхода Ю. Кристевой, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, Р. Барта и др. о безграничном тексте, существующем в постоянной трансформации [Кристева, 1994, 1995; Барт, 1994; Лотман, 1994; Смирнов, 1995]. Таким образом, интертекстуальность является категорией не текста, а культуры.

С точки зрения более узкого подхода (лингвистического) интертекстуальность представляет собой категорию текста, описывающую преднамеренное включение автором других текстов в свой. При этом, намерение также подразумевает наличие такого же «интертекстуального сознания» у получателя [Чернявская, 2007: 17]. То есть сказать, что текст интертекстуален можно лишь в том случае, если отсылка к другому тексту будет опознана адресатом.

Интердискурсивность, в свою очередь, подразумевает наличие некоего влияния между текстами, но актуализируется это влияние не через языковые средства, а как сходство мотивов, тем, сюжетов [Чернявская, 2007: 19]. Интердискурсивность характеризует преднамеренное использование в продуцируемом тексте структурных и лексико-семантических особенностей других дискурсов, что предполагает «когнитивное переключение» читателем с одного типа дискурса на другой [Пелевина, 2008: 137].

Таким образом, понятия интертекстуальности в лингвистическом смысле и интердискурсивности отражают преднамеренное включение автором в свой текст / дискурс других текстов (интертекстуальность) или элементов других дискурсов (интердискурсивность). И в том, и в другом случае необходимо наличие общего интертекстуального / интердискурсивного сознания у всех участников коммуникации для того, чтобы произошло опознание отсылки к другому тексту или переключение на другой тип дискурса.

Понятие дискурсивной (дискурсивной) гетерогенности (1240 заголовков научных статей) возникло по аналогии с текстовой гетерогенностью, под

которой понимается функционирование текстов в нетипичных коммуникативных условиях [Чернявская, 2009: 78-81]. Постулируя невозможность четкой типологизации текстов по единообразным критериям, В.Е. Чернявская отмечает, что на фоне типизированных, стандартизированных текстовых типов существуют «пограничные», не поддающиеся формализации. Происходит процесс контаминации текстовых прототипов, в результате которого появляются новые типы текстов, обладающие признаками нескольких текстовых моделей [Там же].

Е.В. Белоглазова, исследуя когнитивный и лингво-прагматические аспекты детской литературы, предлагает для описания интердискурсивных отношений понятие «дискурсивной гетерогенности», проявляющейся в интердискурсивности (характеристике единичного текста, неоднородного с точки зрения своих дискурсивных характеристик) и полидискурсивности (характеристике множества текстов с общим ядром-интердискурсом) [Белоглазова, 2010: 8]. При этом, под дискурсивной гетерогенностью, характеризующей любой художественный текст, понимается «введение в текст, относящийся к одному дискурсу, элементов других дискурсов» [Белоглазова, 2010: 15].

Ученый предлагает различать естественную интердискурсивность, основанную на том, что дискурсы могут переходить из одного в другой по причине наличия концептов, свойственных нескольким типам дискурса. При этом, в разных интердискурсах будут актуализироваться разные смыслы. В интердискурсивности, основанной на искусственной смежности, взаимодействие разных дискурсов является интенцией автора. При этом взаимодействовать могут дискурсы, не имеющие ничего общего [Белоглазова, 2009: 168-174].

Термин «полидискурсивность» (536 упоминаний в заголовках научных статей) сам по себе означает наличие нескольких дискурсов. Полидискурсивность часто рассматривается на материале художественной коммуникации, которая по своей природе может сочетать несколько

дискурсов. М.А. Кожина определяет полидискурсивность художественного текста как его свойство транслировать модели разных дискурсов, соединяя и перерабатывая их в своей структуре [Кожина, 2012: 4], то есть полидискурсивность предполагает не просто вхождение разных типов дискурса в художественный дискурс, но и изменение их характеристик.

К.П. Сидоренко также на материале художественного дискурса предлагает рассматривать два аспекта полидискурсивности: 1) сочетание нескольких дискурсов в одном и 2) интертекстуальный потенциал текста как внутреннюю полидискурсивность [Сидоренко, 2012: 84]. При этом, внутренней дискурсивностью обладают произведения, вошедшие в круг русской культуры. При таком подходе интертекстуальность рассматривается как неотъемлемая часть полидискурсивности, что ограничивает круг исследуемого материала.

Понятия интердискурсивности, дискурс(ив)ной гетерогенности и полидискурсивности описывают, по сути, процесс пересечения и взаимодействия нескольких дискурсов.

С этими понятиями тесно связано понятие гибридности и гибридизации дискурса. Биологический словарь определяет гибрид как «организм (клетка), полученный в результате объединения генетического материала генотипически разных организмов (клеток)» [Большая Советская Энциклопедия], то есть объекты, обладающие разными характеристиками, объединяются в единое целое, приобретая новые характеристики. Гибридность языка является его естественным состоянием, определенным эволюцией [Ирисханова, 2010: 28].

Исследования гибридных дискурсов носят практический характер, описывая новый вид дискурса через характеристики других, представленных в нем. Например, Л. Берлин, проводя исследование выступлений Уго Чавеса на телевидении (2007–2008), утверждает, что для того, чтобы оправдать какие-либо действия правительства или призвать население к агрессии достаточно транслировать правдоподобные (необязательно правдивые)

основания для этого. Автор приводит интересную статистику. Во время вторжения США в Ирак из-за якобы находившегося на его территории оружия массового поражения 68% опрошенных *Program on International Policy Attitudes* американцев полностью оправдывали американское вторжение, оставшиеся 32% либо считали факт наличия оружия правдоподобным, либо были уверены, что Ирак действительно обладает таким оружием, либо считали, что оружие уже найдено [Berlin, 2011: 42]. Такая статистика говорит об огромном влиянии медиадискурса как «мягкой силы» на читателя.

Л. Берлин определяет гибридный дискурс как совокупность двух дискурсов (политического и дискурса СМИ), целью которого является призыв к действию или его оправдание. Такой гибридный дискурс обладает следующими характеристиками: 1) слияние двух форматов; 2) контекстуализация гибридного формата средствами обоих дискурсов; 3) отсылка к историческим событиям, известным аудитории, для оправдания агрессии [Berlin, 2011: 43].

Исследуя гибридизацию рекламного и новостного дискурсов, К. Эръявец отмечает все большую размытость между ними. Автор указывает на возникшую опасность для читателя, так как он не может определить, какой вид медиатекста перед ним: новостная статья или ее гибрид – оплаченная новостная статья, цель которой состоит в продвижении какого-либо продукта. Таким образом, читателя, преднамеренно или случайно, вводят в заблуждение [Erjavec, 2004: 554].

В своем исследовании «миграционного кризиса» («refugee crisis») в Швеции, М. Кржижановски констатирует появление гибридного политизированного дискурса («politization discourse»), состоящего из дискурса политизации иммиграционной политики на уровне законодательного органа и политических партий, с одной стороны, и дискурса политизации иммиграционной политики в СМИ – с другой [Krzyżanowski, 2017: 2]. Автор отмечает, что во многих контекстах граница

между двумя дискурсами размыта настолько, что они воспринимаются как части одного процесса.

Иного подхода придерживается О.В. Соколова, которая рассматривает гибридный дискурс как сочетание различных типов речи, культурных кодов и идей, которые могут существовать параллельно или сосуществовать в едином тексте или контексте. Гибридный дискурс может возникать в результате смешения различных языков, стилей или жанров, и может отражать культурные и социальные различия или реалии. Гибридный дискурс может быть сложным и многослойным и включать элементы как привычных, так и новых речевых стратегий и практик [Соколова, 2020].

А.В. Хотонг предлагает изучать гибридный дискурс с точки зрения представленных в нем типов гибридности [Хотонг, 2019: 193], которые можно систематизировать на базе двух критериев: 1) родовидовых отношений и 2) уровней языка-речи [Там же].

В монографии о речевом поведении судей Т.В. Дубровская в описании гибридного дискурса основывается на полевой структуре дискурса, предложенной В.И. Карасиком [Дубровская, 2010: 272], который представляет институциональный дискурс в виде ядра (общение базовых участников) и периферии (общение участников, принадлежащих к данному институту с теми, кто ему не принадлежит) [Карасик, 2002: 24]. Именно в периферийной, наиболее подвижной, части дискурса возможно проникновение и взаимодействие с другими дискурсами. При этом, утрата одного или нескольких принципиальных признаков исходного дискурса и присвоение признаков другого (других) дискурса (дискурсов) признаются основной характеристикой гибридизации [Дубровская, 2010: 272].

Рассматривая жанрово-стилевые особенности туристического дискурса, Н.В. Филатова, характеризует его как гибридный на основании того, что он сочетает в себе черты публицистического и научного функциональных стилей с наложением приемов рекламного дискурса [Филатова, 2012: 80], то есть гибридизация понимается как взаимодействие

стилей в рамках одного дискурса. Такое отождествление стиля и дискурса упрощает понимание гибридного дискурса, но оставляет за рамками исследования такие экстралингвистические факторы, как намерение автора, ожидания читателя, наличие/отсутствие общей когнитивной, культурной, социальной базы у коммуникантов.

Иной подход, более точно отражающий взаимодействие дискурсов, рассматривает, О.С. Рогалева, анализируя гибридизацию дискурса в двух аспектах: 1) как пересечение разных дискурсов в рамках одного; 2) как адаптацию текстов одного дискурса в новой коммуникативной среде (лингвистический механизм междискурсного взаимодействия) [Рогалева, 2014]. Такой подход, на наш взгляд более точно отражает взаимодействие дискурсов.

Изучая военно-политический и военно-публицистический дискурсы, О.А. Солопова и К.А. Наумова понимают гибридный дискурс как сочетание двух и более видов дискурса, один из которых является дискурсом-основой, а другие – дискурсами-дополнениями. Дискурс-основа определяет содержание дискурса, а дискурс-дополнение – его форму [Наумова, Солопова, 2021: 5].

Таким образом, гибридизация свойственна институциональным видам дискурса, что может быть объяснено тем, что в реальной жизни постоянно происходит общение между людьми, принадлежащими к различным сферам жизнедеятельности, и именно на стыке периферийных частей дискурса происходит их взаимопроникновение, так как эта периферийная часть является более размытой и подверженной влиянию по сравнению с ядерной структурой того или иного дискурса. Кроме того, гибридный дискурс не является механическим сложением характеристик составляющих его дискурсов. Дискурсы взаимодействуют и меняют свои характеристики.

1.2.2. Санкционный дискурс как разновидность военно-публицистического дискурса

Появление санкционного дискурса обусловлено складывающейся геополитической ситуацией. Санкции являются постоянной темой в новостной повестке дня. Их принято считать инструментом «мягкой силы» и ожидать от них результатов сравнимых с последствиями военных действий: смены власти, изменения характера внутренней и внешней политики, разрушения торговых связей и экономики. Несмотря на то, что санкции являются древним способом экономического воздействия (в V веке до н.э. Афинский морской союз запретил купцам Мегары торговать на своей территории) [Воронин, Митин, 2016: 83], до сих пор не выработано единой эффективной модели их использования. Возникают вопросы о неоднозначности, противоречивости и этичности их применения. Однако нужно признать, что конец XX века стал эпохой расцвета экономических и политических санкций, пик которых мы наблюдаем сейчас.

Эффективность использования такого инструмента воздействия вызывает сомнения. Существует мнение, что санкции вводятся тогда, когда инициатор признает свою неспособность повлиять на оппонента другим способом [Wallenstein, 1968: 262]. Санкции могут иметь совершенно противоположный эффект, например, сплотить общество и способствовать экономическому развитию государства [Galtung, 1967: 409]. Однако несмотря на очевидную неэффективность, политические элиты продолжают их использовать [Nossal 1989, 301].

С другой стороны, эффективности можно добиться за счет правильного применения, а именно коллективного инициирования санкций международным сообществом, а не отдельной страной, что позволит ограничить возможности поиска альтернативных рынков для поддержания экономики внутри страны, находящейся под санкциями [Onderco, van der Veer, 2021: 239].

Достигают санкции своей цели или нет, в любом случае они могут нанести непоправимый ущерб населению, как это случилось с Ираном, против которого санкции вводились несколько раз в связи с разворачивающейся ядерной программой. Согласно докладу World Bank Group (2023) «за последнее десятилетие около 10 млн иранцев оказались за чертой бедности» [World Bank Group, 2023], чему в большей степени способствовали введенные санкции.

Именно такие разрушительные последствия поднимают вопрос об этической стороне экономических санкций. Дж. Гордон называет санкции «современной версией осадной войны» [Gordon, 1999: 124], но во время войны запрещено наносить удары по гражданским целям и мирным жителям, санкции же наносят удар по всему населению, в том числе и по самым незащищенным слоям общества.

Таким образом, если какое-то государство решает применить санкции, оно должно быть готово привести веские доводы в пользу своего решения, чтобы не быть обвиненным в нарушении прав и свобод человека ни гражданами своей страны, ни мировым сообществом. Для этого в массовом сознании необходимо легитимизировать санкции, что оправдывает их применение.

Использование санкций как способа влияния на экономические и политические события в стране и мире стали носить беспрецедентный характер сравнительно недавно, поэтому понятие санкционного дискурса или дискурса санкционной политики не описано в полной мере. На наш взгляд, необходимо уточнить его компоненты, обосновать его выделение в отдельный вид, а также описать санкционный дискурс с точки зрения его природы.

Следуя самому широкому пониманию дискурса как совокупности высказываний относительно той или иной области [Kress, 1985: 6], санкционный дискурс является совокупностью текстов и высказываний о санкциях. Однако такое понимание санкционного дискурса требует

конкретизации, так как сферы деятельности, в которых фигурирует тематика санкций разнообразны – от дипломатических документов, констатирующих факт использования санкций в отношении какой-либо страны и регламентирующих их использование, до обсуждения санкций простыми обывателями. В нашей работе мы рассматриваем санкционный дискурс в СМИ.

Используя методику описания институционального дискурса В.И. Карасика, охарактеризуем санкционный дискурс с точки зрения 1) участников, 2) хронотопа, 3) целей, 4) ценностей, 5) стратегий, 6) жанров, 7) прецедентных текстов, 8) дискурсивных формул (Таблица 1).

Таблица 1. Компоненты санкционного дискурса

Компоненты санкционного дискурса	Инициатор санкций	Целевое государство
Участники агенты	Государства и организации, иницирующие санкции («коллективный Запад» во главе с США, ООН ¹).	Государства, в отношении которых применяются санкции (Россия, КНДР, Иран, Ирак ²).
	Представители СМИ, структуры, предоставляющие информацию журналистам.	
клиенты	Представители СМИ, непосредственная или имплицированная аудитория.	
Хронотоп	Хронологические рамки введения/снятия санкций.	
Цель	Легитимизация и оправдание санкций в массовом сознании реципиента.	Представление санкций как способа давления и манипулирования политическими решениями.
	Информирование населения о введении/снятии санкций	
Ценности	Государство противостоит странам-агрессорам, представляющим угрозу (военную, ядерную) другим государствам.	Государство отстаивает право на проведение независимой внешней политики и самостоятельное решение внутренних проблем.
Стратегии	Положительная самопрезентация.	
	Негативная презентация	Демонстрация

¹ В данном исследовании

² В данном исследовании

	оппонента, противопоставление лидера целевого государства и населения.	неэффективности санкций, способности государства без ущерба существовать в рамках жестких ограничений.
Жанры	Официальные документы (резолуции, федеральные законы, указы и др.), обращения лидеров государств с посланиями к своим гражданам, сообщения в СМИ (как текстовые, так и аудиовизуальные).	
Прецедентные феномены	Нормативные документы о применении санкций (резолуции ООН). Отсылки к различным историческим периодам, упоминание исторических личностей с целью	
	дискредитации образа целевого государства или его лидера.	объединения нации в отстаивании своего суверенитета.
Дискурсивные формулы	Разноуровневые средства выразительности	

Агенты, вовлеченные в события, связанные с применением санкций, представляют собой две, противопоставленные друг другу группы. С одной стороны – это страны-инициаторы введения санкций, возглавляемые США. С другой стороны – это государства, против которых санкции применяются (Ирак, Иран, Северная Корея, Россия и др.). Кроме того, участниками санкционного дискурса являются лидеры этих государств, причем страны-инициаторы представлены в санкционном дискурсе лидерами США. Еще одним участником санкционного дискурса являются жители государств, против которых применяются санкции. Санкции в отношении того или иного агента могут быть инициированы как отдельным государством, так и мировым сообществом. В этом случае не обойтись без участия международных организаций, которые также являются участниками санкционного дискурса.

Клиентами санкционного дискурса являются СМИ в лице как отдельных авторов и экспертов, выражающих свою точку зрения на происходящие события, так и целые издания, с одной стороны, и читатели/зрители – с другой. Нужно отметить, что современное освещение

событий, связанных с применением санкций в отношении того или иного государства, далеко от объективности. Авторы и издания пропагандируют тот взгляд на события, который является принятым правящими политическими элитами в данный момент. Для реципиентов СМИ являются на сегодняшний день единственным источником информации о том, что происходит за рубежом и внутри страны, поэтому то, каким образом СМИ описывают санкционную реальность, влияет на формируемое в сознании реципиента отношение к проводимой политике.

Говоря о **целях и ценностях** санкционного дискурса, нужно отметить, что основной целью санкционного дискурса страны-инициатора санкций (например, в случае проводимого исследования – Америки и Великобритании) является оправдание применения санкций в отношении государства, что достигается, с одной стороны, за счет трансляции негативного образа страны и ее лидера через формируемую в сознании реципиента установку об угрозе, которую представляют подсанкционные государства мировому сообществу, а с другой – за счет противопоставления жителей этого государства лидеру-диктатору. В санкционном дискурсе подсанкционного государства (например, России) введение санкций позиционируется как способ политического и экономического давления западных государств на страны, несогласные с политикой последних. С этой позиции, основной задачей правительства и лидера государства становится отстаивать свой суверенитет в принятии политических решений и, как следствие, проводить свою внешнюю и внутреннюю политику.

В структуре **хронотопа** санкционного дискурса можно выделить время и пространство. Время санкционного дискурса формально ограничивается рамками официальных документов, констатирующих введение санкций в отношении того или иного государства. Например, хронологические рамки санкционного режима против Ирака представлены периодом с 1990 по 2003 год. Односторонние санкции, инициированные США в отношении Ирана, были введены в 1979 году, которые действовали до 2006 года. С 2006 по 2016

год санкционная политика в отношении Ирана то ужесточалась, то смягчалась, а с 2017 года наметился новый виток жестких санкций в связи с отказом Ирана прекратить разработку ядерной программы. В отношении Северной Кореи санкционный режим применяется практически с момента образования государства (больше 70 лет). Ужесточение санкционной политики началось с 2017 года после испытаний КНДР баллистической ракеты. Россия стала объектом применения санкций в 2014 году в связи с присоединением Крыма, которое западные СМИ называют «аннексией». То, что для каждого государства хронологические рамки определены временем применения санкций, не означает, что и в санкционном дискурсе время также строго определено. В санкционном дискурсе наблюдается пересечение временных периодов, то есть в статье, посвященной санкциям в отношении Ирана, присутствуют отсылки к санкционному режиму в отношении России.

Пространство санкционного дискурса определяется государствами-участниками. События, происходящие в одном государстве, могут спровоцировать санкционный ответ другого.

Стратегии санкционного дискурса обусловлены его целями. Для санкционных дискурсов стран-инициаторов (например, для британского и американского дискурсов) характерны стратегии положительной самопрезентации (западное сообщество репрезентирует себя как защитник прав и свобод) и негативной репрезентации оппонента (государства, в отношении которых вводят санкции, репрезентируются как диктатуры). В санкционном дискурсе подсанкционного государства (российский) негативизация образа оппонента не является доминирующей стратегией. Основной стратегией является описание санкций как неэффективного метода воздействия, как меры, способствующей укреплению (экономическому и политическому) подсанкционного государства. В российском санкционном дискурсе подсанкционное государство противопоставляется коллективному Западу во главе с США, которые используют любую возможность, чтобы

вмешаться во внутреннюю политику государств, в отношении которых применяются санкции, и повлиять на их решения.

С точки зрения **жанровой** принадлежности санкционный дискурс демонстрирует разнородность. Санкционный дискурс может быть представлен в виде официальных документов (резолуции, федеральные законы, указы и др.), обращений лидеров государств с посланиями к своим гражданам, сообщений в СМИ (как текстовых, так и аудиовизуальных). В последнем случае, санкционный дискурс является разновидностью публицистического дискурса, точнее – военно-публицистического дискурса [Наумова, 2021] (Таблица 2), поскольку санкции являются альтернативой военным действиям и призваны нанести серьезный вред экономике подсанкционного государства с целью влияния на его политическую позицию и поведение на геополитической арене. Санкции могут иметь катастрофические последствия для государства, что ставит их на один уровень с военным вмешательством.

Таблица 2. Сравнительная характеристика военно-публицистического и санкционного дискурсов

Компоненты дискурса	Военно-публицистический дискурс	Санкционный дискурс
Участники агенты	Представители СМИ, структуры, предоставляющие информацию журналистам	
клиенты	Непосредственная или имплицитованная аудитория	
Хронотоп	Хронологические рамки и география военного конфликта	Хронологические рамки введения санкционного режима
Цели	Недопущение войны, расследование истинных мотивов инициации военных действий	Легитимизация санкций (британский и американский дискурсы), нивелирование негативного образа санкций (российский дискурс)
	Информирование населения о ходе войны/санкционной политики	
Ценности	Пацифистские ценности	Противостояние

		государству-«агрессору» (британский и американский дискурс); отстаивание собственной независимости (российский дискурс)
Стратегии	Стратегии на повышение, понижение.	
Жанры	Официальные документы, сообщения в СМИ (как текстовые, так и аудиовизуальные)	
Прецедентные тексты	Доклады, обращения, выступления лидеров государств	
Дискурсивные формулы	Разноуровневые средства выразительности	

Таким образом, санкционный дискурс – это вид институционального дискурса, представляющий собой совокупность текстов, как констатирующих введение ограничительных мер в отношении того или иного государства, так и транслирующих факт их применения. Основная цель санкционного дискурса – воздействие на государство для изменения его политики по тому или иному вопросу без применения военной силы, с одной стороны, а с другой – оправдание введения ограничений и формирование их «положительного» образа за счет негативизации образа государства, в отношении которого санкции применяются. В нашем исследовании данное определение соответствует британскому и американскому дискурсам.

1.2.3. Заголовочный комплекс как сильная позиция медиатекста

При определении понятия «медиатекст» необходимо отграничивать его от понятия «текст» как такового. Различия между этими понятиями лежат в изменении роли читателя: из пассивного декодировщика заданных смыслов он становится активным участником, порождающим новые смыслы [Meinhof, 1994: 212]. Медиатекст «диалогичен» и зависит от получателя информации и ситуации, в которой он разворачивается [Wodak, Busch, 2004: 106]. То есть взаимодействие читателя со СМИ проявляется не только в письмах в

редакцию и комментариях, оставленных после статей, но и в самой интерпретации прочитанной / услышанной / увиденной информации, которая (интерпретация) всегда носит субъективный характер в силу разного культурного, социального статуса получателей информации, их различных фоновых знаний.

Учет этих экстралингвистических факторов при описании медиадискурса основан на модели коммуникации, состоящей не только из автора, реципиента и сообщения, но и из канала передачи, обратной связи и контекста [Добросклонская, 2008: 153-154]. Дж. Фиск, анализируя телевизионные программы, считает, что программа становится текстом только тогда, когда зритель начинает ее смотреть [Fiske, 2010: 14], то есть телевизионная программа запускает процесс ее интерпретации получателем, которая, в свою очередь, зависит от экстралингвистических факторов.

Т.Г. Добросклонская разграничивает понятия «текст» и «медiateкст» на основании реализации разных знаковых систем, считая текст «последовательностью слов», а медiateкст – «последовательностью разных семиотических систем» [Добросклонская, 2008: 154]. Эта особенность медiateкстов, которую также называют креолизованностью [Сорокин, Тарасов, 1990; Лазарева, 2011], мультимодальностью [Чичерина, 2008], поликодовостью [Чернявская, 2009], ведет не только к расширению границ текста, но и к изменениям в методах его анализа. В фокусе исследования оказываются не только, и не столько скрытые смыслы медiateкста, но такие его аспекты как формирование информационной картины мира; культурные и идеологические факторы, влияющие на производство и восприятие медiateкста; лингвомедийные способы создания стереотипов [Добросклонская, 2008: 156].

Н.А. Кузьмина учитывает динамический характер медiateкста и определяет его как «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина, 2001: 13].

Медиатексты, как и медиадискурс, как таковые, сложны для анализа и интерпретации, поэтому неизбежно возникает вопрос об их типологии. Н.А. Кузьмина предлагает при анализе медиатекстов учитывать следующие факторы: 1) способ производства медиатекста (авторский или коллегияльный); 2) форму медиатекста (вербальные, невербальные, креолизованные); 3) канал распространения, определяющий содержание и форму медиатекста (печатные, радио-, теле-, интернет-тексты); 4) функционально-жанровый тип медиатекста (информационный, аналитический, художественно-публицистический и др.); 5) тематическую доминанту медиатекста (соответствуют медиатопикам) [Кузьмина, 2011: 17 – 21].

Такой подход к типологии медиатекстов позволяет сконцентрироваться на определенных характеристиках, объединить их в группы и выявить общие черты. Кроме того, типология по таким критериям указывает на комплексный характер медиатекста, требующего комплексного подхода при анализе.

Т.Г. Добросклонская отмечает, что типология медиатекстов усложняется по сравнению с типологией текстов. Например, в дихотомии «устная-письменная речь» иногда нельзя однозначно отнести медиатекст к тому или иному типу (например, интервью, напечатанное в газете). Решить эту проблему помогает разграничение способов создания и воспроизведения медиатекстов [Добросклонская, 2008: 48].

Таким образом, под медиатекстом в нашей работе мы будем понимать динамическую структуру, посредством которой осуществляется коммуникация в СМИ, а также между СМИ и получателями, и обладающую способностью влиять и создавать определенную информационную картину мира на основе культурных, социальных и идеологических характеристик того или иного сообщества. Трудности типологии медиатекстов отражают его комплексный характер и требуют комплексных методов анализа.

СМИ являются мощным инструментом в формировании информационной картины мира, под которой мы понимаем культурно, социально и идеологически обусловленное восприятие окружающей действительности под воздействием СМИ при помощи информационных потоков. Медiateкст в данном случае играет роль инструмента воздействия на получателя информации, транслируя образы и интерпретации, тиражируемые в СМИ. Когнитивный подход в исследованиях медiateкстов позволяет изучать их как результат «совокупной деятельности людей и организаций, занятых в производстве и распространении информации» [Добросклонская, 2008: 156], а также вскрыть механизмы их воздействия и объяснить последние с точки зрения культурных, социальных и идеологических основ.

Развитие технологий в корне изменило то, как мы читаем газеты. Если раньше человек покупал бумажную газету и прочитывал ее от корки до корки, то сейчас «прочтение» сводится к просмотру заголовков и выбору в пользу того или другого материала для дальнейшего ознакомления. Заголовок – это связующее звено между читателем, автором статьи и написанным текстом. Именно поэтому, при создании заголовка важно учитывать целевую аудиторию с ее фоновыми знаниями, ожиданиями, когнитивной и культурной базой.

Основной целью печатных СМИ является привлечение как можно большего количества читателей, что способствует повышению жизнеспособности и конкурентоспособности издания. Поэтому заголовочная часть статьи является тем рубежом, который должен задержать взгляд читателя, заинтересовать его и заставить прочитать статью. Циркуляция заголовков в современных СМИ гораздо выше, чем циркуляция статей. Кроме того, «одноразовость» транслируемой в СМИ информации (читатель редко возвращается к уже прочитанной статье, а к непрочитанной тем более, так как его привлекают другие, более актуальные, сообщения [Кузьмина, 2011: 12]) сокращает срок жизни заголовка (статьи) до даты ее выпуска.

Поэтому заголовку отводится главная роль в приумножении и удержании читательской аудитории.

Заголовок и подзаголовок, которые часто объединяют в заголовочный комплекс (ансамбль) [Лазарева, 2006; Прохорова, 2012; Дедова, 2013; Магеримова, 2019], являясь частью дискурса, стоят на «выдвинутой», надтекстовой позиции [Лазарева, 2006: 158]. Они, с одной стороны представляют смысловое целое с текстом, а с другой – способны функционировать самостоятельно.

Исследуя художественный текст, И.Р. Гальперин рассматривает категорию интеграции, которая связывает части текста в единое смысловое целое, и категорию завершенности как реализации замысла автора. С категорией завершенности связано название (заголовок) текста, представляющее собой компрессию содержания. Причем отношения между названием (заголовком) и текстом могут быть самые разнообразные: 1) обозначение проблемы, решение которой представлено в тексте; 2) тезисное представление корпуса текста; 3) кодирование названия (заголовка) до такой степени, чтобы только после прочтения основного текста стала понятна его связь с названием (заголовком) [Гальперин, 2007: 35].

Основными функциями газетного заголовка являются 1) краткая передача содержания статьи [ван Дейк, 1988] и 2) привлечение внимания для дальнейшего прочтения [Bell, 1991; Dor, 2003; Ecker et al., Kuiken et al., 2017; Nir, 1993]. В современных СМИ именно вторая функция заголовка выходит на передний план, иногда в ущерб первой: авторы статей стараются создать неоднозначный заголовок, чтобы заставить читателя прочитать всю статью [Ifantidou, 2009]. То есть заголовки выполняют скорее персуазивную, чем информативную функцию.

Дж. Куикен, А. Шут, М. Шпиттерс и М. Маркс в своем исследовании эффективности заголовков в датских газетах отмечают разницу между заголовками традиционных бумажных газет и теми же заголовками в интернет-издании [Kuiken, Schuth, Spitters, Marx, 2017: 2], то есть

существуют характеристики газетных заголовков, которые привлекают / отталкивают потенциального читателя.

Э.А. Лазарева также рассматривает функцию привлечения внимания читателя как основную на «дотекстовом» этапе восприятия, дополняя ее информативной и оценочно-экспрессивной на уровне знакомства с текстом, и номинативной, возникающей после прочтения текста. Заголовок в этом случае служит «компрессированным текстом» [Лазарева, 1989: 131 – 138]. То есть, по мере знакомства читателя с текстом, заголовок выполняет несколько функций. Причем на «дотекстовом» этапе может возникнуть эффект обманутого ожидания с точки зрения смыслового восприятия: искусно созданный заголовок может привлечь внимание читателя к малосодержательной статье, либо ожидания / предположения читателя о ее содержании окажутся совсем противоположными.

Заголовок в СМИ, будучи сильной позицией текста, не просто кратко сообщает о содержании статьи. Он настраивает читателя на множество интерпретаций, привлекает его внимание, оказывает на него эмоциональное воздействие [Богданова, 2006: 108]. Кроме того, заголовок сочетает в себе элементы информации с элементами оценки [Наер, 1967: 134], что при систематической трансляции формирует у читателя определенный взгляд на описываемую ситуацию. На наш взгляд, в современных СМИ информативная и номинативная функции отошли на второй план, уступив место рекламной (привлечение внимания), коммуникативной (заголовок воздействует и убеждает), которая постепенно превращается в манипулятивную.

Вопрос о манипулятивном потенциале заголовка тесно связан с вопросами идеологии. Идеологический аспект медиатекста в современных СМИ играет чуть ли не ключевую роль в формировании определенного идеологического фона в обществе, так как именно СМИ, тиражируя свою интерпретацию событий, влияют на возникающие в обществе позитивные/негативные оценки происходящего.

Т.Г. Добросклонская, основываясь на подходе Т. ван Дейка [ван Дейк, 1998] говорит об идеологической функции медиатекста, «основанной на способности масс медиа влиять на общественное и индивидуальное сознание с помощью идеологизированных концептов и интерпретаций, отражающих определенные системы ценностей и отношений» [Добросклонская, 2008: 164].

Вопрос об идеологической функции медиатекстов может показаться странным, ведь мы живем в эпоху свободной и независимой прессы, задача которой объективно рассказывать о происходящих событиях, а не пропагандировать ценности и установки. Ф. Хирш и Д. Гордон называют два критерия, которым должна удовлетворять «свободная пресса»: 1) полная политическая независимость от политического истеблишмента и 2) материальная независимость от влиятельных групп и рекламодателей [Hirsch, Gordon, 1980]. Современное положение дел говорит о том, что СМИ не только не удовлетворяют этим критериям, но часто используются как идеологический инструмент манипулирования массовым сознанием.

Само понятие манипуляции пришло в лингвистику из психологии, где оно обозначает «вид психологического влияния, направленного на побуждение адресата к осуществлению манипулятором определенных действий вследствие скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, установок, которые не совпадают с теми, которые мог бы сформировать самостоятельно» [Шавардова, 2021: 227]. Таким образом, манипуляция в СМИ не оставляет читателю возможности объективно оценить событие, но слепо следовать за авторами статей.

Основными способами манипуляции общественным сознанием являются пропаганда, дезинформация, создание фейков, стереотипизация [Altheide, Grimes, 2005; Billig, Marinho, 2014; Dijk, 2006]. Т. ван Дейк рассматривает два вида языковой манипуляции (language manipulation): 1) когнитивная манипуляция, направленная на формирование определенного взгляда на события, и 2) дискурсивная манипуляция, подразумевающая

постепенное изменение точки зрения читателя в сторону, необходимую манипулятору [ван Дейк, 2017: 207].

Основной характеристикой манипулятивного воздействия является противопоставление «свой – чужой» («мы – они»), причем «свой» значит безопасный и хороший, а «чужой» – враждебный и опасный [Иссерс, 1999; Нехорошева, 2012; Садохин, 2007; Слободенюк, 2016]. О.С.Иссерс рассматривает эту оппозицию в рамках стратегии речевого воздействия политического дискурса «игра на понижение» [Иссерс, 1999], но, на наш взгляд, данная оппозиция применима и при анализе медиатекстов.

Манипулятивный характер медиатекста, на наш взгляд, может быть полностью перенесен на заголовочный комплекс, что связано с основной целью заголовка. Заголовок – это то, что читатель увидит в первую очередь, поэтому он сразу должен заявить позицию автора (издания), которая затем будет разворачиваться и укрепляться в основном теле статьи. Для привлечения внимания используются не только языковые средства. Нужно отметить, что тексто-визуальное пространство издания отличается «лоскутностью» организации [Дедова, Куприенко, 2013: 62], что существенно усиливает роль заголовочного комплекса, под которым понимают «структурно-семантическое объединение элементов текста, не только предваряющих его, но органически связанных, содержательно и концептуально, с основным массивом конкретного текста» [Прохорова, 2012: 238]. Элементами заголовочного комплекса являются: заголовок, надзаголовок, тематическое название полосы, рубрика, подзаголовок, внутренние заголовки.

Таким образом, в современных СМИ роль заголовков многократно возросла в связи с цифровизацией всех аспектов жизни общества. Функции, выполняемые заголовком в тексте статьи, также подверглись значительным изменениям. Заголовочный комплекс медиатекстов может считаться самостоятельным текстом, выполняющим несколько функций: 1) привлечение внимания, 2) идеологическая (манипулятивная), 3)

номинативная, 4) информативная. Так как современные СМИ зависят от политических элит и рекламодателей, то первые две функции становятся доминирующими, способствующими манипуляции общественным сознанием и продвижению заданных политическими элитами установок. Поэтому при создании заголовков авторам (изданиям) нужно приложить максимум усилий, чтобы заинтересовать, заинтриговать, удержать читателя.

1.3. Интертекстуальное включение как способ трансляции культурного кода

Заголовочный комплекс, находясь в сильной позиции информационного сообщения, первым реализует функцию привлечения внимания. Это достигается за счет использования автором языковых средств. В последние годы в заголовках статей наблюдается интенсивное использование интертекстуальных включений. Рост интертекстуальности становится приметой развития современного российского дискурса [Чигирина, 2007: 3] вообще и современного российского медиадискурса в частности. Все чаще можно встретить заголовки, которые привлекают внимание читателя языковой игрой. В.И. Карасик считает, что в условиях постмодерна в медийном дискурсе резко возросла игровая составляющая поведения участников общения [Карасик, 2017: 221]. Использование интертекстуальных включений в заголовках статей становится отличительной чертой отдельных авторов и целых изданий.

Теория интертекстуальности возникла из работ М.М. Бахтина, который оперируя понятиями «чужое слово» и «диалогизм», придавал ориентации автора на чужую речь социологическое значение. Каждое слово населено «чужими голосами», в чем и проявляется его социальный характер – это не статическая единица, но элемент языка и культуры, хранящий в себе предыдущие контексты, идеи других авторов, которые переходят из уст в уста от поколения к поколению. Автор, вводя в свой текст «чужое слово»,

неизбежно вкладывает и свой смысл, интенцию, превращая слово в «двуголосое» и иногда, сталкивая свое понимание с пониманием другого автора [Бахтин, 1979: 299].

Реализуя две сущности, каждый текст обладает одновременно двумя характеристиками: с одной стороны, текст – это нечто индивидуальное, единственное и неповторимое, а, с другой, любой текст связан с другими текстами особыми диалогическими отношениями, обусловленными разного рода контекстами [Бахтин, 1979: 300]. Этот диалогизм текстов М.М. Бахтин распространяет на природу познания человека и всего бытия, признавая диалогические отношения универсальными, пронизывающими всю человеческую речь и жизнь [Библер, 1991: 19]. Еще одним важным аспектом теории М.М. Бахтина является активная роль читателя как адресата и интерпретатора художественного высказывания, и автора как творца – «конститутивного момента художественной формы» [Бахтин, 1975: 58].

Считая текст многомерным пространством, в котором сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, Р. Барт утверждает, что любой текст соткан из цитат, отсылающим к тысячам культурных источников [Барт, 1994: 386]. Такое понимание текста приближает нас к понятию интертекстуальности как характеристике, присущей всем текстам, превращающей любой текст в «между-текст», сотканный из цитат без кавычек [Барт, 1994: 415]. Сам текст в понимании Р. Барта не является чем-то статичным – это «поле методологических операций», противопоставленное «произведению» как результату этих операций. Таким образом, нельзя сказать, что какой-то текст предшествует другому тексту или является его источником. Р. Барт сводит роль автора к постоянному переписыванию уже существующего в текстообразующем поле, что в корне отличается от идей М.М. Бахтина. Похожие идеи о начале текста можно встретить у Ж. Дерриды, который считает, что любое письмо («текст» у Р. Барта) отсылает читателя к другому письму и так до бесконечности к «абсолютному прошлому» [Деррида, 1996: 26].

Поддерживая идею Р. Барта о противопоставлении произведения и текста, Ю. Кристева вводит понятия «фенотекста» и «генотекста», понимая под первым «готовый, твердый, иерархически организованный, структурированный семиотический продукт, обладающий вполне устойчивым смыслом» [Кристева, 2013: 148]. Генотекст же, напротив, представляет собой «абстрактный уровень лингвистического функционирования, которое, не отражая структур фразы, предшествуя им и превосходя их, определяет их анамнез» [Там же]. Таким образом, генотекст представляет собой пространство, в котором существует и порождается бесконечное множество фенотекстов, находящихся во взаимодействии со сложившейся «текстуальной традицией», что ведет к постоянному изменению и наполнению новыми смыслами уже существующих и будущих текстов.

Эти идеи позволяют Ю. Кристивой сформулировать концепцию «интертекстуальности» как «пермутации» других текстов, то есть «в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [Кристева, 2004: 400]. Сам же текст понимается как некое транслингвистическое устройство, перераспределяющее порядок языка и связывающее коммуникативную речь, нацеленную на непосредственную передачу информации, с другими предшествующими или одновременными высказываниями [Там же].

Таким образом, текст перестает восприниматься как нечто статическое, как результат деятельности. Текст превращается в текстуальное пространство, порождающее новые тексты, с одной стороны, и наделяющее их новыми смыслами и коннотациями, с другой. Можно говорить о предельно широкой трактовке интертекстуальности, которая рассматривает любой текст как мозаику из цитат.

Ж. Женнет описывает интертекстуальность как взаимодействие между текстами, где один текст ссылается на другой или другие тексты, с которыми он может быть связан по смыслу и стилю. Это «непосредственное

присутствие одного текста в другом» [Женетт, 1998: 88] позволяет не только по-разному дешифровывать «чужое слово», но и по-новому интерпретировать его. Одним из ключевых понятий, связанных с интертекстуальностью, является «парадигматический контекст», предполагающий способность читателя узнавать связи между текстами. По мнению Ж. Женнета, интертекстуальность позволяет исследовать взаимодействие и влияние между различными произведениями, тем самым расширить их смысловую глубину [Там же].

Похожие идеи находим у Ж. Дерриды, который считал интертекстуальность неотъемлемой частью текста, где каждый текст содержит отсылки и ссылки на другие тексты [Деррида, 1996: 26]. Вслед за Р. Бартом Ж. Деррида утверждает, что все тексты взаимосвязаны и зависят от других текстов, поэтому невозможно хронологически выстроить тексты и найти источник.

Одно из ключевых понятий, предложенных Ж. Дерридой, является «дифферанс» (differance), которое указывает на то, что значения и смыслы в тексте всегда откладываются и отличаются от других текстов, что создает множественность смыслов. Ж. Деррида подчеркивает важность рассмотрения контекста и связей между текстами для полного понимания и интерпретации текста, так как интертекстуальные ссылки могут быть скрытыми, неявными, что требует активного чтения со стороны читателя [Гурко, Деррида, 1998: 34].

В работах Ж. Женнета и Ж. Дерриды наблюдается тенденция к более узкой трактовке понятия «интертекстуальность», в соответствии с которой литературное произведение состоит из ссылок на другие произведения. Наряду с этим признается активная роль читателя в распознавании этих отсылок.

Ю. Лотман, опираясь на идеи М.М. Бахтина о диалогичности не только текста, но и сознания, выделяет такие функции текста, как адекватная передача значений и порождение новых смыслов. Причем, именно во второй

функции текст становится динамическим образованием, генератором новых смыслов. «Это семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются языки» [Лотман, 1992:152]. Именно для реализации второй функции необходим собеседник (другой текст, читатель, культурный контекст), который и запустит порождение новых смыслов. Таким образом, любой текст потенциально обладает способностью генерирования новых смыслов, которая запускается извне.

На динамическом характере интертекстуальности акцентирует свое внимание И.П. Смирнов. Исследуя художественную интертекстуальность в работе «Порождение интертекста» (1995), автор описывает текстопорождающее отношение как основу отношений «текст – текст». Возможность выявить интертекст запускает механизм генеративного процесса – порождения нового текста. Интертекстуальность же подразумевает формирование смысла художественного произведения посредством ссылок и отсылок на другой текст [Смирнов, 1995].

Отмечая разнообразие в подходах к определению «интертекстуальности» и «интертекста», Е.А. Кузьмина рассматривает последний как «информационную реальность, которая является продуктом творческой деятельности Человека и способна бесконечно самогенерировать по стреле времени» [Кузьмина, 1999]. Это текст в его креативной функции (свойственной всем текстам), способной не только передавать информацию, но и создавать новые тексты, то есть Е.А. Кузьмина вслед за Ю. Лотманом и И.П. Смирновым подчеркивает порождающий характер интертекста.

Ведущий российский исследователь в области литературы и культурологии И.В. Арнольд описывает интертекстуальность как феномен взаимодействия текстов, когда один текст ссылается, цитирует или использует элементы другого текста [Арнольд, 1999: 351]. Интертекстуальность указывает на то, что тексты всегда существуют в диалоге друг с другом и обмениваются мотивами, образами, идеями и

стилями. Ученый рассматривает интертекстуальность как одну из важнейших характеристик литературного творчества, которая способствует созданию глубоких и многогранных значений. Она подчеркивает, что взаимодействие текстов может быть явным или скрытым, и обращение к различным источникам и культурным традициям является неотъемлемой частью литературного творчества [Арнольд, 1999: 417-419].

Н.А. Фатеева определяет интертекстуальность как «способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева, 1998: 25], то есть данный подход рассматривает автора как творца, генерирующего новый текст через связи с другими текстами. Такой подход позволяет рассматривать интертекстуальность с точки зрения автора и читателя. С точки зрения автора, интертекстуальность – это «способ утверждения своей творческой индивидуальности». С точки зрения читателя – это «установка на углубленное понимание текста» [Там же].

В работе «Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность» (2007) В.Е. Чернявская подвергает критике литературоведческую теорию интертекстуальности, рассматривающую интертекстуальность как свойство любого текста, так как она не позволяет провести лингвистический анализ текста. В рамках узкого подхода «интертекстуальность выступает как текстовая категория и особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами» [Чернявская, 2007: 17]. В этом случае предполагается преднамеренное введение автором маркированных интертекстуальных включений, которые адресат должен не только распознать, но и соотнести с соответствующими текстами. В.Е. Чернявская вводит понятие «интертекстуального сознания», чтобы описать это взаимодействие автора текста и читателя [Там же].

Рассматривая интертекстуальность с когнитивной точки зрения, В.Е. Чернявская вводит понятие «интердискурса» («текста в голове»), подразумевающего общность у автора и читателя ментальных принципов, типологических моделей текстопроизводства или культурных кодов [Чернявская, 2007: 18] и влияющего, в перспективе, на восприятие и порождение других текстов. Интердискурсивность предполагает переключение не между текстами, но между дискурсами – ментальными образами в голове читателя и автора.

Итак, суть интертекстуальности состоит в том, что текст перестает быть статичным образованием, точкой в пространстве, текст превращается в систему пересекающихся плоскостей, в генератор новых смыслов. Происходит движение от утверждения о том, что каждый текст есть междутекст (интертекст), к утверждению о том, что вся человеческая культура представляет собой единый интертекст, который служит предтекстом для любого вновь появляющегося текста. В рамках когнитивных исследований интертекстуальность может рассматриваться шире, как интердискурсивность, если речь идет о соотнесении не текстов, а ментальных образований (дискурсов).

Вопрос о взаимодействии, диалоге текстов (и шире – дискурсов) неизменно приводит нас к мысли о прецедентности. Развитие теории прецедентности тесно связано с исследованиями языковой личности. Однако, по мнению В.В. Красных, наблюдается постоянное расширение понятийного аппарата данной области исследования [Красных, 1997: 5 – 2].

Оперируя понятием «прецедентных текстов», Ю.Н. Караулов описывает их как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007: 216]. Прецедентный

текст не просто выполняет номинативную функцию. Он эмоционален, стилистически окрашен (преувеличение, ирония). Прецедентный текст, в силу своей воспроизводимости, многократной интерпретации в различных дискурсах становится «фактом культуры».

Прецедентность в языке имеет важное значение для коммуникации, поскольку определенные выражения или концепции могут иметь определенные значения или ассоциации, которые понятны и принимаемы в сообществе. Он также акцентирует внимание на роли прецедентности в формировании культурной идентичности и традиций [Там же, с. 222].

Прецедентные тексты – это часть культурной и лингвистической практики, сфера языка, где слова, выражения или образы имеют устойчивую, общепринятую интерпретацию или ассоциацию в обществе [Воркачев, 2014]. Прецедентность в языке может проявляться через устойчивые выражения, пословицы, крылатые слова, идиомы или ассоциации, которые несут в себе определенный культурный или исторический контекст.

Для описания «осознанных / неосознанных, точных / преобразованных цитат или иного рода отсылок к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» А.Е. Супрун вводит понятие «текстовая реминисценция» [Супрун, 1995: 17]. Текстовая реминисценция, как и прецедентный текст, подразумевает использование фрагмента уже известного текста в новой коммуникативной ситуации с целью повышения ее эффективности и адекватности понимания, реализуя таким образом прагматическую функцию. Текстовая реминисценция апеллирует к образу, уже существующему в когнитивной базе реципиента, устанавливая, тем самым, связь между новым текстом и текстом предшествующим [Там же].

Основываясь на подходе Ю.Н. Караулова, В.В. Красных предлагает понятие «прецедентные феномены», определяя их как «(1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (*«имеющие сверхличностный характер»* у Ю.Н. Караулова); (2) актуальные

в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане («значимые в познавательном и эмоциональном отношении»); (3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества («обращение к которым возобновляется неоднократно») [Красных 1997: 9]. В отличие от Ю.Н. Караулова, В.В. Красных понимает прецедентность более широко, рассматривая «прецедентные тексты» как один из видов прецедентных феноменов, к которым обращаются в процессе коммуникации.

Д.Б. Гудков изучает понятие «прецедента» (в самом широком смысле) и определяет его как некий факт, обладающий образцовостью и императивностью, то есть прецедент моделирует определенное поведение индивидуума, предоставляя ему эталон, на основании которого можно моделировать последующие действия [Гудков, 1999: 149]. Ученый предлагает разграничить четыре типа прецедентных феноменов: автопрецеденты (феномены, значимые для отдельной личности), социумно-прецедентные (феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума), национально-прецедентные (феномены, известные тому или иному среднему представителю лингвокультурного сообщества) и универсально-прецедентные (феномены, известные любому современному homo sapiens) [Там же, 150]. Таким образом, с повышением значимости того или иного прецедентного феномена растет количество индивидуумов, в когнитивной базе которых присутствует прецедентный феномен, который репрезентируется в речи вербальными сигналами, актуализируя содержание, не создавая его вновь, но воспроизводя уже существующее.

Д.Б. Гудков, В.В. Красных классифицируют прецедентные феномены (национально-прецедентные и универсально-прецедентные) на прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации, при этом отмечая их взаимосвязь. То есть актуализация одного прецедентного феномена приводит к актуализации других. Прецедентные высказывания и имена являются вербальными феноменами (лингвистического плана), прецедентные тексты и

ситуации – вербализуемыми (принадлежащими к когнитивному плану), существующими в виде инварианта в сознании носителей языка и культуры [Гудков, 1999: 150-152; Красных, 1997: 9].

Таким образом, понятие «прецедентности» рассматривается как социально значимый феномен. Это особый тип общественных ситуаций, которые создают предпосылки для появления, распространения и укрепления социальных норм, стереотипов и ожиданий.

На связь прецедентного феномена и дискурса указывают Ю.Е. Прохоров, Е.А. Нахимова, Г.А. Завьялова, О.В. Лутовинова, считая прецедентный феномен вербализованным элементом дискурса, эксплицируемым в прагматических целях коммуникации. Понять такой текст можно только в дискурсе, который определяет функции прецедентных феноменов. [Завьялова 2014; Лутовинова, 2008; Нахимова 2005; Прохоров, 1997]. То есть использование прецедентного феномена всегда преследует какую-то цель со стороны автора высказывания и предполагает наличие у реципиента знания о тексте или ситуации, к которым он (автор) апеллирует. Основной целью использования прецедентных феноменов в коммуникации Ю.Е. Прохоров определяет экономию коммуникативных усилий и / или маркированность ситуации общения [Там же].

Самый широкий подход к описанию прецедентных феноменов предлагает Г.Г. Слышкин. Противопоставляя два вида концептов – ориентированных на обобщение признаков объектов определенного класса и ориентированных на представление уникальности и культурной значимости объекта – он вводит понятие «прецедентной концептосферы», в рамках которой рассматриваются (1) единичные прецедентные феномены и (2) прецедентные миры [Слышкин, 2004: 114]. К первой группе относятся прецедентные личности, события, артефакты, географические объекты, животные. Вторая группа представляет собой совокупность разнообразных прецедентных феноменов, объединенных временем, пространством и смысловыми связями [Слышкин, 2004: 139].

Таким образом, понятие «прецедентность» охватывает широкий спектр вербальных и невербальных элементов коммуникации. В зависимости от исследовательского подхода прецедентность понимается в самом узком смысле – как текст, и в самом широком смысле – как прецедентная концептосфера. Но вне зависимости от подхода, можно выделить ключевые черты прецедентных феноменов: (1) эмоциональная и культурная значимость для индивида; (2) постоянное обращение языкового сообщества к данному феномену; (3) наличие инварианта (образа с ключевыми характеристиками) прецедентного феномена в сознании группы индивидов; (4) прагматический характер.

Н.А. Кузьмина разграничивает понятия интертекстуальности и прецедентности следующим образом. Интертекстуальность – это характеристика текста, позволяющая ему транслировать код культуры. Тексты, не обладающие интертекстуальностью, не способны войти в науку, литературу, культуру [Кузьмина, 2011]. То есть интертекстуальные тексты существуют вне времени, обладают эстетической ценностью и способностью передавать культуру этноса. Прецедентность же связана с тем, что происходит здесь и сейчас, но необязательно будет актуальным завтра. Прецедентный текст – это текст, который может стать интертекстуальным [Кузьмина, 2011]. Прецедентный текст потенциально интертекстуален и может стать таковым, если пройдет проверку временем и поколениями.

На наш взгляд, связь между прецедентными феноменами и интертекстуальными включениями такая же, как и между текстом и дискурсом. Прецедентный феномен – это факт культуры, который становится интертекстуальным включением при переносе, в оригинальном или трансформированном виде, в новый контекст, актуализируя новые смыслы.

В нашей работе мы будем использовать термин «интертекстуальное включение» для обозначения маркированного текста / фрагмента текста, представляющего культурную значимость для определенной группы, то есть соотносящегося с культурным кодом как автора, так и читателя. Автор,

используя интертекстуальное включение в своем тексте, всегда делает это преднамеренно. Распознавание оригинального текста / фрагмента текста читателем является необходимым условием для достижения эффекта, задуманного автором.

Выводы по главе 1

Дискурс является разноплановым и разнородным понятием и исследуется как социально-гуманитарное явление, включающее в себя тексты, коммуникативные ситуации, ментальные и культурные аспекты деятельности человека. Понимание дискурса зависит от того, какая научная традиция лежит в его основе. В настоящее время однозначного определения, что такое «дискурс», нет. Его понимание может варьировать от текста до совокупности текстов, от коммуникативного события до способа представления мира.

Исследование дискурса требует комплексного подхода, учитывающего лингвистические, культурные, социальные и когнитивные аспекты. Таким образом устанавливается связь между текстами и социокультурным контекстом. При анализе дискурса исследователь выходит за пределы языковых особенностей текста и учитывает его социокультурную значимость. Дискурс способен влиять на сознание и мировоззрение человека. Дискурсивные исследования, в свою очередь, являются инструментом изучения того, как тексты взаимодействуют друг с другом и как формируют определенные ментальные модели.

Современное общество находится под влиянием медиатизации, которая проникает во все сферы жизни и формирует общественные отношения. Медiateксты, как единицы медиадискурса, формируют наше понимание реальности и могут изменять наше мировоззрение и поведение, поэтому при их анализе необходимо учитывать экстралингвистические факторы. Важно понимать, что медиадискурс не является нейтральным, а отражает определенные точки зрения и ценности. При этом цели и задачи медиадискурса могут быть различными, от информирования до формирования убеждений и восприятий, продиктованных складывающейся ситуацией (экономической, политической, идеологической).

Дискурсы не существуют сами по себе. Они взаимодействуют друг с другом, как взаимодействуют индивиды в процессе своей деятельности.

Именно это взаимодействие порождает гибридные форматы дискурса, не просто сочетающие в себе характеристики нескольких, но создающие новые характеристики и смыслы, то есть гибридизация дискурсов – это не просто механическое сложение характеристик, а взаимопроникновение и взаимовлияние дискурсов друг на друга, в результате чего формируются новые дискурсы с новыми характеристиками.

Санкционный дискурс является примером гибридного дискурса, сочетающего в себе характеристики военного дискурса, так как санкции – это альтернативный вооруженному противостоянию метод воздействия на оппонента, призванный изменить его поведение, и публицистического, поскольку СМИ являются той платформой, через которую аудитория получает информацию о введении/снятии санкций в отношении того или иного государства. Именно через СМИ правящие политические элиты могут воздействовать на массовое сознание реципиентов, формируя необходимое восприятие санкционной политики. В узком смысле санкционный дискурс является разновидностью военно-публицистического дискурса.

Отличие санкционного дискурса от военно-публицистического состоит в его целях и ценностях, которые демонстрируют неоднородность в зависимости от типа национального дискурса. Основной целью британского и американского санкционных дискурсов является оправдание введения санкций в отношении того или иного государства через негативизацию образа последнего. Коллективный Запад позиционирует себя как оплот противостояния агрессии подсанкционных государств. Целью российского санкционного дискурса является нивелирование негативного образа санкций за счет описания их неэффективности. В российском санкционном дискурсе основной ценностью является право любого государства на проведение независимой внешней, а также внутренней, политики.

Санкционный дискурс, будучи видом военно-публицистического дискурса, разворачивается в рамках медиадискурса, а медиатекст является его воплощением. Основной задачей любого издания является привлечение

читательской аудитории и ее удержание. С развитием технологий и перемещением СМИ в интернет-пространство изменился способ чтения газет и журналов. Реципиент не прочитывает газету «от корки до корки», а воспринимает контент фрагментарно, выхватывая из медиaproстранства самые яркие образы. В связи с этим многократно возросла роль заголовочного комплекса как сильной позиции текста.

Одним из способов достичь этой цели является использование в заголовочном комплексе интертекстуального включения – маркированного фрагмента текста, представляющего культурную значимость для определенной группы, то есть соотносящуюся с культурным кодом автора и реципиента. Интертекстуальное включение подразумевает активную роль как отправителя сообщения, который, используя культурно-значимый фрагмент текста в новом контексте, преследует определенную цель, так и получателя, задача которого заключается, во-первых, распознать данный фрагмент, а, во-вторых, интерпретировать его с учетом нового контекста. Только при выполнении этих условий употребление интертекстуального включения в заголовочном комплексе может быть оправдано.

Глава 2. Универсальные черты интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского и американского санкционных дискурсов)

2.1. Методика исследования интертекстуальных включений в заголовочных комплексах

2.1.1. Алгоритм анализа

Исследование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах предполагает учет как лингвистических, так и экстралингвистических характеристик. Лингвистические характеристики подразумевают сравнение исходного текста и текста, в котором первый реализуется как интертекстуальное включение. На данном этапе, на наш взгляд, необходимо не только формально определить текст-источник, но и понять, как меняется/не меняется его смысл в новом контексте. Изменение смысла исходного текста преследует определенную цель со стороны автора, что является следующим этапом научного описания. На этом этапе необходимо выявить причины использования/видоизменения исходного текста в качестве интертекстуального включения.

Таким образом, научное описание интертекстуального включения может быть сведено к следующим шагам:

1. Идентификация исходного текста в заголовочном комплексе статьи, посвященной санкционной политике.
2. Анализ лексическо-грамматических трансформаций исходного текста (при наличии).
3. Изучение нового контекста и нового смысла, приобретаемого исходным текстом.
4. Вывод о функции/функциях, которую/-ые интертекстуальное включение выполняет в заголовочном комплексе.

5. Классификация интертекстуальных включений по сферисточнику.

Сопоставительное исследование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах предполагает внутридискурсивное, междискурсивное и кросскультурное сопоставление.

Понятие дискурсивного анализа ввел в научный обиход З. Харрис, понимая его как метод исследования, который сосредотачивается на изучении языковой практики в конкретных контекстах общения. Он подчеркивал, что дискурсивный анализ помогает раскрывать взаимосвязь между языком, властью и идеологией, а также анализировать способы, с помощью которых язык используется для конструирования социальной реальности. Целью дискурсивного анализа для З. Харриса было не только понимание языковых структур, но и исследование их влияния на формирование социокультурных норм и ценностей [Harris, 1952], что, на наш взгляд, является важным при исследовании медиадискурса в целом и заголовочного комплекса в частности.

Поддерживая утверждение Л.М. Земляновой о том, что СМИ способны видоизменять факты и формировать «мнимую реальность» [Землянова, 2002: 85], мы считаем, что дискурсивный анализ способен выявить механизмы конструирования новых смыслов и реальности.

Для проведения дискурсивного анализа необходимо понимать, что является единицей исследования. С точки зрения О.А. Леонтович, к единицам дискурсивного анализа могут относиться: речевая ситуация; речевое событие; речевой акт; интеракционный или коммуникативный акт; коммуникативный ход; репликовый шаг и т. д. [Леонтович, 2015: 186]. Единицей исследования в дискурсивном анализе медиадискурса может быть текст, фрагмент текста, высказывание, статья, репортаж, интервью или любой другой элемент медийного контента, который подвергается анализу с целью выявления особенностей дискурсивной практики и воздействия медийного сообщения на аудиторию.

Внутридискурсивный подход помогает сконцентрироваться на анализе текста как воплощения санкционного дискурса, позволяя изучить, как интертекстуальное включение взаимодействует с новым контекстом, какие новые смыслы приобретает оригинальный текст. Междискурсивный подход предполагает анализ того, какую роль играет интертекстуальное включение в формировании мнений и ценностей читателя, и как это влияет на его мышление и поведение.

Основной целью кросскультурного анализа является выявление сходств и различий культур, проявляющихся в языках, а также изучение влияния культурных особенностей на язык и наоборот. В результате кросскультурного исследования можно получить новые знания об универсальности языковых закономерностей, а также об уникальности и специфике отдельных культур.

В нашей работе предпринята попытка описать универсальные и специфичные сферы-источники интертекстуальных включений для трех лингвокультур: русской, британской и американской.

2.1.2. Источники и материал исследования: количественный анализ

Источником материала исследования послужили статьи, посвященные санкционной политике в качественных российских, британских и американских изданиях, представленных в интернете. Во время подбора интернет-изданий для нашего исследования основными критериями стали тираж, цитируемость, формат, тематика, доступность архивов. В выборке участвовали как газеты, так и журналы.

Так как наше исследование посвящено санкционному дискурсу, то за рамками анализа остались ресурсы, носящие развлекательный характер (мода, спорт и т.д.), а также издания, описывающие события локального масштаба.

«Коммерсантъ» – ежедневная, общенациональная деловая газета с тиражом 63 тыс. экземпляров (2022). Аудитория ежедневного интернет-издания – 197 800 чел. [Head Media]. Целевая аудитория газеты Коммерсант преимущественно состоит из руководителей, служащих и специалистов, имеющих, в основном, высшее образование, в возрасте от 25 до 55 лет с доходом средним и выше среднего. Издание освещает не только политические и экономические события в России и за рубежом. Оно также охватывает такую тематику, как «Спорт», «Технологии», «Наука» и др.

«Известия» – советская и российская газета, публикующая политические, общественные, экономические статьи, выходит ежедневно. Была учреждена в январе 1917 года [Известия]. Онлайн-аудитория издания составляет 37 млн человек. Портрет среднестатистического читателя выглядит следующим образом: трудоспособные, социально активные и образованные, со стабильным средним и выше среднего доходом, люди с высокими ценностями, 25–65 лет [Известия]. Основные темы издания: события в России и за рубежом, аналитика и комментарии, обзор вопросов бизнеса и экономики, событий культурной и спортивной жизни.

The Economist – «авторитетное англоязычное еженедельное издание новостной направленности, издаваемое британской медиакомпанией The Economist Group и публикуемое в Великобритании с 1843 года. Основные темы, освещаемые журналом – политические события, международные отношения, финансовые, экономические и деловые новости, а также наука и культура» [The Economist Brand Report, 2022]. Тираж издания – около шестисот тысяч копий; вместе с цифровым вариантом читательская аудитория составляет 1,6 миллиона человек, больше половины из которых (54%) проживают на территории США [The Economist Interim Report, 2023].

The Financial Times – британская и международная ежедневная деловая газета. Ежемесячная читательская аудитория составляет 22,4 млн. человек. Основная читательская аудитория представлена влиятельными бизнесменами и политиками, госслужащими и сотрудниками иностранных компаний с

доходом средним и выше среднего [The Financial Times]. Издание специализируется на новостях в сфере бизнеса и финансов, а также освещает политические и экономические события в стране и за рубежом.

The Washington Post – ежедневная газета, основанная в 1877 году и издаваемая в Вашингтоне, округ Колумбия, ведущая газета в США. Ежемесячная читательская аудитория составляет в среднем 65 млн. человек [The Washington Post] в возрасте от 18 до 49 лет.

The New York Times – ежедневная газета, основанная в 1851 году и издаваемая в Нью-Йорке. Основной задачей газеты является журналистика без сенсаций для любопытного читателя, обучающегося на протяжении всей своей жизни. Газета имеет более 10 млн подписчиков, из которых 61% – представители поколения Z или миллениалы [The New York Times].

Поиск статей, посвященных санкционной политике, осуществлялся по ключевым словам: санкции, Иран, Ирак, Северная Корея (КНДР), Россия, sanctions, Iran, Iraq, NorthKorea, Russia. Хронологические рамки поиска следующие: Ирак (1997 – 2003 гг.), Иран (2006 – наст. время), Северная Корея (2006 – наст. время), Россия (2014 – наст. время).

После того, как корпус статей был отобран, мы приступили к анализу заголовочных комплексов с целью выявления в них интертекстуальных включений методом сплошной выборки.

В таблице 3 представлены количественные результаты соотношения статей, посвященных санкционной политике, и интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (в процентном соотношении):

Таблица 3. Количественное соотношение заголовков с интертекстуальными включениями (российский, британский, американский дискурсы)

Дискурс	Выборка статей	Количество статей, в заголовках которых содержатся интертекстуальные включения	Процентное соотношение выборки и статей с заголовками с интертекстуальными включениями
российский	1000	420	42%

британский	1000	189	18,9%
американский	1000	107	10,7%

Как видно из таблицы, российский санкционный дискурс имеет больший интертекстуальный потенциал по сравнению с британским и американским: количество статей с интертекстуальными включениями почти в 2,5 раза выше. Это может быть объяснено тем, что российский санкционный дискурс нацелен на развлечение реципиента в первую очередь, а затем уже на его информирование.

В процессе последующего анализа отобранных статей с интертекстуальными включениями были выделены универсальные и специфические сферы-источники. Результаты анализа обобщены в таблице 4:

Таблица 4. Количественное распределение интертекстуальных включений по сферам-источникам (российский, британский, американский дискурсы)

Сфера-источник	Российский санкционный дискурс 420 – 100%	Британский санкционный дискурс 189 – 100%	Американский санкционный дискурс 107 – 100%
Паремии, идиоматические выражения	20,5%	45,8%	18,7%
Художественная литература	7,8%	24,9%	5,2%
Кинематограф	9,4%	11,2%	25,9%
Исторические события	10,2%	7,3%	22,4%
Музыкальные произведения	9,3%	7,6%	
Исторические личности	7,8%		27,8%
Догматические тексты, мифология	5%	3,2%	
Коллоквиализмы	12,1%		
Термины и языковые клише	17,9%		

--	--	--	--

Как видно из таблицы, универсальными для трех санкционных дискурсов являются 4 сферы-источника: «Паремии, идиоматические выражения», «Художественные произведения», «Кинематограф», «Исторические события». Также была выявлена сфера-источник, общая для российского и американского санкционных дискурсов, но отсутствующая в британском санкционном дискурсе: «Исторические личности». Общими для российского и британского санкционных дискурсов, но отсутствующими в американском, являются интертекстуальные включения из сфер-источников «Музыкальные произведения» и «Догматические тексты, мифология». В российском дискурсе зафиксированы две специфические сферы-источники «Термины и языковые клише» и «Коллоквиализмы», не представленные ни в британском, ни в американском санкционных дискурсах. Нужно отметить, что в российском санкционном дискурсе все оригинальные тексты из сферы-источника «Коллоквиализмы» представлены в заголовках в трансформированном виде. Универсальные сферы-источники проанализированы в Главе 2 диссертационного исследования, специфические – в Главе 3.

Для российского и британского санкционных дискурсов наибольшее количество интертекстуальных включений представлено сферой-источником «Паремии, идиоматические выражения». И российская, и британская культура имеют богатейшую историю и традиции, складывающиеся тысячелетиями. Образность паремий позволяет сжато и точно описать ситуацию. С каждой паремией связан набор ассоциаций, универсальный для представителя той или иной культуры, трансформация которых неизбежно привлекает внимание читателя. В американском санкционном дискурсе приблизительно равное количество интертекстуальных включений приходится на сферы-источники «Исторические личности» и «Исторические события». Такое количественное распределение текстов-источников можно

объяснить тем, что для американской культуры характерен прагматизм, и апелляция к исторической личности в заголовке статьи делает ее более достоверной в глазах читателя.

Среди универсальных сфер-источников наименее представленными с точки зрения интертекстуальных включений в российском и американском санкционном дискурсе является «Художественная литература», в британском – «Исторические события».

2.2. Универсальные сферы-источники интертекстуальных включений: сопоставительный анализ

2.2.1. Сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения»

Сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения» является наиболее представленной в количественном выражении и в российском, и в британском санкционном дискурсах (20,5% и 45,8% соответственно). В американском санкционном дискурсе количество интертекстуальных включений из этой сферы-источника составляет 18,7%. Пословицы и поговорки – бесценное наследие любого народа [Сысоев, 2009], позволяющее человеку усваивать мудрость жизни в обобщенных и понятных образах. Любой человек, обладая тем или иным культурным кодом, усваивает в течении жизни определенный набор пословиц и поговорок в зависимости от своего личного опыта. Использование пословицы или поговорки в заголовочном комплексе позволяет активизировать нужный образ. Если же оригинальный текст подвергается какой-либо трансформации, то это неизменно привлечет внимание читателя.

В всех трех санкционных дискурсах оригинальная пословица часто подвергается трансформации, что увеличивает ее потенциал в качестве элемента, привлекающего внимание. Кроме того, можно отметить образы, которые авторы используют несколько раз. Для британского и американского

дискурсов таким образом является «кнут и пряник» (carrot and stick), а для русского – образ двух зайцев. В английском языке выражение «carrot and stick» описывает ситуацию, при которой для достижения цели используются два противоположных способа воздействия – негативного и позитивного [Cambridge Dictionary Online]. В русском языке пословица «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» предостерегает от желания выполнить сразу несколько задач. Если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результата ни в одном [Словарь пословиц и поговорок].

Приведем некоторые примеры. Заголовочный комплекс **«Россия погналась за двумя яйцами. Из одной инвестиционной корзины»** (*Коммерсантъ*, 27.11.2001) кратко обозначает тематику статьи – «Россия и инвестиции». Однако, содержание статьи остается неясным. Для реализации игрового потенциала заголовочного комплекса автор использует две поговорки – «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» и английскую «Не храни все яйца в одной корзине» («Don't put all eggs in one basket») [Merriam-Webster Dictionary Online]. Использование в заголовке паремии «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» в усеченном виде и распространение оригинального текста географическим названием «Россия», а также лексическая замена «зайцами» на «яйцами» позволяет реализовать побуждающую функцию и заставить читателя обратиться к тексту статьи, который и прояснит ее содержание. Речь идет о том, что Россия, с одной стороны, пытается возобновить торговые отношения с Ираком (продажа химического и энергетического оборудования), находящимся под жесткими западными санкциями, а с другой – обсуждает участие в совместном с США проекте на Сахалине. Подзаголовок обыгрывает вторую поговорку, смысл которой в том, что всегда нужно иметь запасной план, а не вкладывать все ресурсы и усилия в один проект. В среде инвесторов образ корзины и яиц используется, когда речь идет о диверсификации инвестиционного портфеля, то есть создании «подушки безопасности» на случай, если какие-то активы окажутся убыточными.

Трансформация и комбинация двух поговорок, принадлежащих к разным лингвокультурам, в одном заголовочном комплексе реализуют информативную функцию интертекстуального включения, демонстрируя креативность автора статьи, что повышает привлекательность заголовочного комплекса.

Другой пример из российского санкционного дискурса: **«Пакистан погнался за двумя ядрами»** (*Коммерсантъ*, 24.12.2003). Географическое название «Пакистан» и лексема «ядрами» задают тематику статьи: ядерная программа Пакистана. Интертекстуальное включение поговорки «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» в усеченном виде, с лексической субституцией «зайцами» на «ядрами» реализует побуждающую функцию, так как после прочтения заголовка непонятно, о каких двух ядрах идет речь, что интригует читателя, заставляя его обратиться к тексту. Заголовочный комплекс актуализирует значение паремии: «прикладывать усилия в нескольких направлениях, что может привести к неудаче во всех» [Словарь значений слов]. Текст статьи устанавливает связь между заголовочным комплексом и ее содержанием: ученые Пакистана, который является союзником США, подозреваются в передаче ядерных технологий Ирану, КНДР и Ливии – государствам, находящимся под жесткими санкциями коллективного Запада.

В примере из британского санкционного дискурса в заголовочном комплексе **«Sticks now, carrots later. Iran is back at the negotiating table. But trust in its diplomacy and in its theological utterances about nuclear weapons (see article) is fragile»** (*The Economist*, 19.05.2012) / **«Сначала кнут, потом пряник. Иран вернулся за стол переговоров. Но доверие к его дипломатии и его теологическим высказываниям о ядерном оружии (см. статью) хрупко»** (*The Economist*, 19.05.2012) тематика статьи представлена географическим названием «Iran» («Иран»), а также словосочетаниями «negotiating table» («стол переговоров»), «nuclear weapons» («ядерное оружие») и «fragile» («хрупкий»), что позволяет спрогнозировать ее содержание: переговоры о

ядерной программе Ирана. Оригинальное идиоматическое выражение «stick and carrot» («кнут и пряник») подвергается грамматической и лексической трансформациям (замена единственного числа на множественное: «sticks, carrots» и расширение контекста новыми лексемами: «now, later» соответственно). Интертекстуальное включение в заголовочный комплекс трансформированного выражения реализует побуждающую функцию интертекстуального включения, вызывая у читателя любопытство по поводу методов воздействия на Иран, причем из заголовка ясно, что сначала Запад воспользуется методом наказания, а затем – поощрения. При этом, оригинальный текст в новом контексте актуализирует образ Ирана как провинившегося ребенка, а коллективного Запада – как воспитателя, который решает когда и как наказывать.

Статья, вышедшая под заголовком «*Less stick more carrot – the risks of the West's reliance on sanctions*» (*The Economist*, 20.04.2021) / «*Меньше кнута, больше пряника. Запад слишком полагается на санкции*» (*The Economist*, 20.04.2021), ставит под сомнение эффективность санкций. Лексическое расширение контекста оригинального идиоматического выражения «stick and carrot» («кнут и пряник») за счет лексем «less» («меньше»), «more» («больше»), а также грамматическая трансформация единственного числа во множественное позволяют интертекстуальному включению реализовать побуждающую функцию. Несмотря на то, что заголовочный комплекс четко задает тематику статьи – введение санкций в отношении стран-«изгоев» – остается неясным вопрос, почему издание транслирует идею, противоположную позиции западного мира, что оказать давление на государство можно только путем ужесточения санкций. Ознакомление с содержанием статьи проясняет намерение автора трансформировать оригинальный текст таким образом. В статье анализируется опыт введения санкций в отношении России, которые действительно не работают так, как ожидалось западным миром. Такая

оценка санкций в отношении России и Ирана порождает сомнения в эффективности санкций как инструмента давления.

В американском санкционном дискурсе идиоматическое выражение «carrot and stick» также используется в качестве интертекстуального включения в заголовочных комплексах. Например, *«Diplomacy shifting western debate from a stick to a carrot»* (*The Washington Post*, 06.12.1990) / *«Дипломатия переводит западные дебаты с кнута на пряник»* (*The Washington Post*, 06.12.1990). Заголовочный комплекс предлагает обширное поле для предположений, о чем будет содержание статьи. Идиоматическое выражение «stick and carrot» («кнут и пряник»), используемое в статье без каких-либо трансформаций, конкретизирует содержание статьи: изменение политики в сторону смягчения используемых средств. Однако, остается неясным, в отношении кого должна смягчиться проводимая Западом политика. Текст статьи позволяет соотнести ее содержание с заголовочным комплексом: речь идет об изменении политики в отношении Ирака, но связаны эти изменения не с тем, что Ирак пошел на уступки и согласился вывести войска из Кувейта, а с тем, что против него ООН вводит санкции, а США планируют бомбардировки. Таким образом, изначально заголовочный комплекс актуализирует образ политических изменений по обоюдному согласию сторон, но содержание статьи дополняет этот образ неговорчивым Ираком, лидер которого понимает только силу.

Другим примером использования идиоматического выражения в качестве интертекстуального включения является заголовочный комплекс *«On sanctions against Russia, the West's best policy is to keep its powder dry»* (*The Washington Post*, 25.01.2022) / *«Что касается санкций против России, лучшая политика Запада – держать порох сухим»* (*The Washington Post*, 25.01.2022). Автор статьи, как и в предыдущем примере, не прибегает к трансформациям оригинального текста «to keep one's powder dry» («держат порох сухим»), которое означает «сохранять спокойствие и быть готовым к трудностям в будущем» [Merriam-Webster Dictionary Online].

Географические названия «Russia» («Россия») и «West» («Запад»), а также лексема «sanctions» («санкции»), задают тематику статьи: санкционная политика Запада в отношении России. Идиоматическое выражение «to keep one's powder dry» («держать порох сухим») реализует побуждающую функцию, так как исходный текст актуализирует смысл паремии: проявление осторожности и готовность к будущим трудностям. То есть, по каким-то причинам, западная коалиция вынуждена проявлять осторожность в использовании санкций в отношении России. Содержание статьи и соотнесение его с заголовочным комплексом объясняют намерение автора использовать это идиоматическое выражение в заголовке: Россия наращивает военный контингент на границах с Украиной, что вызывает тревогу президента Украины В. Зеленского, который требует от западной коалиции во главе с США ужесточения санкций. Однако США опасаются, что, сделав это сейчас, они потеряют весомый аргумент противостояния с Россией, поэтому не торопятся их применять. Комплексное восприятие заголовка и статьи актуализируют образ западной коалиции, стремящейся избежать ужесточения санкций на данном этапе, и России, представляющей угрозу для соседнего государства.

Таким образом, сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения» представлена как трансформированными, так и оригинальными текстами. Во всех анализируемых санкционных дискурсах интертекстуальные включения, в основном, выполняют побуждающую функцию, то есть вызывают интерес реципиента к содержанию статьи. В некоторых случаях реализуется информативная функция интертекстуального включения, позволяющая автору продемонстрировать свою креативность.

2.2.2. Сфера-источник «Кинематограф»

Художественные фильмы как источник интертекстуальных включений представлены в трех дискурсах неоднородно. В американском санкционном

дискурсе интертекстуальные включения из этой сферы-источника количественно превосходят российский (9,4%) и британский (11,2%) дискурсы более чем в два раза (26,9%). Авторы статей российского санкционного дискурса обращаются как к отечественным, так и зарубежным фильмам, а британский и американский – только к англоязычным. Это, на наш взгляд, связано с тем, что американская киноиндустрия на сегодняшний день является наиболее востребованной и популярной в сфере массовой культуры. Через фильмы американские режиссеры формируют и поддерживают привлекательный образ Соединенных Штатов в глобальном общественном сознании, распространяют представления (зачастую – идеализированные) об американском образе жизни и системе ценностей [Артамонова, 2020: 110].

Рассмотрим пример из российского санкционного дискурса, в котором автор статьи обращается с зарубежному художественному фильму: *«Бонд. Евробонд: бизнес ищет замену доллару на рынке облигаций»* (*Известия*, 05.12.2018). Лексемы «доллар», «облигация», «евробонд» задают тематику статьи: изменения на фондовом рынке. Трансформация приветствия Дж. Бонда – персонажа, созданного писателем Я. Флемингом и получившего мировую известность благодаря серии фильмов о Дж. Бонде (1961-2021 гг.) – реализует игровой потенциал заголовочного комплекса. «Бонд. Джеймс Бонд» – фраза, ставшая крылатой, используется для создания комического эффекта. Трансформация (лексическая субституция «бонд» на «евробонд») основана на реализации двух значений: это и фамилия секретного агента, и облигация («bond»). Эти два смысла актуализируются одновременно, порождая яркий образ. Статья посвящена теме санкций в отношении России, заставивших инвесторов рассмотреть другие варианты размещения своих средств, кроме доллара. Лексическая трансформация позволяет погрузить текст-источник в новый контекст, в котором он приобретает новый смысл: санкции в отношении российских инвесторов и компаний не являются для них проблемой, так как существуют альтернативы доллару в виде евро, юаня

и рубля. Для автора статьи такая трансформация оригинального текста – возможность реализовать информативную и развлекательную функции интертекстуального включения. Игра слов, основанная на фамилии героя и названии ценной бумаги, демонстрирует оригинальность авторского замысла, вовлекая адресата в языковую игру, предложенную адресантом, и погружает исходный текст в новый контекст с новыми смыслами, расшифровать которые должен реципиент.

Еще одним культовым фильмом американской киноиндустрии является фильм К. Тарантино «Убить Билла» (2003). Журналист использует его название как интертекстуальное включение в заголовочном комплексе: **«Убить билль: в Британии отклонили законопроект о конфискации активов РФ (Известия, 27.03.2024)**. Вторая часть заголовка кратко сообщает о том, что в Великобритании отказались от конфискации российских активов. Основными функциями первой части заголовка являются информативная и развлекательная. Образ фильма американского режиссера связан большим количеством кровавых сцен и сцен насилия. Он повествует о безжалостной наемнице, жаждущей отомстить своему обидчику. Лексическая трансформация, заключающаяся в лексической субституции имени собственного «Билл» на созвучное ему «билль» («закон») воссоздает образ кровавого убийцы, но лексическая замена погружает его в новый контекст, порождая новый смысл оригинального названия: из-за страха создать прецедент, который может ударить и по Великобритании, так как это станет сигналом того, что западным финансовым системам нельзя доверять, законопроект о конфискации российских активов был отклонен и вряд ли будет принят в ближайшее время. Для читателя трансформация оригинального названия является сигналом включиться в игру по распознаванию оригинального текста и интерпретации его трансформированного варианта. Для автора статьи – это возможность продемонстрировать свою эрудицию и чувство юмора.

В российском санкционном дискурсе также используются интертекстуальные включения из отечественных художественных фильмов. В заголовочном комплексе «*Приключения пармезана в России*» (*Известия*, 15.03.2016) лексема «пармезан» и географическое название «Россия» лишь в общих чертах намекают на содержание статьи. Трансформированное название художественного фильма Э. Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России» (1974) реализует побуждающую и развлекательную функции, интригуя читателя ярким образом и включая его в игру по интерпретации оригинального текста в новом контексте, а также информативную, так как у автора появляется возможность продемонстрировать свою креативность. Оригинальное название подвергается следующим лексическим трансформациям: опускается лексема «невероятные», «итальянцев» заменяется на «пармезан». Пармезан – один из самых популярных итальянских сыров, поэтому оригинальное название фильма и трансформированное оказываются связаны между собой тематически. В статье речь идет о том, что после введения торговых санкций в Россию перестали завозить сыры из Европы, что способствовало развитию сыроварения внутри страны. Автор описывает не только проблемы, с которыми сталкивается отдельно взятая ферма или производство, но и успехи, позволяющие восполнить утраченный ассортимент сыров, в том числе и таких популярных, как пармезан и маасдам. Интертекстуальное включение в новом контексте порождает новый смысл, нивелирующий негативные ассоциации, связанные с санкционной политикой: несмотря на трудности, возникшие в результате введения санкций, российские компании способны наладить производство любимых потребителем сыров.

Рассмотрим примеры интертекстуальных включений в британском санкционном дискурсе: «*Mission impossible? As Ban Ki-moon takes charge at the United Nations, we look at the prospects for this troubled body and for its peacekeeping efforts round the world*» (*The Economist*, 04.01.2007) / «*Миссия невыполнима? Пан Ги Мун возглавил Организацию Объединенных Наций, а*

мы рассматриваем перспективы этой измученной проблемами организации и ее миротворческих усилий по всему миру» (The Economist, 04.01.2007).

Подзаголовок заголовочного комплекса кратко передает содержание статьи: назначен новый генеральный секретарь ООН, перед которым стоят непростые задачи. Побуждающая функция заголовка реализуется за счет трансформации названия известной серии фильмов «Mission Impossible» («Миссия невыполнима») (1996-2025 гг.) о специальном агенте И. Ханте. В заголовочном комплексе оригинальное название реализуется в вопросительной форме, пробуждая интерес, связанный с сомнениями автора по поводу успеха в работе организации во главе с новым генеральным секретарем. Таким образом актуализируется два противоположных образа: образ фильма и ассоциации, связанные с ним (несмотря на то, что название художественного фильма констатирует невозможность выполнения миссии, зритель точно знает, что главный герой ее выполнит) и образ, связанный с новым контекстом, порождающий сомнения в успешном выполнении задачи. Содержание статьи в сочетании с заголовочным комплексом оправдывают эти сомнения. Одной из задач, стоящих перед новым генеральным секретарем, является прекращение ядерной программы Ирана, против которого введены жесткие экономические санкции.

Примером того, как авторы статей используют интертекстуальное включение для создания комического эффекта в британском санкционном дискурсе, может быть заголовочный комплекс *«Bill and Kim's excellent adventure. Strange encounter in Pyongyang» (The Economist, 06.08.2009) / «Невероятные приключения Билла и Кима. Странная встреча в Пхеньяне» (The Economist, 06.08.2009)*, в котором имена собственные «Bill» («Билл») и «Kim» («Ким»), а также географическое название «Pyongyang» («Пхеньян») задают тематику статьи: встреча Б. Клинтона и Ким Чен Ира в столице Северной Кореи. Для реализации игрового потенциала и побуждающей функции заголовочного комплекса автор статьи использует в качестве интертекстуального включения название художественного фильма «Bill &

Ted's Excellent Adventure» («Невероятные приключения Билла и Теда») (1989), подвергая его лексической трансформации – заменяя имя собственное «Ted» («Тед») на «Kim» («Ким»). Такая трансформация погружает исходное название в новый контекст (встреча двух лидеров в Пхеньяне), актуализируя при этом образы, связанные с комедийным фильмом – два закадычных друга весело проводят время, путешествуя во времени, чтобы подготовить доклад для урока истории. Использование в качестве интертекстуального включения названия этого фильма, а также словосочетания «strange encounter» («странная встреча») вызывает недоумение, так как Б. Клинтон и Ким Чен Ир не являются друзьями. Северная Корея стремится разработать ядерное оружие, а США всеми силами пытаются это предотвратить, применяя санкции и полную экономическую изоляцию в отношении страны. При сопоставлении содержания статьи и заголовочного комплекса становится понятно, что автор иронизирует над происходящими в Пхеньяне событиями, противопоставляя героев фильма реальным политическим фигурам.

Примером интертекстуальных включений в американском санкционном дискурсе может служить заголовочный комплекс «*New U.S. sanctions lost in Venezuela's translation*» (*The Washington Post*, 11.03.2015) / «*Санкции США в отношении Венесуэлы: Трудности перевода*» (*The Washington Post*, 11.03.2015), который кратко сообщает читателю содержание статьи: в результате неправильного перевода с одного языка на другой у США возникли какие-то трудности с санкциями в отношении Венесуэлы. При этом, читателю непонятен мотив использования названия художественного фильма «Lost in Translation» («Трудности перевода») (2003) режиссера С. Копполы в заголовке статьи: какие могут быть трудности перевода, если введение санкций закрепляется в официальном документе, перевод которого выполняется командой профессионалов. Распространение оригинального названия словосочетанием «new U.S. sanctions» («новые американские санкции») и географическим названием «Venezuela» («Венесуэла») в притяжательном падеже, таким образом, реализует

побуждающую функцию и заставляет читателя обратиться к содержанию статьи. После ознакомления со статьей реципиент соотносит ее содержание с содержанием художественного фильма (романтическая комедия о двух американцах, оказавшихся в одном отеле в Токио). Нужно отметить, что оригинальное название фильма имеет очень глубокий смысл. Речь идет не о трудностях перевода в стране, говорящей на языке, который оба героя не понимают, а об утрате духовной связи со своими близкими людьми. Именно этот смысл актуализируется после прочтения заголовка. В статье автор описывает введение похожих санкций в отношении России, а потом приводит высказывание Б. Обамы о том, что Венесуэла представляет угрозу. Это позволяет американскому лидеру оправдать введение санкций. Венесуэльская оппозиция, лояльная к американской власти, резко отреагировала на такое замечание Б. Обамы. В заголовке статьи название художественного фильма «Lost in Translation» («Трудности перевода») (2003) не имеет никакого переносного смысла: в Венесуэле неправильно интерпретировали высказывание Б. Обамы из-за некорректного перевода.

Другим примером использования названия художественного фильма в качестве интертекстуального включения является заголовочный комплекс статьи «*Iraq's Law And Disorder*» (*The Washington Post*, 16.10.2004) / «**Закон и беспорядок в Ираке**» (*The Washington Post*, 16.10.2004), который кратко сообщает о ее содержании. Использование в заголовке названия американского сериала «Law and Order» («Закон и порядок») (1990-2010) в трансформированном виде актуализирует содержание художественного фильма: работа полиции и кабинета прокурора так, как она происходит на самом деле. Основная идея сериала состоит в том, что любое преступление раскрывается, и преступник получает по заслугам благодаря тому, что американское правосудие руководствуется только законом. Оригинальное название сериала подвергается лексическим трансформациям: контекст расширяется за счет географического названия «Iraq» («Ирак»), лексема «order» («порядок») заменяется на «disorder» («беспорядок»), реализуя

побуждающую и развлекательную функции, так как реципиент, привлеченный заголовком, пытается понять связь между сериалом и Ираком. Сопоставление содержания статьи с ее заголовочным комплексом, актуализирует новый смысл названия в новом контексте. В статье речь идет о том, что система правосудия в Ираке после диктатуры С. Хуссейна, войны и введенных санкций требует пристального внимания и реорганизации. США, в этом случае, призваны «помочь» иракскому народу построить демократическое государство.

Таким образом, интертекстуальные включения из сферы-источника «Кинематограф» в российском санкционном дискурсе реализуют игровой потенциал заголовочного комплекса. Также нужно отметить, что побуждающая и развлекательная функция могут преобладать над информативной. В британском и американском санкционных дискурсах содержание статьи не всегда связано с содержанием фильма, актуализирующимся благодаря интертекстуальному включению.

2.2.3. Сфера-источник «Художественная литература»

Сфера-источник интертекстуальных включений «Художественная литература» имеет различные количественные и качественные показатели в трех санкционных дискурсах. Наибольшее количество интертекстуальных включений приходится на долю британского санкционного дискурса (24,9%), что почти в два раза превышает их представленность в российском и американском дискурсах (7,8% и 5,2% соответственно). При этом, в российском санкционном дискурсе наблюдается разнообразие оригинальных текстов, британский дискурс демонстрирует приверженность отдельным произведениям. Американский санкционный дискурс использует в качестве интертекстуальных включений произведения английской литературы.

Рассмотрим пример из британского санкционного дискурса: *«Of bribes, bullets and bargains. Brave investors see rewards amid the debris» (The*

Economist, 14.10.2010) / «**О взятках, нулях и сделках. Отважные инвесторы получают прибыль среди обломков**» (*The Economist*, 14.10.2010). Заголовочный комплекс представляет собой трансформированное название повести Дж. Стейнбека «О мышах и людях» («Of Mice and Men») (1937), которое, в свою очередь, является интертекстом поэмы Р. Бернса «To a Mouse» («Мышке») (1785), в которой человек разрушает гнездо мыши, нарушая ее планы пережить зиму. Смысл обоих произведений состоит в том, что как бы человек ни пытался, он не сможет реализовать свои мечты. Грамматическая конструкция заголовка позволяет соотнести его с оригинальным произведением (of + однородные дополнения). Лексическая замена существительных вызывает любопытство и желание прочитать статью, позволяя реализовать побуждающую функцию интертекстуального включения. В процессе ознакомления со статьей заголовков и ассоциации, связанные с оригинальным произведением, присутствуют в качестве фоновых знаний, так как читатель сопоставляет содержание статьи с заголовком. Затем заголовок интерпретируется на основании полученной информации. Для этого необходимы фоновые знания об оригинальном произведении. Сопоставив эту информацию с содержанием статьи, читатель получит представление о намерении автора. Статья представляет собой аналитический обзор проблем, с которыми может столкнуться иностранная компания, решившая работать в Ираке. Взятничество, криминальная обстановка и трудности при заключении контрактов являются основными препятствиями. Однако некоторым компаниям все же удастся получить прибыль. Автор статьи, используя трансформированное название произведения Дж. Стейнбека трансформирует и его смысл. Для иностранных инвесторов все же существует возможность получать прибыль в Ираке.

Авторы статей британского санкционного дискурса используют названия произведений русской литературы в качестве интертекстуального включения, что говорит об универсальном характере культурного кода произведений русской литературы. Например, «*War or peace? As UN*

weapons inspectors arrive in Baghdad, Saddam Hussein is told to choose between war and peace. But even if he co-operates in the hunt for evidence of Iraq's weapons of mass destruction, America will remain deeply suspicious» (The Economist, 18.11.2002) / «Война или мир? Когда инспекторы ООН по вооружениям придут в Багдад, С. Хуссейну придется сделать выбор между войной и миром. Но даже, если он пойдет на сотрудничество с инспекторами по поиску оружия массового поражения в Ираке, Америка будет относиться к этому с подозрением» (The Economist, 18.11.2002).

Произведение Л. Н. Толстого «Война и мир» («War and peace») (1867) является достоянием мировой литературы. Заголовочный комплекс дает четкое представление о содержании статьи: согласится ли С. Хуссейн допустить инспекторов ООН в Ирак. Лексико-грамматическая трансформация (замена лексемы «and» на лексему «or» и преобразование утвердительной конструкции в вопросительную) вызывает интерес читателя и желание прочитать статью, чтобы понять причины этих трансформаций. Таким образом реализуется побуждающая функция интертекстуального включения. Ознакомившись со статьей, читатель соотносит ее содержание с заголовочным комплексом. Статья описывает события, связанные с поиском оружия массового поражения на территории Ирака, чье правительство не хочет сотрудничать с представителями МАГАТЭ, настаивая на том, что США беспочвенно обвиняют Ирак в разработке химического и биологического оружия. Однако теперь С. Хуссейну придется выбирать между миром (снятием санкций) и войной (ужесточением санкций). Если он хочет, чтобы санкции были сняты, ему придется впустить международных инспекторов на территорию страны.

В отличие от британского санкционного дискурса российский санкционный дискурс использует в качестве интертекстуальных включений как названия произведений, так и цитаты из них. Причем авторы стремятся обыграть цитату или название за счет трансформации оригинального текста.

Приведем пример: *«Редкая утка долетит до космоса. Слухи о захвате хакерами военного спутника не подтвердились»* (Коммерсантъ, 03.03.1999). Заголовок статьи является трансформацией цитаты о Днепре из хрестоматийного произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829-32): *«Редкая птица долетит до середины Днепра»*. Лексемы «редкая» и «долетит» в составе заголовка, а также название птицы актуализируют образ реки и автора ее описания, а также оригинальный текст. Лексическая трансформация: замена единиц «птица» на «утка», «середины Днепра» на «космоса» вовлекает читателя в игру по декодированию смысла заголовка, реализуя развлекательную функцию интертекстуального включения. Помимо вопроса об оправданности замены элементов оригинального высказывания, возникает недоумение по поводу использования лексемы «утка». Почему не гусь или ворона? Для чего нужна такая конкретизация? Чтобы это понять, необходимо обратиться к статье и осмыслить ее содержание. В статье речь идет о том, что британское издание *Sunday Business* опубликовало недостоверную информацию, то есть «утку» (жаргонное выражение, обозначающее «слухи») [Криминальная психология], о хакерской атаке на космический спутник Великобритании. Такая информация способна вызвать тревогу у жителей страны. Министерство обороны Великобритании опубликовало опровержение лишь спустя два дня, то есть новость продолжала циркулировать в СМИ, порождая большую тревогу. На фоне новостей о хакерской атаке в СМИ Великобритании появляется новость о том, что Министерству обороны требуются средства, чтобы противостоять «русской угрозе». После прочтения становится понятна цель трансформации оригинального текста: таким способом автор статьи актуализирует свое ироничное отношение к описываемым событиям, создавая комический эффект.

В российском санкционном дискурсе также используются названия английских литературных произведений в качестве интертекстуальных включений. Например, *«Грязно английское убийство: британцы могут*

ликвидировать Скрипалей. Племяннице экс-шпиона Виктории почти полгода не удается выйти на связь с Сергеем и Юлией» (Известия, 01.12.2019). Заголовок в представленном комплексе является трансформацией названия детективного романа С. Хейра «Чисто английское убийство» («An English Murder») (1951). Этот роман приобрел популярность в Советском Союзе благодаря его экранизации С. Самсоновым в 1974 году. В заголовке статьи в качестве интертекстуального включения используется именно перевод оригинального названия. Словосочетание «английское убийство» и имя собственное «Скрипаль» не только кратко представляют тему статьи, но и позволяют вычленив заголовок из массы других. Антонимическая замена лексемы «чисто» на лексему «грязно» реализует побуждающую функцию: можно спрогнозировать содержание статьи, однако, становится интересно, почему убийство стало «грязным». Причем, в переводе оригинального названия детектива на русский язык лексема «чисто» не является антонимом лексеме «грязно». «Чисто» значит «типично», то есть типично английское убийство. Содержание статьи помогает читателю понять смысл лексической трансформации. Эпитет «грязный» подразумевает методы, которые использует премьер-министр Великобритании для решения своих задач. Дело об отравлении Скрипалей неизвестным веществом вызвало широкий резонанс в зарубежной прессе и стало поводом для обвинения российских спецслужб в организации покушения, что позволило выслать из страны 23 российских дипломата и ввести санкции в отношении некоторых представителей ФСБ. По мнению автора статьи, сейчас от Скрипалей могут легко избавиться, так как необходимости держать их в новостной повестке дня уже нет. Прилагательное с негативной коннотацией «грязный» актуализирует отрицательную оценку автором статьи того, что происходит в Великобритании. Эффект воздействия на читателя усиливается после полного ознакомления с содержанием статьи.

Использование названий литературных произведений английских авторов в качестве интертекстуальных включений в американском санкционном дискурсе связано с наличием общей культурной и языковой базы у представителей Великобритании и США. Примером такого литературного произведения может служить поэма В. Скотта «Мармион» («Marmion») (1808), цитату из которой использовал автор статьи *«Sanctions on China's top cotton supplier weave a tangled web for fashion brands. Farmers pick cotton in Hami, in China's northwestern Xinjiang region, in October 2018. U.S. sanctions against China's top cotton supplier take effect next month»* (*The Washington Post*, 22.08.2020) / **«Санкции в отношении крупнейшего поставщика хлопка в Китае плетут запутанную сеть для модных брендов. С октября 2018 года фермеры собирают хлопок в Хами, в северо-западном регионе Синьцзяна Китая. Санкции США против крупнейшего поставщика хлопка в Китае вступают в силу в следующем месяце»** (*The Economist*, 22.08.2020). Часть оригинального текста «Oh, what a tangled web we weave / When first we practise to deceive!» («Какую паутину мы плетем / Когда впервые пробуем обман») [Скотт, 2000: 132] включается автором в более широкий контекст заголовочного комплекса: читатель понимает, что речь пойдет о санкциях в отношении поставщиков хлопка из Китая и о последствиях этих санкций для производителей одежды. Используя интертекстуальное включение, автор не преследует цели заставить читателя прочитать всю статью, так как заголовочный комплекс кратко передает содержание. Интертекстуальное включение в данном случае реализует информативную функцию: автор хочет продемонстрировать свои фоновые знания читателю, произвести на него впечатление. Это возможно при одном условии: читатель должен обладать такими же фоновыми знаниями, чтобы определить источник интертекстуального включения.

Другим примером литературного произведения, которое используется в качестве интертекстуального включения, может быть шпионский роман Я. Флемминга «Из России с любовью» («From Russia with Love») (1957),

который стал популярен благодаря экранизации в 1963 году режиссером Т. Янгом. Название романа используется автором статьи «*From Russia with money: Silicon Valley distances itself from oligarchs. A Putin youth leader-turned-investor once touted connections to wealthy Russians. Now she denies knowing 'anyone'*» (*The Washington Post*, 01.04.2022). Географические названия «Russia» («Россия») и «Silicon Valley» («Кремниевая долина») задают тематику статьи. Однако лексема «oligarchs» («олигархи») может ввести читателя в заблуждение, так как описывает российские реалии, не связанные с американской Кремниевой долиной. Подзаголовок кратко передает содержание статьи, но лексическая трансформация оригинального текста: замена лексемы «love» («любовь») на «money» («деньги») вызывает у читателя любопытство и требует детального прочтения статьи, в которой речь идет о М. Дроковой – молодой россиянке, которая, переехав в США, отказывается от своего российского прошлого. Живя в России, она активно участвовала в патриотическом движении «Наши» и собирала средства для стартапов Кремниевой долины. Многие российские олигархи стали инвесторами этих стартапов. После переезда в Сан-Франциско и получения грин-карты М. Дрокова поспешила отказаться от своего патриотического прошлого и осудить «авторитарный режим» в России. Читатель, вслед за автором, осмысливает новый контекст интертекстуального включения. В романе Я. Флемминга русская девушка обманным путем заманивает в Россию Дж. Бонда, чтобы убить. М. Дрокова инвестирует средства российских олигархов в американские стартапы, а когда США начинают вводить санкции против российских компаний, пытается всех убедить, что давно не имеет с ними никаких дел.

Таким образом, интертекстуальные включения из сферы-источника «Литературные произведения» присутствуют во всех трех санкционных дискурсах, причем в российском и американском используются как названия произведений, так и цитаты из них. В британском санкционном дискурсе

авторы статей используют в качестве интертекстуальных включений как английские, так и русские литературные произведения.

2.2.4. Сфера-источник «Исторические события»

Интертекстуальные включения из сферы-источника «Исторические события» распределены по трем санкционным дискурсам неравномерно: наибольшее количество интертекстуальных включений приходится на долю американского санкционного дискурса (22,4%), в российском и британском санкционных дискурсах – 10,2% и 7,3% соответственно.

Рассмотрим пример из российского санкционного дискурса: *«Операция “Медведь в пустыне”»* (*Коммерсантъ*, 15.11.2004). Заголовок представляет собой трансформацию названия военной операции во главе с США в Ираке в 1991 году («Операция “Буря в пустыне”»). Целью операции было освобождение Кувейта, аннексированного Ираком в 1990 году. Именно захват Кувейта спровоцировал введение экономических санкций в отношении Ирака [Большая Российская Энциклопедия]. Лексическая трансформация оригинального названия операции – замена лексемы «буря» на «медведь» – пробуждает интерес читателя к содержанию статьи. На этапе ознакомления с заголовком в сознании читателя может возникнуть ассоциативный ряд: «медведь» – «Россия», «русский медведь», так как образ этого животного является метафорой при описании РФ в СМИ не только за рубежом, но и внутри страны. Однако, чтобы понять, почему автор трансформировал оригинальное высказывание, необходимо обратиться к содержанию статьи. Речь идет о том, что Россия, якобы, согласилась ввести ограниченный военный контингент на территорию Ирака с целью охраны нефтяных скважин. По мнению автора статьи, этот шаг является вынужденным, так как будет способствовать налаживанию отношений между РФ и США. Российское руководство неохотно идет на этот шаг и не собирается наращивать свое военное присутствие в Ираке. Наличие

российского контингента является скорее формальным, а не реальным желанием стать союзником США. Таким образом, использование метафоры «медведь» в оригинальном заголовке позволяет автору дать свою оценку происходящим событиям: медведь – опасное, но, в то же время, медлительное животное. Называя операцию «Медведь в пустыне» автор статьи транслирует мнение о том, что РФ не будет усердствовать на территории Ирака.

Другим примером интертекстуального включения из сферы-источника «Исторические события» может послужить упоминание различных международных договоров в заголовочных комплексах: *«Акт о распространении. Россия разрешила себе сотрудничать с Ираном» (Коммерсантъ, 11.05.2000)*. Нужно отметить, что названия международных документов используются в новостях в неизменном виде. Если документ действительно представляет значимость для мирового сообщества, то его название тиражируется в статьях и новостных сообщениях, поэтому читатель, как правило, знаком с этим документом, либо его названием. В представленном заголовке лексико-грамматическим трансформациям подвергается название «Договора о нераспространении ядерного оружия», подписанного в 1968 году практически всеми независимыми государствами мира [Бюллетень МАГАТЭ, 1968]. Реализации номинативной функции заголовочного комплекса способствует подзаголовок, который обозначает содержание статьи – отношения между Россией и Ираном – государством, реализующим ядерную программу. Лексико-грамматические трансформации, которым подвергается исходное название документа: использование оригинального названия в усеченном виде, замена лексем «договор» на «акт» и «нераспространение» на его антоним «распространение» привлекают внимание читателя и вызывают недоумение, так как заголовок подразумевает распространение ядерного оружия Ираном. Необходимо прочитать статью целиком, чтобы понять цели, преследуемые автором статьи. Содержание статьи, во-первых, позволяет понять, о каком «распространении» идет речь

(президент России подписал указ о возможности поставлять ядерные технологии и материалы в страны, чьи ядерные программы не находятся под полным контролем МАГАТЭ), а, во-вторых, уточнить оригинальный текст интертекстуального включения. После ознакомления со статьей, становится ясно, что предположение о том, что «Договор о нераспространении ядерного оружия» является текстом-источником, было ошибочным. В статье упоминается «Акт об иранском нераспространении», принятый Конгрессом США и подразумевающий введение санкций в отношении Ирана, если он продолжит развивать ядерную программу. Название именно этого документа подвергается лексическим трансформациям: замена лексемы «нераспространение» на «распространение», а также опущение лексемы «иранское». То есть название договора, принятого Конгрессом, не является релевантным для нашей культуры, поэтому читатель идет по ложному пути, актуализируя ложный образ.

В американском санкционном дискурсе используются интертекстуальные включения, связанные с разными историческими эпохами: *«How Billy Graham took his crusade to North Korea. The evangelical minister forged ties to the world's most notorious communist dictatorship» (The Washington Post, 22.02.2018) / «Как Билли Грэм отправился в крестовый поход в Северную Корею. Священник-евангелист наладил связи с печально известной коммунистической диктатурой» (The Washington Post, 22.02.2018)*. Для правильного понимания статьи и целей автора читатель должен обладать фоновыми знаниями о крестовых походах. Энциклопедия мировой истории дает следующее определение крестовых походов – вооруженные экспедиции народов христианского Запада, организованные церковью и папством Западной Европы, чтобы освободить Иерусалим и Святую Землю от мусульман и подчинить эти земли [World history Encyclopedia]. Имя собственное «Billy Graham» («Билли Грэм») и географическое название «North Korea» («Северная Корея») в заголовочном комплексе задают тематику статьи: поездка Б. Грэма в Северную Корею.

Нужно отметить, что фигура Б. Грэма является значимой для американской политики. Его иногда называют «всеамериканским пастором», имевшим влияние даже на президентов США. Резко критикуя коммунизм, Б. Грэм путешествовал по миру, проповедуя евангелистские принципы. В заголовочном комплексе статьи лексема «crusade» («крестовый поход») скорее относится к борьбе с коммунизмом, чем с еретиками, так как Северная Корея – атеистическое государство. Крестовые походы исторически связаны с насильственным насаждением христианства в мусульманских странах. Заголовок, реализуя побуждающую функцию, пробуждает у читателя любопытство о связи христианской религии и Северной Кореи. Только после прочтения статьи становится понятно, что Северная Корея, находящаяся под санкциями в связи с разработкой ядерной программы, все же может стать частью мирового сообщества, если будет следовать евангелистским ценностям. Использование в качестве интертекстуального включения исторической эпохи крестовых походов актуализирует образ Северной Кореи как государства неверных, то есть приверженцев коммунизма, а американского пастора – как спасителя, который должен освободить Северную Корею от тоталитарного режима.

В американском санкционном дискурсе КНДР, наряду с Россией, Ираком и Ираном, причисляется к «оси зла» – государствам, представляющим угрозу мировому сообществу, по мнению коллективного Запада. В связи с этим, СМИ оправдывают введение жестких санкций в отношении государства и негативизируют его образ. Сравнение с нацистским режимом является одним из способов достижения цели: *«North Korea's prisons are as bad as Nazi camps, says judge who survived Auschwitz. An inquiry found that North Korea's Kim has committed 10 of the 11 defined crimes against humanity» (The Washington Post, 12.12.2017) / «Судья, переживший Аушвиц (Освенцим), считает, что северокорейские тюрьмы так же ужасны, как и нацистские концлагеря. По результатам проведенного расследования, северокорейского лидера, Ким Чен Ына можно обвинить в 10 из 11*

преступлений против человечества» (The Washington Post, 12.12.2017). Заголовочный комплекс задает тематику статьи с помощью лексемы «нацистский», географических названий Северная Корея (North Korea) и Аушвиц (Aushwitz), имени собственного «Ким» (Kim), а также подзаголовка, который кратко передает содержание статьи. Уже на этом этапе складывается негативный образ лидера государства. В энциклопедии Холокоста Аушвиц (Освенцим) описывается как крупнейший из всех концентрационных лагерей, в задачи которого входило содержание в заключении врагов нацистского режима, обеспечение рабочей силой предприятий строительной индустрии и физическое истребление отдельных групп населения для защиты нацистского режима [Энциклопедия Холокоста]. Негативные ассоциации, связанные с этим названием, являются универсальными для любого человека и не зависят от его национальности и расовой принадлежности. Статья представлена как мнение судьи, который, выслушав показания узников и охранников корейских тюрем для политзаключенных, делает вывод, что условия содержания и отношение к заключенным гораздо хуже, чем в лагерях нацистского режима. Факт того, что судья сам является жертвой Холокоста, реализует персуазивный потенциал заголовка, убеждая читателя в достоверности представленных в статье фактов. Таким образом, формируется крайне негативный образ северокорейского лидера, Ким Чен Ына, который истребляет инакомыслящих, а содержание статьи лишь усиливает это впечатление.

Рассмотрим примеры интертекстуальных включений из сферы-источника «Исторические события» в британском санкционном дискурсе: «*The wild west. A tiny hope, and thick gloom, in Anbar» (The Economist, 06.04.2006) / Дикий Запад. Хрупкая надежда, беспросветный мрак в Анбаре (The Economist, 06.04.2006).* Номинативная функция заголовочного комплекса реализуется словосочетанием «the wild west» («Дикий Запад») и географическим названием «Anbar» – провинция в Ираке. Однако, части заголовочного комплекса – заголовок и подзаголовок – вступают в

противоречие, так как заголовок соотносится с историей США, а подзаголовок – с географией Ирака. На этапе ознакомления с заголовочным комплексом сложно предположить, о чем будет содержание статьи. В истории США Дикий Запад – не только название области, но и исторический период, связанный с эпохой освоения территорий на западе государства. Это период ассоциируется с опасностью и авантюризмом, противостоянием ковбоев и индейцев [Britannica Encyclopedia]. Ирак никак не вписывается в эту концепцию. Содержание статьи помогает понять намерение автора использовать этот исторический период в качестве интертекстуального включения. Анбар – самая западная провинция Ирака, на территории которой проживает один миллион суннитов, выступающих против вмешательства США в политические и экономические дела государства. Суннитские подразделения совершают нападения на размещенный на этой территории американский контингент. Именно это противостояние, а также географическое расположение территории позволяют автору использовать период американской истории в заголовочном комплексе. В новом контексте словосочетание «Дикий Запад» приобретает новые смыслы: территория на западе Ирака, на которой происходят столкновения между иракскими и американскими солдатами. Таким образом актуализируются два образа территорий – США и Ирака. В случае с США эпитет «wild» («дикий») описывает опасность и авантюризм, в случае с Ираком – опасность и насилие.

Одной из задач британского и американского санкционных дискурсов является оправдание применения санкций в отношении государства. Обращение к периоду холодной войны позволяют провести параллель между угрозой, которую представлял Советский Союз для мирового сообщества и потенциальной опасностью, которую сейчас представляет РФ с точки зрения коллективного Запада. В обоих случаях речь идет о ядерной угрозе. Рассмотрим пример: *«From cold war to hot war. Russia's aggression in Ukraine is part of a broader, and more dangerous, confrontation with the West»* (The

Economist, 12.02.2015) / **От холодной войны к реальной. Агрессия России на Украине – часть ее более масштабной и опасной конфронтации с Западом** (*The Economist*, 12.02.2015). Заголовочный комплекс реализует номинативную функцию за счет географических названий «Russia» («Россия»), «Ukraine» («Украина»), «West» («Запад»), раскрывая содержание статьи. В заголовке словосочетание «cold war» («холодная война») используется в составе более распространенной лексической единицы, в которой противопоставляются два вида ведения войны – холодная (cold war), то есть без применения оружия, и реальная война (hot war) с применением оружия. В английском языке противопоставление этих двух способов происходит за счет антонимов «cold» и «hot». Упоминание холодной войны в заголовочном комплексе реализует побуждающую функцию заголовка, так как с этим видом противостояния связаны ассоциации о реальной угрозе – Кубинский кризис (1962), во время которого мир оказался на грани ядерной войны. По этой причине читатель обратится к статье, чтобы понять, является ли угроза войны с Россией реальной. В процессе осмысления содержания статьи и его соотнесения с заголовком реципиент с тревогой воспринимает Россию, которая, как и Советский Союз, потенциально может применить ядерное оружие. Для описания отношений с Россией автор статьи использует в заголовке лексемы с негативной коннотацией – «aggression» («агрессия»), «broader and more dangerous confrontation» («масштабная и опасная конфронтация»), что в сочетании с «cold war» («холодная война») усиливает отрицательное восприятие государства читателем.

Таким образом, в американском и британском санкционных дискурсах интертекстуальные включения из сферы-источника «Исторические события» используются для создания негативного образа страны, против которой применяются санкции, а также для оправдания использования ограничительных мер в отношении этого государства. Особенностью российского санкционного дискурса является то, что оригинальный текст

подвергается лексико-грамматическим трансформациям, что реализует информативную и развлекательную функции заголовочного комплекса.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает метафора «axis of evil» («ось зла»), тиражируемая в британском и американском санкционных дискурсах для обозначения группы государств, которые, по мнению коллективного Запада, представляют угрозу мировому сообществу. В российском санкционном дискурсе данное словосочетание также встречается в заголовочных комплексах как интертекстуальное включение, но выполняет другие функции.

«Ось зла» – выражение, возникшее в 2002 году для описания складывающихся внутри Ирана, Ирака и Северной Кореи тенденций, связанных с разработками ядерного оружия и оружия массового поражения. Авторство термина приписывают спичрайтеру Дж. Буша мл. Д. Фруму и помощнику президента М. Герсону. Дж. Буш использовал это выражение в своем ежегодном послании «О положении страны» (2002), назвав Иран, Ирак и Северную Корею террористическими государствами, представляющими угрозу для всего мира:

States like these, and their terrorist allies, constitute an axis of evil, arming to threaten the peace of the world. By seeking weapons of mass destruction, these regimes pose a grave and growing danger / Подобные государства и их союзники-террористы представляют собой ось зла, вооружаясь, чтобы угрожать миру во всем мире. Стремясь к оружию массового уничтожения, эти режимы представляют серьезную и растущую угрозу [George W. Bush, Second State of the Union Address, 2002].

Термин «ось зла» («axis of evil») возник на основе выражения «страны оси» («the axis powers», «the axis»), появившегося во время Второй мировой войны для обозначения нацистского блока «Германия-Италия-Япония». В 1936 году после того, как Лига Наций наложила на Италию санкции за вторжение в Абиссинию и союзные отношения с Великобританией и Францией были разорваны, Италия начала сближаться с Германией. 25

октября 1936 года Германия и Италия заключили пакт о дружбе, согласно которому они обязались проводить согласованную внешнюю политику. Неделю спустя Муссолини произнес речь, в которой назвал альянс «Осью Рим-Берлин» [Энциклопедия Холокоста]. Впоследствии к Италии и Германии присоединилась Япония. В сентябре 1940 года три страны оформили свой союз, заключив Тройственный пакт [Энциклопедия Холокоста]. Основной задачей «стран оси» было объединение Франции, Великобритании, США и участников «Тройственного союза» в борьбе с СССР и международным коммунизмом, а также установление «нового порядка», основанного на доктрине расового превосходства [Origins. Current Events In Historical Perspective]. Таким образом, выражение «ось зла» («axis of evil») само по себе является интертекстуальным включением в обращение президента США 2002 года [Encyclopedia Britannica].

Заголовочные комплексы санкционного дискурса, в составе которых выявлены интертекстуальные включения, основанные на выражении «ось зла» («axis of evil»), можно систематизировать по двум группам: 1) заголовочные комплексы с оригинальным выражением «ось зла» («axis of evil») и 2) заголовочные комплексы, в которых выражение «ось зла» («axis of evil») подверглось лексико-грамматическим трансформациям.

Рассмотрим примеры из британского санкционного дискурса: *«How to get a handle on the axis. Financial sanctions have a big place in a tool-box designed to thwart the proliferators of Pyongyang and Tehran» (The Economist, 12.04.2007) / «Как сдерживать страны оси. Финансовые санкции занимают важное место в арсенале инструментов, призванных помешать распространению оружия массового уничтожения в Пхеньяне и Тегеране» (The Economist 12.02.2007)*. Тематика статьи в заголовочном комплексе представлена словосочетанием «financial sanctions» («экономические санкции») и лексемами, обозначающими географические названия: столицы Северной Кореи и Ирана («Pyongyang», «Tehran»). В заголовке оригинальное выражение «axis of evil» либо используется в усеченной форме, либо автор

отсылает к первоисточнику («the axis»), реализуя таким образом побуждающую функцию и интригуя читателя. В статье автор еще раз использует выражение «axis of evil», не видоизменяя его. Становится понятно, что интертекстуальное включение основано на выражении президента США. В статье речь идет о том, что оба государства продолжают ядерные разработки, несмотря на ранее достигнутые договоренности об их прекращении, поэтому экономические санкции являются оправданным способом оказать давление на правительства этих государств. За счет отрицательной коннотации метафоры «axis of evil» формируется негативное отношение к Ирану и Северной Корее как государствам, представляющим угрозу мировому порядку.

Рассмотрим еще один пример: *«The axis of good. Mr Koizumi is the closest Asia can come right now to a leader like Tony Blair. But is that close enough?»* (*The Economist*, 01.05.2003) / *«Ось добра. Господин Коидзуми – единственная возможность для азиатских стран сблизится с таким лидером, как Т. Блэр. Насколько близко?»* («*The Economist*», 01.05.2003). Имена собственные премьер-министров Великобритании (Т. Блэр) и Японии (Д. Коидзуми) определяют основное содержание статьи: отношения между Великобританией и Японией, в которых наметилось сближение. Заголовок статьи подвергается лексической трансформации – лексема «evil» («зло») заменяется на ее антоним «good» («добро»), что вызывает недоумение и любопытство. С понятием «axis of evil» связан определенный образ: политические режимы Ирана, Ирака и Северной Кореи, стремящиеся получить ядерное оружие и расшатывающие мирные основы существования государств во всем мире. Однако, термин «axis of good» является окказионализмом, с которым пока не связано никаких ассоциаций, кроме того, что это что-то противоположное «axis of evil». Статья проясняет смысл выражения «axis of good»: государства (Великобритания и Япония), которые готовы противостоять желанию «стран-изгоев» разработать оружие массового поражения. Таким образом, актуализируются два полярных

образа: с одной стороны, «ось зла» (Ирак и Иран), а с другой – «ось добра» (Великобритания и Япония).

В американском санкционном дискурсе интертекстуальные включения, основанные на понятии «axis of evil», также используются для создания негативного образа отдельных государств. Рассмотрим примеры: *«For John Bolton, Russia is part of a new ‘axis of evil’. The incoming national security adviser wants President Trump to go on the offensive» (The Washington Post, 28.03.2018).* / *«Для Джона Болтона Россия является частью новой «оси зла». Новый советник по национальной безопасности хочет, чтобы президент Трамп перешел в наступление» (The Washington Post, 28.03.2018).* Содержание статьи кратко передается через имя собственное «Дж. Болтон» («John Bolton») и географическое название «Россия» («Russia»). Подзаголовок поясняет, кем является Дж. Болтон (новый советник по национальной безопасности), и формирует предположения о содержании статьи: Россия причислена к странам «оси зла», Дж. Болтон пытается повлиять на президента Д. Трампа в отношении России. Лексема «new» («новый») в составе заголовка способствует реализации побуждающей функции заголовочного комплекса: появление новой «оси зла» должно вызвать не только любопытство, но и тревогу у реципиента. Соотнесение содержания статьи с заголовочным комплексом проясняет смысл интертекстуального включения. Дж. Болтон причисляет Россию к странам «оси зла» не только за ее «агрессию» в мире, но и за вмешательство в выборы президента США. Именно поэтому Д. Трамп должен проводить жесткую политику в отношении РФ.

Рассмотрим пример, в котором оригинальный текст подвергается трансформации: *«Putin is trying to build a new axis of autocrats. Russia, China, North Korea and Iran are upgrading their alliance. The West must adapt» (The Washington Post, 09.09.2022).* / *«Путин пытается построить новую ось автократов. Россия, Китай, Северная Корея и Иран модернизируют свой альянс. Запад должен адаптироваться» (The Washington Post, 09.09.2022).*

Заголовочный комплекс обладает высоким информативным потенциалом, позволяя читателю безошибочно определить, о чем пойдет речь: об отношениях России, Китая, Северной Кореи и Ирана – государствах, которых коллективный Запад причисляет к «оси зла» и называет автократиями или диктатурами. Побуждающая функция интертекстуального включения реализуется за счет того, что по прочтении заголовка все еще неясно, как должен ответить Запад. Чтобы это понять, нужно прочитать статью. Лексическая трансформация оригинального выражения – замена лексемы «evil» («зло») на «autocrats» («автократы») – реализует развлекательную функцию. Читатель определяет наличие интертекстуального включения в заголовке, актуализирующего его оригинальный смысл (нацистские государства Второй мировой войны), затем учитывает его трансформацию, актуализирующую новый смысл: согласно автору статьи, В. Путин пытается укрепить отношения с «государствами-изгоями», построив ось авторитарных государств. Заголовочный комплекс актуализирует два образа: образ «стран-диктатур», создающих альянс, представляющий угрозу для Запада, и образ западных государств, являющихся потенциальными жертвами этого союза. Единственным выходом, по мнению автора, может быть ужесточение санкций.

В российском санкционном дискурсе выражение «ось зла» в качестве интертекстуального включения используется как в оригинальном, так и в трансформированном виде: *«Ось зла – полюбишь и соседа. Северная Корея ищет союзников против США» (Коммерсантъ, 22.05.2022)*. Заголовочный комплекс кратко информирует об общем содержании статьи: отношениях Северной Кореи и США. Однако он является малоинформативным, потому что противостояние этих двух государств – известный факт. Основной задачей автора в данном случае является реализация развлекательной функции. Оригинальный текст – поговорка «Любовь зла, полюбишь и козла» – подвергается лексико-грамматической трансформации: лексема «любовь» заменяется на «ось». Теперь в заголовке можно четко вычленить выражение

«ось зла». Однако в контексте трансформированной паремии лексема «зла» получает новую грамматическую категорию – вместо существительного в косвенном падеже лексема «зла» становится кратким прилагательным. На этой грамматической омонимии основана игра слов, которая не только вовлекает читателя в игру по декодированию заголовка, но и создает юмористический эффект. Таким образом заголовочный комплекс реализует развлекательную функцию, актуализируя поговорку и ассоциации, связанные с ней (вынужденная любовь ради выгоды), а также выражение «ось зла», описывающее авторитарные государства, способствующие эскалации конфликтов своими разработками. Содержание статьи помогает читателю понять намерения автора и оценить его креативность. В статье речь идет о том, что Северная Корея пытается наладить отношения с Японией, которая, в перспективе, поможет урегулировать отношения Северной Кореи и США.

Другим примером трансформации выражения «ось зла» является следующий заголовок: *«Ось добра. Иран и Ирак объединились в борьбе с терроризмом» (Коммерсантъ, 19.07.2005)*. Российское издание причисляет к «оси добра» государства, которые в британском и американском санкционном дискурсах позиционируются как «страны-изгои» (Иран, Ирак). Лексическая трансформация выражения «ось зла» – замена лексем «зло» на «добро» – реализует побуждающую функцию, так как отношения между Ираком и Ираном нельзя назвать дружескими. Это, скорее, противостояние двух держав Востока, кульминацией которого стала война (1980–1988). Именно такие противоречия заставляют обратиться к содержанию статьи, которая проясняет смысл заголовочного комплекса. Речь идет об официальном визите иракского премьер-министра Ибрагима аль-Джаафари в Тегеран, в результате которого стороны договорились о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.

Таким образом, выражение «ось зла», соотносящееся с двумя ситуациями (Вторая Мировая война и выступление Дж. Буша), используется в британском и американском санкционных дискурсах для создания

негативного образа государства, представляющего, по мнению коллективного Запада, угрозу мировому сообществу. К этой группе прозападные политики относят Ирак, Иран, Северную Корею, Россию. В российском санкционном дискурсе выражение «ось зла» реализует, скорее побуждающую и развлекательную функции интертекстуального включения. Оригинальное выражение подвергается лексико-грамматическим трансформациям, привлекая внимание читателя и актуализируя новые смыслы в новых контекстах.

Выводы по главе 2

Изучение интертекстуальных включений не сводится только к лексическому анализу – поиску оригинального или видоизмененного исходного текста в заголовочном комплексе и оценке того, каким трансформациями он подвергся. Необходимо понять намерение автора, использовавшего тот или иной текст/фрагмент текста в качестве интертекстуального включения. Для этого нужно выйти за рамки текста и проанализировать актуализирующиеся в сознании реципиента образы, связанные как с текстом-источником, так и с интертекстуальным включением. Кроме того, требуется оценить оправданность трансформации исходного текста, если таковая имела место, и интерпретировать исходный текст в новом контексте, а также возникающие в новом контексте смыслы.

Эту задачу помогает решить дискурсивный метод, предполагающий поиск связи между языком и социальной реальностью, что помогает выявить механизмы конструирования новых смыслов. Внутридискурсивный и междискурсивный подходы помогают исследовать влияние интертекстуальных включений на формирование мнений и ценностей реципиента. Методика диссертационного исследования предполагала количественный и качественный сопоставительный анализ интертекстуальных включений.

Анализ равнообъемных выборочных совокупностей, составляющих 1000 текстов, посвященных санкционной политике, на материале каждого дискурса и их количественная обработка выявили примеры интертекстуальных включений в заголовочных комплексах каждого дискурса. В российском санкционном дискурсе на долю интертекстуальных включений приходится 42% заголовочных комплексов, в британском – 18,9% и в американском – 10,7%. Такой высокий, по сравнению с британским и американским дискурсами, интертекстуальный потенциал российского санкционного дискурса связан, на наш взгляд, с целями, которые преследуют российские издания: во-первых рассказать простым языком о сложностях,

возникающих у государства и его жителей, не вызывая тревоги, во-вторых, привлечь и удержать внимание читателя, а также развлечь его языковой игрой.

Количественный анализ корпуса статей, посвященный санкционной политике, позволил выявить четыре универсальные для трех дискурсов сферы-источника интертекстуальных включений в заголовочных комплексах: «Паремии, идиоматические выражения», «Художественная литература», «Кинематограф», «Исторические события».

Количественный анализ показывает, что сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения» является самой частотной для российского и британского санкционных дискурсов (20,5% и 45,8% соответственно). На наш взгляд, это связано с тем, что обе культуры имеют долгую и богатую историю, отраженную в паремиях и устойчивых выражениях, яркие образы которых актуализируются в сознании любого представителя этой культуры. Кроме того, для британского санкционного дискурса второй по количественной репрезентативности является сфера-источник «Художественная литература» (24,9%), что является показателем важности литературного наследия для британского реципиента.

В американском санкционном дискурсе количественные показатели распределились приблизительно одинаково между тремя сферами-источниками: «Исторические личности» (27,8%), «Кинематограф» (25,9%) и «Исторические события» (22,4%). Стремление использовать в качестве интертекстуального включения исторические события и личности может быть объяснено американским прагматизмом, так как отсылка к какому-либо историческому факту делает статью заслуживающей доверия в глазах читателя. Кроме того, такие интертекстуальные включения позволяют негативизировать образ целевого государства и его лидера. Американская киноиндустрия – предмет гордости американской нации, поэтому названия художественных фильмов в качестве интертекстуальных включений также частотны.

В российском санкционном дискурсе сферы-источники «Исторические события», «Кинематограф» и «Художественная литература» представлены не так широко (10,2%, 9,4% и 7,8% соответственно). Они были вытеснены специфичными сферами-источниками («Термины и языковые выражения» и «Коллоквиализмы»), что, на наш взгляд, связано с тенденцией к развлечению читателя, образы из этих специфических сфер-источников актуализируются в сознании реципиента быстрее. Кроме того, статистические данные говорят о том, что россияне стали меньше читать (особенно молодое поколение), что связано не только с развитием технологий, ставших причиной кардинальных перемен в способах получения, восприятия и переработки информации, но и с изменениями в сфере образования.

С помощью внутридискурсивного и кросскультурного анализа были определены особенности интеграции, актуализации и функционирования оригинального текста в качестве интертекстуального включения. Оригинальный текст обладает определенным набором ассоциаций и значений, которые актуализируются, когда интертекстуальное включение распознается. При этом реципиенту бывает недостаточно заголовочного комплекса, чтобы понять намерение автора. Для этого ему приходится обращаться к содержанию статьи. Сопоставление нового контекста с актуализированными образами оригинального текста порождает новый смысл, который реализуется только в данном контексте.

Основной задачей заголовочного комплекса является привлечение внимания читательской аудитории, что достигается за счет реализации побуждающей и развлекательной функций. Для этого оригинальный текст подвергается лексико-грамматическим трансформациям, воздействуя на читателя неожиданным контекстом, ярким образом или создавая эффект комического. В российском дискурсе исходный текст подвергается трансформациям чаще, чем в британском и американском санкционном дискурсах, а российские авторы демонстрируют желание проявить креативность и эрудированность, чтобы привлечь читателя.

В британском и американском санкционных дискурсах четко прослеживается реализация стратегии на понижение, то есть государства, в отношении которых применяются ограничительные меры, описываются как представляющие угрозу мировому сообществу. Западные страны, напротив, выступают в роли сдерживающего фактора, способного противостоять потенциальной агрессии.

В российском санкционном дискурсе прослеживается тенденция к использованию интертекстуальных включений не для создания негативного образа государства-инициатора введения санкций, а, скорее, для нивелирования негативных ассоциаций, связанных с самими санкциями, что часто достигается за счет комического эффекта в заголовочных комплексах.

Глава 3. Специфические черты интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского и американского санкционных дискурсов)

В процессе анализа материала выявлены специфические сферы-источники интертекстуальных включений, характерные как для двух дискурсов (российский – британский, российский – американский), так и для одного санкционного дискурса (российский) (Таблица 5), что обусловлено лингвокультурными особенностями каждого сообщества.

Таблица 5. Специфические особенности интертекстуальных включений (российский, британский, американский дискурсы)

Сфера-источник	Российский санкционный дискурс	Британский санкционный дискурс	Американский санкционный дискурс
Музыкальные произведения	9,3%	7,6%	
Исторические личности	7,8%		22,8%
Догматические тексты, мифология	5%	3,2%	
Коллоквиализмы	12,1%		
Термины и языковые клише	17,9%		

Для российского и британского санкционных дискурсов общими являются сферы-источники «Музыкальные произведения» и «Догматические тексты, мифология», для российского и американского – «Исторические личности», а для российского – «Термины и языковые клише» и «Коллоквиализмы».

3.1. Сфера-источник «Музыкальные произведения»

Сфера-источник «Музыкальные произведения» представлена в российском санкционном дискурсе несколько шире по сравнению с британским дискурсом (9,3% и 7,6% соответственно). Использование названия и текста песен в качестве интертекстуального включения говорит о том, что они входят в культурный код нации.

Одним из источников интертекстуальных включений в заголовочных комплексах российского санкционного дискурса являются слова из припева песни группы «Nautilus Pompilius» «Скованные одной цепью, связанные одной целью», которая является визитной карточкой группы и критикует пороки общества и системы. Например, *«Связанные одним газом. Россия и Украина не смогут избавиться от зависимости друг от друга по поставкам топлива, даже несмотря на растущую напряженность в отношениях»* (Известия, 07.03.2014). Подзаголовок кратко передает содержание статьи: взаимоотношения России и Украины по поводу газа. При этом заголовок реализует побуждающую функцию за счет своего игрового потенциала, привлекая внимание читателя и побуждая его к прочтению статьи целиком. Лексическая трансформация – замена слова «цель» на «газ» – погружает оригинальный текст в новую ситуацию, создавая новый контекст, в котором Россия и Украина на фоне присоединения Крыма к РФ и применения в отношении последней санкций со стороны западных государств все-таки не могут отказаться от договоренностей по поводу газа. Статья представляет собой аналитический обзор сценариев развития отношений между двумя государствами. В тексте песни описываются отношения, навязанные системой извне, принуждающие человека вести себя в соответствии с правилами. Этот подтекст переносится автором статьи и в заголовочный комплекс: отношения между Россией и Украиной носят вынужденный характер и могут привести к самому пессимистичному финалу: разрыву всяких связей.

В российском санкционном дискурсе в качестве интертекстуальных включений используются советские песни, бывшие популярными много лет назад. Заголовочный комплекс *«Есть у резолюции начало: почему Запад опять против “Северного потока”*. Вашингтон и Брюссель назвали проект угрозой для безопасности Евросоюза и интересов США» (Известия, 13.12.2018) задает тематику статьи в заголовке: «Северный поток», а подзаголовок проясняет его: коллективный Запад во главе с США считают его строительство угрозой безопасности. Оригинальный текст Ю. Каменецкого «Есть у революции начало» (1967) подвергается лексической субституции («революции» заменяется на «резолюции») реализуя развлекательную функцию: читатель включается в игру, предложенную автором, интерпретируя оригинальный текст в новом контексте. Кроме того, трансформация исходного текста реализует информативную функцию, так как автор демонстрирует свое чувство юмора и креативность. После прочтения статьи и соотнесения ее содержания с заголовочным комплексом становится понятен замысел автора. Со строчкой из песни, которую использует автор статьи в заголовочном комплексе, ассоциируется и ее продолжение: «Нет у революции конца». Автор, используя видоизмененный текст песни, иронизирует над бесконечными резолюциями ЕС в отношении «Северного потока», строительство которого якобы подрывает энергетическую безопасность Евросоюза, а на деле являются ничем иным как попыткой США прекратить какие бы то ни было отношения между Россией и Европой, даже если это отрицательно скажется на их европейских партнерах.

Ярким примером использования названия песни в качестве интертекстуального включения в британском санкционном дискурсе является песня Э. Джона «Rocket man» (1972). Переоценить роль этого музыканта для мировой культуры невозможно, что подтверждается его признанием как внутри страны, так и во все мире. Заголовочный комплекс статьи *«Rocketman. Kim Jong Il is a threat to stability in Asia. He should be resisted – especially by China» (The Economist, 06.07.2006) / «Человек-ракета.*

Ким Чен Ир представляет угрозу стабильности в Азии» (The Economist, 06.07.2006) кратко сообщает читателю, о чем пойдет речь: северокорейский лидер Ким Чен Ир представляет угрозу стабильности в азиатском регионе. Интертекстуальное включение – название известной песни – реализует побуждающую функцию, призывая читателя ознакомиться со статьей целиком. Дело в том, что образ, связанный с оригинальной песней, совершенно противоположен образу лидера КНДР, который в западных СМИ позиционируется как угроза мировому сообществу. Оригинальный клип на песню «Rocket Man» рассказывает о чувствах, которые испытывает астронавт, отправившийся на Марс, и представляет собой лирическое произведение в виде анимационного фильма, формирующего положительный образ героя. В заголовке автор статьи использует лексему «rocket» в значении «ракета», актуализируя образ диктатора, развивающего ядерную программу и испытывающего баллистические ракеты вопреки подписанным договоренностям и введенным санкциям. Таким образом, оригинальное название песни в новом контексте приобретает новый смысл.

Еще одним примером использования названия музыкального произведения в качестве интертекстуального включения в британском санкционном дискурсе может служить заголовочный комплекс *«Sun, sex and Stalinism. Tourists bring back tales of life in Kim Jong Il's grim theme park. All of Kim's horses and all of Kim's men» (The Economist, 01.11.2007)*, в котором заголовок реализует свой интертекстуальный потенциал в трех направлениях. С одной стороны, автор статьи использует в качестве интертекстуального включения трансформированное название песни С. Генсбура «Sea, sex and sun» (1978), заменяя лексему «sea» («море») на «Stalinism» («сталинизм») и меняя местами лексемы «sun» и «sex». Название оригинальной песни имеет ассоциации, связанные с текстом и клипом песни: беззаботное время, наслаждение солнцем и морем. Лексема «Stalinism», с другой стороны, актуализирует в сознании читателя образ диктатора, с которым сравнивают Ким Чен Ира в западной прессе. Такое объединение

двух противоположных образов в одном заголовке выполняет побуждающую функцию, заставляя читателя обратиться к тексту статьи, несмотря на то, что подзаголовки кратко сообщают ее содержание: у туристов появилась возможность посетить Северную Корею. Кроме того, в подзаголовке автор статьи использует трансформированное высказывание о Шалтае-Болтае из произведения Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» («Through the Looking-Glass, and What Alice Found There») (1871): «Humpty Dumpty sat on a wall, Humpty Dumpty had a great fall; All the King's horses And all the King's men, Couldn't put Humpty together again» [Carroll, 2010: 103] / «Шалтай-Болтай Сидел на стене. Шалтай-Болтай Свалился во сне. Вся королевская конница, Вся королевская рать Не может Шалтая, Не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать!» [Кэрролл, 2021: 78]. Оригинальный текст подвергается лексической трансформации: нарицательное существительное «king» заменяется на созвучное имя собственное «Kim» («Ким»). Образ Шалтая-Болтая (Humpty Dumpty) является одним из ключевых в английской культуре. Это персонаж многих детских стихотворений (Mother Goose Nursery Rhymes), прообразом которого является название военного орудия времен О. Кромвеля. Трансформация оригинального текста погружает его в совершенно новый контекст, в котором порождается новый смысл. КНДР предстает государством, где «вся королевская рать» – это жители Северной Кореи, отрезанной от всего мира и находящейся под жесткими санкциями. Они живут во власти диктатуры, где каждый шаг контролируется, а любое осуждение лидера строго запрещено и жестоко преследуется. Именно такой предстает КНДР для тех немногих туристов, которые решили ее посетить.

Таким образом, музыкальные произведения в качестве интертекстуальных включений в заголовочных комплексах реализуют, как правило, игровой потенциал заголовка, побуждая читателя прочесть статью целиком. Оригинальный текст может подвергаться лексическим

трансформациям для создания нового контекста и нового смысла, актуализируя новые образы и ассоциации.

3.2. Сфера-источник «Догматические тексты, мифология»

Еще одной общей сферой-источником интертекстуальных включений для российского и британского санкционных дискурсов являются «Догматические тексты, мифология». На долю российского дискурса приходится 6,2% интертекстуальных включений, британского – 4,3%. Основными источниками интертекстуальных включений являются Библия и греческая мифология.

В российском санкционном дискурсе примером из Ветхого Завета может стать заголовочный комплекс *«Козни египетские: Каир не отказывается от закупки вооружений у РФ. В арабской республике решение по контракту с Москвой назвали стратегическим»* (Известия, 21.11.2019). Подзаголовок кратко информирует читателя, о чем будет статья: сотрудничество между Россией и Египтом в сфере вооружений. Лексическая трансформация оригинального названия «казни египетские» с заменой «казни» на созвучную лексему «козни» создает комический эффект за счет противопоставления двух несоизмеримых образов. Казни египетские – десять наказаний Божиих, постигших Египет за отказ фараона отпустить народ Израиля из египетского пленения, которые описаны в Ветхом Завете, в книге Исход (Исх.7-12) [Фивейский, 1910]. В толковом словаре С.И. Ожегова лексема «козни» является устаревшей и означает «злые, коварные умыслы» [Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн]. Трансформация оригинального текста реализует побуждающую функцию интертекстуального включения, интригуя читателя, заставляя его прочитать статью целиком, в которой речь идет о том, что Египет, несмотря на санкции, введенные в отношении России, не собирается отказываться от закупки российских стратегических вооружений. При этом из-за отказа поддержать санкции в отношении России

Египет рискует попасть под санкции США, но, судя по складывающейся ситуации, связь между Россией и Египтом только укрепляется, что вызывает недовольство американской администрации. Актуализация библейского образа происходит одновременно с восприятием исходного текста в трансформированном виде в новом контексте.

Примером интертекстуального включения в российском санкционном дискурсе из древнегреческой мифологии может быть заголовочный комплекс **«Троянские кони Москвы: кто и как разрушает европейское единство. Евросоюз фактически разделился на два противоборствующих блока»** (*Известия*, 02.09.2018). Подзаголовок кратко сообщает читателю о противоречиях, возникших внутри Евросоюза и связанных каким-то образом с Россией. Использование в заголовке истории из греческой мифологии – «Троянский конь» – интригует читателя, реализуя побуждающую функцию интертекстуального включения. Словосочетание «Троянский конь» актуализирует следующую ассоциацию: подарок, связанный с коварным замыслом, что объясняется историей, связанной с этой ситуацией. Троянский конь, по древнегреческому преданию, огромный деревянный конь, в чреве которого греческие воины проникли в Трою. Троянцы, не подозревая хитрости греков, увидев у стен города коня, ввезли его в Трою. Ночью греки вышли из чрева коня и, открыв крепостные ворота, впустили остальное войско [Немировский, 2000: 76]. В заголовке статьи оригинальный текст подвергается грамматической трансформации – единственное число заменяется на множественное – и распространяется за счет лексемы «Москва». В статье речь идет о том, что единство Евросоюза оказалось под угрозой из-за того, что Италия и Венгрия хотят проводить свою внешнюю политику (в том числе и в отношении подсанкционной России) без учета позиции других государств (Франции и Германии). США готовят новый пакет санкций в отношении РФ и требуют поддержки от европейских партнеров, а Италия и Венгрия играют роль «тройских коней», которые с подачи России раскачивают ситуацию внутри Евросоюза. Таким образом,

актуализируется образ России как умного и хитрого участника конфликта, которому, несмотря на введенные санкции, удастся выстраивать отношения с европейскими государствами.

В британском санкционном дискурсе примером интертекстуального включения является не текст, а символ из древнегреческой мифологии: *«Merkel offers Russia trade talks olive branch. German chancellor aims to ease tensions amid claims her Ukraine policy is too tough» (The Financial Times, 16.12.2104) / «Меркель предлагает России оливковую ветвь в торговых переговорах. Немецкий канцлер пытается ослабить напряженность в отношениях с Россией на фоне жесткой позиции Германии по Украине» (The Financial Times, 16.12.2104)*. Заголовочный комплекс статьи кратко передает ее содержание: напряженные отношения между Россией и Германией из-за вопроса по Украине. Обращение к древнегреческому символу в заголовке выполняет побуждающую функцию интертекстуального включения, пробуждая любопытство читателя и заставляя его прочитать всю статью целиком. «Olive branch» («оливковая ветвь») – известный символ мира, мирных намерений [Encyclopedia Britannica]. Именно такой образ актуализируется, а затем подтверждается содержанием статьи. Причем, А. Меркель позиционируется автором статьи именно как миротворец, стремящийся к урегулированию отношений с Россией, а РФ в лице президента В. Путина, по мнению автора, не стремится к этому урегулированию, так как продолжает поддерживать «сепаратистов» (Financial Times) в восточных регионах Украины. Именно по этой причине канцлер Германии не намерена смягчать введенные в отношении России санкции. Актуализируемый образ, связанный с «оливковой ветвью» не подвергается никаким трансформациям и полностью совпадает с образом, возникающим после прочтения статьи. Однако, именно этот образ позволяет противопоставить А. Меркель, стремящуюся к мирному урегулированию, и В. Путина, якобы отказывающегося идти навстречу.

Примером интертекстуального включения из догматического текста в британском санкционном дискурсе может послужить заголовочный комплекс *«Nuclear diplomacy with Russia could avert the threat of Armageddon. There is no room for negotiation on Ukraine, but discreet talks about a moratorium on missiles might lower the temperature»* (*Financial Times*, 08.10.2022) / *«Переговоры с Россией по ядерному вопросу могут предотвратить Армагеддон. Переговоры по Украине невозможны, но мораторий на размещение ядерных ракет мог бы снизить градус напряженности»* (*Financial Times*, 08.10.2022). Использование автором в заголовке интертекстуального включения «Armageddon» («Армагеддон») наряду с географическим названием «Russia» («Россия») актуализирует образ угрозы, реализуя тем самым побуждающую функцию интертекстуального включения, заставляя читателя обратиться к тексту статьи и узнать, как можно предотвратить конец света, причиной которому может стать российская ядерная программа. Армагеддон в Библии – место последней битвы добра и зла – образ яркий и сильный, связанный с апокалипсисом. Возникающие ассоциации накладываются на образ России, негативизируя его. При этом автор статьи, рассматривая два способа сдержать российскую ядерную угрозу (экономическую (санкции) и военную), приходит к выводу, что санкционная политика в отношении России может оказаться бесполезной. Таким образом, используя «Армагеддон» в качестве интертекстуального включения, автор статьи за счет создания отрицательного образа России пытается оправдать потенциальное военное вмешательство США и НАТО в российско-украинский конфликт.

Интересным, на наш взгляд, является появление в качестве интертекстуального включения в обоих санкционных дискурсах образа «большого сатаны» («Great Satan») для описания США или американской администрации. Данный эпитет появляется только в рамках санкционного дискурса об Иране, что связано с тем, что это выражение появилось во время Исламской революции. Ф. Нур в своей работе «How “Big Brother” Became the

“Great Satan”» (2007) анализирует изменения в отношении к США странами Юго-восточной Азии. Автор отмечает, что мусульманская религия и ее догматы лежат в основе крайне негативного восприятия США некоторыми мусульманскими государствами (Ираном, например). Сатана – верховный демон зла, противопоставленный Богу и всему божественному. Олицетворение США и Сатаны мусульманами оправдано с исторической точки зрения: США вмешиваются в политику региона, поддерживая лояльные Америке режимы, что расшатывает политическое равновесие внутри государств и приводит к конфликтам, в которых страдает мирное население [Noor, 2007].

В российском санкционном дискурсе примером интертекстуального включения выражения «большой сатана» является заголовочный комплекс статьи «*Час “Большого сатаны”*» (*Известия*, 25.01.2006). Для российского реципиента такое интертекстуальное включение выполняет скорее информативную функцию, актуализируя образ чего-то дьявольского. Отсутствие подзаголовка, который мог бы прояснить содержание статьи способствует реализации побуждающей функции: заинтригованный читатель захочет ознакомиться со всей статьей полностью, чтобы понять, о чем или о ком идет речь. После сопоставления содержания статьи с заголовком, становится понятно, что автор статьи называет «большим сатаной» США, воспользовавшись цитатой Г. Шульте – представителя США при МАГАТЭ. Для российского читателя выражение «большой сатана» никак не связано с Америкой, но нахождение в сильной позиции текста способствует формированию негативного образа США, что становится возможным только после прочтения статьи. Используя в заголовке статьи интертекстуальный элемент, отсутствующий в культурном коде реципиента, автор идет на определенный риск, что статья не будет прочитана, но образ «сатаны» сам по себе является ярким с когнитивной точки зрения и способствует тому, что читатель заинтересуется основным содержанием.

В британском санкционном дискурсе интертекстуальное включение «Great Satan» встречается в заголовочном комплексе «*Great Satan v axis of evil. Iran's officials have reacted angrily to American accusations that their government is developing weapons of mass destruction and sponsoring terrorism. But President George Bush and his colleagues show no sign of backing down, raising questions about the impact their verbal onslaught will have in Iran itself*» (*The Economist*, 05.02.2002) / «**Большой Сатана против оси зла. Официальные лица Ирана гневно отреагировали на обвинения Америки в том, что их правительство разрабатывает оружие массового уничтожения и спонсирует терроризм. Но президент Джордж Буш и его коллеги не проявляют никаких признаков отступления, поднимая вопрос о том, какое влияние их заявление окажет на сам Иран**» (*The Economist*, 05.02.2002). Интертекстуальное включение в представленном заголовочном комплексе реализует побуждающую и информативную функции. Нужно отметить, что такие распространенные подзаголовки нехарактерны для издания, но в данном случае автор поясняет заголовок. Использование словосочетания «Great Satan» для описания США на страницах британского издания может показаться странным, так как оно актуализирует отрицательные образы. Однако, тиражирование этого эпитета имеет, скорее, обратный эффект: у реципиента не возникает отрицательного отношения к США. Использование этого выражение соотносится с Ираном – государством, принадлежащим к «оси зла» («axis of evil») – который так называет своего врага (США). В британском санкционном дискурсе, в отличие от российского, выражение, имеющее крайне негативную коннотацию и появившееся именно для создания отрицательного образа США, используется для обозначения государства, которое противопоставляет себя стране, представляющей угрозу мировому сообществу.

Таким образом, интертекстуальные включения из сферы-источника «Догматические тексты, мифология» используются для создания

определенного образа (отрицательного или положительного) государства и его лидера. В случае с выражением «Great Satan» британский санкционный дискурс демонстрирует противоположную тенденцию, создавая образ государства, противостоящего злу.

3.3. Сфера-источник «Исторические личности»

Сфера-источник «Исторические личности» является общей для российского и американского санкционных дискурсов, количественно представленная как 7,8% и 26,8% соответственно. При анализе материала были выявлены не только имена исторических личностей, но и их цитаты.

Примером использования цитаты исторической личности в качестве интертекстуального включения в российском санкционном дискурсе может быть заголовочный комплекс *«Кузькина мать по-сеульски. В Южной Корее всерьез заговорили о создании ядерной бомбы»* (*Известия*, 18.09.2017), состоящий из заголовка с интертекстуальным включением и подзаголовка, кратко информирующего читателя о содержании статьи: Южная Корея хочет создать ядерную бомбу. Выражение «кузькина мать» актуализирует образ Н. Хрущева, который употребил его на Американской национальной выставке «Промышленная продукция США» в Москве в 1959 году в разговоре с Р. Никсоном. Трудности, возникшие с переводом этого просторечного выражения, породили среди представителей США уверенность, что Н. Хрущев говорил о ядерных разработках СССР, точнее, о создании авиационной термоядерной бомбе, за которой название «кузькина мать» и закрепилось впоследствии. На самом деле Н. Хрущев имел в виду, что СССР покажет достижения, которых в США не видели. Кроме того, в сознании российского реципиента данное выражение имеет еще один смысл – «сделать что-то в ответ на какие-либо действия» [Словари и энциклопедии на Академике]. После ознакомления со статьей читатель может сопоставить ее содержание с заголовочным комплексом: Южная Корея из-за опасений по

поводу разворачивающейся и набирающей силу ядерной программы находящейся под санкциями Северной Кореи, которая успешно испытала баллистические ракеты, способные долететь до Нью-Йорка, считает необходимым разработать свое собственное ядерное оружие. Интертекстуальное реализует побуждающую функцию, привлекая и интригуя читателя, а трансформация, которой подвергается интертекстуальное включение, позволяет реализовать развлекательную функцию. В заголовке оригинальный текст распространяется лексемой «по-сеульски», чтобы поместить его в новый контекст, кардинально отличающийся от оригинального. Этот новый контекст порождает новый смысл: несмотря на то, что Южная Корея рассматривает вероятность создания ядерной бомбы, ей это вряд ли удастся, так как она экономически зависит от государств, выступающих против распространения ядерного оружия (Китай, США).

Другим примером использования цитаты в качестве интертекстуального включения в российском санкционном дискурсе может быть заголовочный комплекс *«Такой генсек нам нужен!»* (*Известия*, 02.11.2006), представляющий собой трансформацию высказывания спортивного комментатора Н. Озерова «Нам такой хоккей не нужен» по поводу неспортивного поведения канадских хоккеистов во время хоккейной суперсерии между сборными СССР и Канады в 1972 году. Лексема «генсек», выполняющая номинативную функцию в данном заголовке, в сознании реципиента может актуализировать несколько смыслов – генеральный секретарь партии (Китай, Северная Корея) или генеральный секретарь ООН. Использование цитаты Н. Озерова реализует игровой потенциал заголовка и побуждающую функцию интертекстуального включения: читателя привлекает форма, содержание которой можно понять только после прочтения статьи. В статье речь идет о назначении нового генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, который заявил, что собирается сотрудничать по всем вопросам, а особенно по вопросу ядерной программы и санкций в

отношении Северной Кореи, с Россией. Оригинальное высказывание подвергается следующим лексико-грамматическим трансформациям: лексема «хоккей» заменяется на «генсек», а отрицательная форма краткого прилагательного «не нужен» на утвердительную «нужен». Оригинальное высказывание актуализирует не только образ спортивного противостояния, но и политического. Этот смысл переносится и на новый контекст, порождая новый смысл: у России в противостоянии с Западом появился союзник в лице генерального секретаря ООН.

В американском санкционном дискурсе в заголовочном комплексе *«Putin could learn a lesson from Stalin's reckless miscalculation over Korea. An invasion of Ukraine might seem like a winning strategy – but it could produce massive blowback»* (*The Washington Post*, 25.01.2022) / **«Путин должен был вынести урок из просчета Сталина по поводу Кореи. Вторжение на Украину может лишь показаться стратегией победителя. На самом деле последствия могут быть весьма серьезными»** (*The Washington Post*, 25.01.2022) заголовок содержит интертекстуальное включение в виде имени собственного «Stalin», с которым связано исторически значимое для СССР и Кореи событие: согласие, данное И. Сталиным лидеру Северной Кореи Ким Ир Сёну на полномасштабное вторжение в Южную Корею. Нужно отметить, что с точки зрения Запада это событие трактуется как ошибка И. Сталина, надеявшегося на быстрый захват Южной Кореи, которому помешали американские войска, вставшие на защиту суверенного государства. В результате, конфликт между двумя Кореями перерос в Холодную войну – противостояние СССР и западного мира. В российской истории это событие описывается как провокация США в отношении Северной Кореи и СССР. Таким образом, интертекстуальное включение в заголовке реализует побуждающую функцию, проводя параллель между В. Путиным и И. Сталиным, урок которого российский президент должен бы был усвоить. Подзаголовок кратко сообщает реципиенту содержание статьи: размещение российского военного контингента на территории Украины может лишь

показаться выгодным способом оказать давление на Запад. На самом же деле ответные меры могут иметь серьезные последствия для России. Сопоставление содержания статьи с ее заголовочным комплексом подтверждает эту идею: санкции в отношении России будут иметь беспрецедентный характер. Сам факт сравнения В. Путина с И. Сталиным актуализирует образ жестокого диктатора, а в данном случае еще и лидера, не учитывающего уроков истории. Автор статьи позиционирует себя экспертом в данном вопросе, и использование в качестве интертекстуального включения исторической личности и событий, с ней связанных, должно убедить читателя в достоверности представленной в статье информации. Таким образом, использование имени собственного «Stalin» в качестве интертекстуального включения способствует созданию отрицательного образа президента РФ В. Путина в американском издании.

Имена исторических личностей используются в американском санкционном дискурсе для создания положительных, иногда даже героических образов. Например, в заголовочном комплексе *«Russian court poised to convict Ukraine's 'Joan of Arc' in deaths of journalists»* (*The Washington Post*, 21.03.2016) / *«Российский суд готов осудить украинскую 'Жану д'Арк' за смерть журналистов»* (*The Washington Post*, 21.03.2016) тематика статьи задается за счет географических названий «Russia» («Россия»), «Ukraine» («Украина») и конкретизируется словосочетанием «deaths of journalists» («смерть журналистов»). Использование в заголовочном комплексе имени собственного «Joan of Arc» («Жанна д'Арк») в сочетании с географическим названием «Ukraine's» («украинский») реализует побуждающую функцию данного интертекстуального включения, так как актуализирует яркий образ женщины – национальной героини Франции, командовавшей французскими войсками в Столетней войне между Англией и Францией. Одной из ассоциаций, связанной с образом Ж. д'Арк, является ее мученическая смерть на костре, то есть это имя собственное ассоциируется с образом героя-мученика. Именно эти ассоциации заставляют

обратиться к содержанию статьи, чтобы выяснить, о каком украинском мученике идет речь. При этом заголовочный комплекс еще до прочтения статьи формирует отношение к описываемой ситуации: российское правосудие – палач, представитель Украины – жертва. В статье речь идет об украинской летчице, Н. Савченко, которая обвиняется в пособничестве в убийстве двух российских журналистов на территории Луганской области в 2014 году. Автор статьи, с одной стороны, демонизирует образ России как государства, отправляющего в тюрьму без суда и следствия, а с другой – идеализирует образ Н. Савченко как невинной жертвы, преследуемой российской судебной системой по политическим мотивам. В статье звучит призыв ввести санкции в отношении всех, причастных к задержанию и аресту Н. Савченко.

Таким образом, в американском санкционном дискурсе обращение к исторической личности в качестве интертекстуального включения используется для создания негативного образа подсанкционного государства или его лидера. В российском санкционном дискурсе использование исторической личности или ее цитаты в качестве интертекстуального включения способствует привлечению внимания читателя и реализации побуждающей функции заголовочного комплекса, а лексико-грамматические трансформации интертекстуального включения позволяют читателю включиться в игру, предложенную автором статьи.

3.4. Сфера-источник «Термины и языковые клише»

В ходе анализа практического материала были выявлены сферы-источники, специфические только для российского санкционного дискурса – «Термины и языковые клише» и «Коллоквиализмы», на долю которых приходится 15,7% и 13,1% интертекстуальных включений соответственно.

Термин – это инструмент языка, участвующий в формировании научных теорий, законов и принципов [Волкова, 1984: 9], основной

характеристикой которого является связь с научными концепциями [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012: 8]. Одной из основных характеристик термина, наряду с однозначностью, точностью, краткостью, мотивированностью, системностью, является отсутствие экспрессивности и эмоциональности [Загоровская 2012: 43]. Однако основная функция заголовочного комплекса, находящегося в сильной позиции текста, – привлечение и удержание читательской аудитории, что невозможно без эмоциональности и экспрессивности.

В российском санкционном дискурсе авторы статей не только используют термины в качестве интертекстуальных включений, но и подвергают их различным лексико-грамматическим трансформациям. Это помогает реализовать игровой потенциал заголовочного комплекса и побуждающую функцию интертекстуального включения.

Например, в заголовочном комплексе **«Приостановка по требованию: что будет дальше с “Северным потоком – 2”**. *Новые санкции США способны повлиять лишь на срок ввода газопровода в эксплуатацию, считают отраслевые эксперты» (Известия, 23.12.2019)* первая часть заголовка актуализирует языковое клише «остановка по требованию», которое имеет значение, связанное с правилами дорожного движения: остановка транспортного средства по требованию пассажира. Лексическая трансформация оригинального текста – замена «остановка» на созвучное «приостановка» – разрушает целостность клише и погружает его в новый контекст, который поясняется при помощи второй части заголовка и подзаголовка, кратко передавая содержание статьи: введение новых санкций в отношении России и их влияние на строительство «Северного потока – 2». Таким образом, автор статьи сначала захватывает внимание реципиента трансформированным интертекстуальным включением в заголовке (или его части), приглашая читателя поучаствовать в языковой игре, а затем раскрывает в подзаголовке содержание статьи, позволяя читателю сопоставить свои предположения с реальным контекстом. Таким образом

актуализируются два образа: один, связанный с содержанием понятия (термина), а другой – с новым контекстом и новым смыслом. Использование лексемы «приостановка» оправдано с точки зрения содержания, так как по заявлению МИДа РФ «Северный поток – 2» будет достроен в любом случае.

В российском санкционном дискурсе авторы статей прибегают к более сложным с точки зрения интертекстуальности трансформациям. Например, в заголовочном комплексе *«Иран набирает критическую массу. Отставка Хасана Роухани потребует от США военных действий»* (Коммерсантъ, 08.07.2005) в качестве интертекстуальных включений используются сразу два терминологических словосочетания – «набирать мышечную массу» и «критическая масса» – относящиеся к двум разным сферам деятельности. С одной стороны, это «Спорт и фитнес», а с другой – «Ядерная физика». В спорте и фитнесе набор мышечной массы связан с ростом силы и выносливости. В то время как критическая масса – это наименьшая масса делящегося вещества (уран-233 или -235, плутоний -239 и др.), при которой может возникнуть и протекать самоподдерживающаяся цепная реакция деления атомных ядер [Словари и энциклопедии на Академике]. Несмотря на то, что из заголовочного комплекса становится понятна тематика статьи: отношения Ирана и США по ядерной программе и вероятность военных действий со стороны США – остается неясным использование терминов в качестве интертекстуального включения. Чтобы до конца понять замысел автора, необходимо ознакомиться со статьей, в которой речь идет о том, что Махмуд Ахмади-Нежад, победивший на президентских выборах в Иране, придерживается более жесткой линии во внешней политике, чем секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Хасан Роухани, отвечающий за переговоры с Западом по иранской ядерной программе. Его отставка, а также отказ действующего президента от переговоров с Западом может привести к военному вторжению на территорию Ирана. Таким образом, содержание статьи актуализирует образ подсанкционного

государства, не только стремящегося продолжить свою ядерную программу, но и преуспевающего в этом.

В российском санкционном дискурсе активно реализуется игровой потенциал заголовочных комплексов за счет трансформации терминов в созвучные лексемы, способствующих реализации не только побуждающей, но и развлекательной функции интертекстуального включения. Например, в заголовочном комплексе **«Штатный нажим: западные санкции не повлияли на развитие Москвы. Путин обсудил с Собяниным социально-экономическую ситуацию в столице и развитие транспортных проектов»** (*Известия*, 04.03.2024) заголовок состоит из двух частей. Первая часть «штатный нажим» является лексической трансформацией языкового клише «штатный режим», которое описывает устоявшийся график работы предприятия без сбоев и ошибок [Словари и энциклопедии на Академикe]. В тексте оригинала лексема «режим» заменяется на созвучную лексему «нажим», намекая на санкции со стороны коллективного Запада. Такая трансформация реализует информативную и развлекательную функции, позволяя читателю оценить чувство юмора автора. происходит актуализация как значения языкового клише, так и смысла его трансформированного варианта, который полностью отражает содержание статьи. В статье речь идет о том, что несмотря на санкции, столичные отрасли промышленности продолжают не только функционировать, но и показывают высокие темпы роста на фоне новых ограничений со стороны Евросоюза и США, вступивших в силу с февраля 2024 года. Такое содержание актуализирует новый смысл лексемы «штатный»: повторяющийся, рутинный. То есть трансформированное интертекстуальное включение формирует образ санкций. Это ограничения, к которым уже все привыкли и которые никак не сказываются на жизни российских граждан.

Таким образом, в заголовочных комплексах российского санкционного дискурса в качестве интертекстуальных включений используются термины и языковые клише. Основной чертой таких включений является их лексико-

грамматическая трансформация, которая позволяет поместить интертекстуальное включение в новый контекст, порождая новые смыслы. Кроме того, такие трансформации реализуют игровой потенциал заголовочного комплекса, создавая комический эффект.

3.5. Сфера-источник «Коллоквиализмы»

Коллоквиализмы обладают особым статусом по сравнению с другими единицами языка. Э. Патридж в своей работе «Usage and Abusage» (1997) определяет коллоквиализм как промежуточное звено между разговорным языком и слэнгом [Patridge, 1997: 75], использование которого предполагает наличие близких отношений между говорящими. Коллоквиализмы, занимая промежуточное положение, легко проникают в литературно-разговорную речь [Малюгина, 2018]. В отличие от терминов, коллоквиализмы обладают эмоциональностью и экспрессивностью, придавая речи колорит и образность.

В современном языке СМИ границы между высоким и низким стилями, книжной и разговорной речью разрушаются [Иваницкий, 2011], что приводит к активному использованию коллоквиализмов в заголовочных комплексах. В российском санкционном дискурсе нами были выделены две группы коллоквиализмов: 1) коллоквиализмы как таковые и 2) низкие коллоквиализмы. Под низкими коллоквиализмами, вслед за В.П. Коровушкиным, мы будем понимать общественную и общеупотребительную бытовую лексику и фразеологию с шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой экспрессией и основной коммуникативно-эмотивной функцией [Коровушкин, 2003: 56].

Рассмотрим примеры. В заголовочном комплексе *«Пес наплакал: из ветаптек пропали популярные препараты от клещей. Россельхознадзор подтверждает исчезновение зарубежных лекарств, но указывает на наличие российских»* (Известия, 15.04.2024) заголовок состоит из двух

частей. Первая часть представляет собой интертекстуальное включение, которое подверглось лексической трансформации, а вторая – текст, поясняющий первую. Оригинальный коллоквиализм «кот наплакал» (в значении «очень мало») [Словари и энциклопедии на Академике] подвергается лексической трансформации – лексема «кот» заменяется на лексему «пес». Такая замена приводит к разрушению семантического единства словосочетания, но не препятствует актуализации как самого оригинального коллоквиализма, так и его значения. Лексическая трансформация интертекстуального включения реализует информативную функцию заголовка, так как читатель может оценить юмор и креативность автора, с одной стороны, а с другой – сопоставить содержание статьи с заголовочным комплексом, чтобы подтвердить/опровергнуть оправданность такой замены. В новом контексте лексема «наплакал» воспринимается в прямом смысле. Подзаголовок поясняет, почему животные «плачут»: из-за санкций в аптеках отсутствуют зарубежные препараты.

Еще одним примером использования коллоквиализма как такового в качестве интертекстуального включения может быть заголовочный комплекс *«Иран за бомбой в карман не лезет. Он грозит США симметричным ответом»* (Коммерсантъ, 08.02.2005), в котором лексической трансформации подвергается выражение «за словом в карман не полезет» (знает, что ответить в любой ситуации): лексема «слово» заменяется лексемой «бомба». Такая трансформация реализует побуждающую и развлекательную функции: читатель, во-первых, заинтригован «симметричным ответом», поэтому обратится к основному тексту статьи, а, во-вторых, вовлечен в языковую игру, предложенную автором. Таким образом актуализируется исходное выражение со связанным с ним значением, а также новое значение, связанное с новым контекстом: Ирану есть чем ответить на угрозы США. Долгое время Иран находился под влиянием США, но теперь, разрабатывая свою ядерную программу, имеет возможность оказывать давление на западные государства. Использование

коллоквиализма в качестве интертекстуального включения при обсуждении такой темы снижает ее серьезность в глазах читателя.

Рассмотрим примеры употребления низких коллоквиализмов в качестве интертекстуальных включений. В заголовочном комплексе *«Отправили лесом: Европа ищет утерянную из-за санкций древесину. Россия не понесла убытка»* (*Известия*, 30.03.2024) географические названия «Россия» и «Европа» обозначают тему статьи: отношения между Россией и Европой на фоне санкций. В первой части заголовка автор использует в качестве интертекстуального включения коллоквиализм со сниженной коннотацией «идти лесом». Это выражение является ответной реакцией на сильное раздражение от неприятного разговора или крайней глупости своего собеседника [Словарь молодежного сленга]. Содержание статьи помещает исходное выражение в новый контекст, в котором лексема «лес» воспринимается буквально, так как в статье речь идет о том, что Европа пострадала из-за санкций в отношении российской деревообрабатывающей промышленности. Теперь европейским производителям приходится закупать древесину дороже у других государств, а некоторые виды древесины из России Европа так и не смогла заменить, что привело к остановке европейских предприятий. При этом российская промышленность переквалифицировалась на азиатские рынки. Использование коллоквиализма в качестве интертекстуального включения реализует его побуждающую функцию, привлекая внимание читателя, так как использование сниженной лексики в заголовке нарушает литературную норму с точки зрения стиля. Используя лексическую трансформацию оригинального текста, автор иронизирует над сложившейся ситуацией, подчеркивая бессмысленность применения санкций в отношении России.

Рассмотрим еще один пример. Заголовочный комплекс *«Москва нарвалась на ядерную реакцию. Иран вошел в ядерный клуб, а иранский генерал – в Россию»* (*Коммерсантъ*, 10.04.2007) реализует номинативную функцию через географические названия «Москва» и «Иран». Одним из

компонентов заголовочного комплекса является коллоквиализм «нарваться на грубость», употребленный автором в измененном виде – лексической субституции подверглась лексема «грубость», замененная на лексему «ядерную реакцию». Использование коллоквиализма в заголовочном комплексе само по себе привлекает внимание читателя, а в видоизмененном варианте помогает реализовать побуждающую функцию интертекстуального включения, так как после прочтения заголовка реципиенту все еще неясен смысл. Возникает много вопросов, связанных со значением исходного выражения: «нарваться» значит «неожиданно столкнуться с проблемой из-за необдуманных действий», то есть заголовочный комплекс транслирует опасность, связанную с ядерной программой Ирана, причем опасность эта возникла из-за действий РФ. После ознакомления с текстом статьи становится ясно, о какой «ядерной реакции» идет речь. «Реакция» в данном случае употребляется в прямом смысле: «реакция на какие-либо действия». Статья анализирует реакцию западного мира на визит в Москву генерала Мохаммеда Бакер-Золькадра – замглавы МВД Ирана, находящегося под санкциями СБ ООН. Москву обвиняют в нарушении резолюции ООН. Именно эти, необдуманные с точки зрения автора статьи, действия привели к реакции Запада. Актуализированное коллоквиализмом значение накладывается на новый контекст, в котором порождается новый смысл.

Таким образом, в российском санкционном дискурсе использование коллоквиализмов реализует эстетическую и рекламную функции, с одной стороны, привлекая читателя языковой игрой, а с другой – интригуя содержанием статьи.

Выводы по главе 3

В рамках исследования выявлены специфичные сферы-источники интертекстуальных включений для российского и британского санкционных дискурсов – «Музыкальные произведения» и «Догматические тексты, мифология», для российского и американского санкционных дискурсов – «Исторические личности» и для российского – «Термины и языковые клише» и «Коллоквиализмы».

Особенностью британского и американского санкционных дискурсов является то, что в них авторы стремятся создать отрицательный образ целевого государства и положительный образ государства-инициатора введения ограничений. Достигается это за счет выбора исходного образа, актуализирующегося при помощи исходного текста, с которым могут быть связаны положительные или отрицательные ассоциации. Использование исходного текста в новом контексте переносит негативные/позитивные характеристики на новый объект, формируя в сознании читателя определенный образ.

Использование интертекстуальных включений из сферы-источника «Историческая личность» в американском дискурсе создает впечатление, что авторы статей транслируют достоверную информацию, исторически подтвержденную и обоснованную. Это позволяет изданию оправдывать проводимую государством-инициатором санкций политику, обосновывая не только ограничения в отношении подсанкционных государств, но и военные действия, призванные сдержать их агрессию.

В российском санкционном дискурсе интертекстуальные включения сфер-источников, общих с британским и американским санкционными дискурсами, выполняют развлекательную функцию, вовлекая читателя в языковую игру. Исходные тексты в заголовочных комплексах подвергаются лексико-грамматическим трансформациям, что производит дополнительный эффект на читателя: комический, эстетический. Для автора такая трансформация исходного текста – возможность показать свою

эрудированность, проявить чувство юмора, что делает процесс чтения более привлекательным. Реципиенту необходимо соотносить исходный текст и связанные с ним ассоциации с новым текстом, в котором исходный присутствует лишь частично. Дешифровка нового смысла, порожденного новым контекстом, превращается в увлекательную игру, в которой читатель принимает активное участие, интерпретируя трансформированный текст в новой ситуации.

Использование интертекстуальных включений из сферы-источника «Термины и языковые клише», на наш взгляд, реализует игровой потенциал заголовка. Термин, будучи лишенным эмоциональности и экспрессивности, в трансформированном виде приобретает эти характеристики. Помещая такой видоизмененный вариант в заголовочный комплекс, автор стремится, в первую очередь, привлечь внимание читателя, что всегда удастся, потому что термин представляет собой языковую единицу, актуализирующую конкретный объект или феномен действительности. В трансформированном варианте он получает новую трактовку в зависимости от контекста.

Интертекстуальные включения из сферы-источника «Коллоквиализмы» в российском санкционном дискурсе отражают тенденции развития современного медиадискурса, когда грань между функциональными стилями размывается, и язык СМИ перестает быть строгим в отношении используемого стиля. Коллоквиализм как элемент заголовочного комплекса, во-первых, воздействует на читателя в эмоциональном плане: реципиент не готов увидеть разговорную/просторечную/сниженную лексику на страницах качественной прессы. Во-вторых, использование коллоквиализмов – это возможность для автора выстроить доверительные отношения с читателем, так как коллоквиализмы используют при общении с близкими людьми. В-третьих, коллоквиализм, подвергшийся трансформации, влияет на читателя эстетически. Это форма развлечения реципиента даже, когда речь идет о серьезных вещах.

Таким образом, британский и американский санкционный дискурс являются агрессивными с точки зрения использования интертекстуальных включений, так как стремятся к поляризации стран и негативизации образов подсанкционных государств и их представителей. Российский санкционный дискурс, напротив, нацелен на развлечение реципиента, вовлечение его в процесс интерпретации и создания новых смыслов.

Заключение

В работе проведено исследование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах российского, британского, американского санкционных дискурсов.

Понятие «дискурс» определяется в зависимости от лингвистической традиции, в рамках которой он исследуется. Исследование дискурса должно носить комплексный характер, учитывающий не только лингвистические особенности текста, но и культурные, социальные и когнитивные аспекты. Дискурсивные исследования позволяют выйти за рамки текста и изучить способы формирования ментальных моделей.

Взаимодействие индивидов в различных сферах деятельности приводит к взаимодействию дискурсов, в результате чего появляются гибридные форматы. Новый дискурс не является механическим сложением характеристик дискурсов, его составляющих. Он приобретает качественно новые характеристики в результате взаимопроникновения и взаимовлияния дискурсов друг на друга. Санкционный дискурс является одним из таких видов.

В работе предложено определение санкционного дискурса в широком и узком смысле. Санкционный дискурс в широком смысле представляет собой гибридный тип дискурса, сочетающий в себе характеристики военного, политического и публицистического. Применение санкций в отношении государства является альтернативой военным действиям, призванной изменить поведение целевого государства в рамках той или иной политической ситуации, а СМИ являются тем ресурсом, из которого реципиент узнает о введении/снятии санкций.

Санкционный дискурс СМИ (в узком смысле) является разновидностью военно-публицистического дискурса, обладающего характерными признаками: тематика, цели, ценности. При этом с точки зрения целей и ценностей санкционный дискурс СМИ неоднороден. Можно четко разграничить дискурс государства, инициирующего санкции, целью

которого является оправдание применения санкций, и дискурс целевого государства, цель которого нивелировать негативный образ санкций и продемонстрировать их неэффективность. Основной ценностью, транслируемой в дискурсе государства, инициирующего санкции, является национальная безопасность государств, что достигается сдерживанием подсанкционных стран-агрессоров. В дискурсе целевых государств наибольшую ценность представляют суверенитет и независимость внешней и внутренней политики.

В исследовании рассмотрено понятие интертекстуального включения, которое определяется как преднамеренное использование культурно значимого для лингвокультурного сообщества текста/фрагмента текста в заголовочном комплексе. На современном этапе развития информационных технологий изменился способ чтения публицистических материалов. Целевая аудитория интернет-газет и журналов воспринимает информацию фрагментарно, обращая внимание только на интересное и интригующее. Этот факт усиливает роль заголовочных комплексов в медиадискурсе. Умелое использование интертекстуального включения способствует привлечению внимания читательской аудитории.

С помощью метода сплошной выборки из равнообъемных выборочных совокупностей, составляющих 1000 текстов, посвященных санкционной политике, на материале каждого дискурса, извлечены 716 интертекстуальных включений (420 – в российском дискурсе, 189 – в британском, 107 – в американском), создана классификация сфер-источников, проведена их качественная и количественная обработка.

В исследовании разработана методика внутридискурсивного, междискурсивного и кросскультурного сопоставления интертекстуальных включений в заголовочных комплексах российского, британского и американского санкционных дискурсов. В рамках этой методики заголовочные комплексы, содержащие интертекстуальные включения, проанализированы с точки зрения исходного текста, его лексико-

грамматических трансформаций (при наличии), новых смыслов, актуализированных новым контекстом, а также функций интертекстуального включения.

Сопоставительный анализ российского, британского и американского санкционных дискурсов проведен в русле когнитивно-дискурсивного подхода, предполагающего анализ не только языковых единиц, но и экстралингвистических факторов, которые помогают понять механизмы, лежащие в основе генерирования новых смыслов исходным текстом в новой коммуникативной ситуации, исследовать влияние интертекстуальных включений на формирование мнений и ценностей реципиента.

В процессе количественного анализа корпуса статей, посвященных санкционной политике, были выявлены четыре универсальные для трех дискурсов сферы-источники: «Паремии, идиоматические выражения», «Художественная литература», «Кинематограф», «Исторические события», две специфичные для российского и британского санкционных дискурсов: «Музыкальные произведения», «Догматические тексты», одна сфера-источник, специфичная для российского и американского дискурсов, и две сферы-источники, характерные только для российского санкционного дискурса: «Термины и языковые клише», «Коллоквиализмы».

В российском и британском санкционных дискурсах сфера-источник «Паремии, идиоматические выражения» представлена наиболее широко (20,5% и 45,8% соответственно), что связано с особым статусом этих единиц в языке. Паремии и идиоматические выражения категоризируют действительность, стереотипизируют сознание лингвокультурного сообщества, аккумулируя мудрость народа и отражая его менталитет. Они актуализируют в образной форме ценностные установки и предписания целого этноса. Российская и британская лингвокультуры обладают долгой и богатой историей, эти единицы являются значимыми для представителей лингвокультурных сообществ.

Сфера-источник «Художественная литература» представлена в британском санкционном дискурсе более широко по сравнению с российским и американским санкционными дискурсами (24,9%, 7,8%, 5,2% соответственно). Использование художественных произведений и их героев в качестве интертекстуальных включений создает общий культурный контекст, сохраняя преемственность поколений, связь между прошлым и настоящим, позволяет транслировать общий культурный код для автора и читателя. Английская литература – это часть мировой культуры, ценность которой сложно переоценить. Низкая, по сравнению с британским санкционным дискурсом, представленность сферы-источника «Художественная литература» в российском и американском санкционных дискурсах объясняется тем, что авторы статей для реализации своих целей используют другие сферы-источники. Для американского санкционного дискурса – это «Кинематограф» и «Исторические события», для российского – «Термины и языковые выражения» и «Коллоквиализмы».

В американском санкционном дискурсе три сферы-источника представлены приблизительно равными количественными показателями: «Исторические личности» (27,8%), «Кинематограф» (25,9%) и «Исторические события» (22,4%), которые значительно превосходят долю этих сфер источников в российском и британском санкционных дискурсах. Тенденция к использованию исторических событий и личностей в качестве интертекстуального включения в американском санкционном дискурсе отражает стремление автора верифицировать факты, изложенные в статье. Достоверность изложенной информации является важным критерием, когда речь заходит об увеличении читательской аудитории. Американская журналистика – это бизнес, в котором тираж определяет жизнеспособность издания. Утрата читательского доверия может привести к закрытию информационного канала или агентства.

Широкая представленность интертекстуальных включений из сферы-источника «Кинематограф» в американском санкционном дискурсе

объясняется тем, что американская киноиндустрия – крупнейшая в мире и по количеству выпускаемых фильмов, и по кассовым сборам. Американский кинематограф не только развлекает целевую аудиторию, но и транслирует американские ценности представителям других государств.

Сферы-источники «Термины и языковые клише» (17,9%) и «Коллоквиализмы» (12,1%) представлены только в российском санкционном дискурсе. Термины лишены экспрессивности и эмоциональности по своей природе, однако в качестве интертекстуального включения они реализуют эстетическую функцию за счет лексико-грамматических трансформаций, разрушающих семантическую целостность термина и способствующих актуализации новых смыслов. Коллоквиализмы, напротив, обладают высокой экспрессивностью и эмоциональностью, что устанавливает доверительные отношения между автором и читателем, так как коллоквиализмы используются в общении исключительно между людьми, имеющими тесные отношения.

При помощи методов внутридискурсивного и кросскультурного анализа были определены особенности интеграции, актуализации и функционирования исходного текста в качестве интертекстуального включения. Были выявлены два способа интеграции исходного текста: 1) каноническое воспроизведение исходного текста в заголовочном комплексе и 2) лексико-грамматические трансформации исходного текста, представленные заменой лексем, усечением или расширением компонентного состава, создание нового выражения за счет комбинации двух исходных текстов, замена единственного числа на множественное, заменой одной лексемы созвучной ей, опущение лексемы, заменой утвердительной формы высказывания на вопросительную.

Для того, чтобы интертекстуальное включение выполняло свои функции в заголовочном комплексе, необходимо, чтобы адресат распознал его наличие, иначе заголовочный комплекс может вызвать недоумение. Интертекстуальное включение, будучи опознанным, запускает процесс

актуализации смыслов, связанных с исходным текстом. Эти смыслы могут не совпадать со смыслами, заложенными в статье, что можно выяснить только после ознакомления с содержанием статьи.

Любая трансформация исходного текста демонстрирует, с одной стороны, творческий потенциал автора, с другой – заставляет читателя принять активное участие в интерпретации новых смыслов исходного текста новом контексте, вовлекая его в игру. При использовании трансформированного исходного текста интертекстуальное включение выполняет побуждающую и развлекательную функции.

В российском санкционном дискурсе лексико-грамматические трансформации исходного текста представлены шире, чем в британском и американском санкционных дискурсах: оригинальные тексты из сфер-источников «Термины и языковые клише» и «Коллоквиализмы» в подавляющем большинстве случаев подвергаются трансформациям. Это объясняется стремлением авторов, с одной стороны, просто рассказать о теме, которая может вызвать тревогу у реципиента, с другой – развлечь читателя языковой игрой.

В британском и американском санкционных дискурсах интертекстуальные включения используются для манипуляции массовым сознанием за счет негативизации образа подсанкционных государств и их представителей, что приводит к возникновению чувства опасности и тревоги у реципиента.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в описании санкционного дискурса на другом материале (например, аудиовизуальном), в рассмотрении функционирования интертекстуальных включений не только в заголовочных комплексах, но и в основном тексте статей, на материале других языков и дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – М. : Наука, 1988. – 240 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность / Н.Ф. Алефиренко // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–57.
3. Алефиренко, Н.Ф. Общее языкознание: история и теория языка / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2013. – 309 с.
4. Андреева, В.А. Позиции дискурса в современной лингвистике / В.А. Андреева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 2. – С. 7–14.
5. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб. : С.- Петерб. Ун-та, 1999. – 444 с.
6. Артамонова, У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка. Анализ и прогноз / У.З. Артамонова // Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – №3. – С. 76–90.
7. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / перевод под редакцией Н.Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Издательская группа «Прогресс». – 1990. – С. 5–32.
8. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
9. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 448 с.
11. Бахтин, М.М. Философская эстетика 1920-х годов. / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари, 2003. – 957 с.

12. Беллерт, М. Об одном условии связности текста / М. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – 1978. – Вып. VIII. – С. 172–208.
13. Белоглазова, Е.В. Интердискурсивность / Е.В. Белоглазова // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2010. – №1–2 (9–10). – С. 359–360.
14. Бенвенист, Э. О субъективности в языке / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – 1974. – С. 282–300.
15. Бернштейн, С.И. Язык радио. / С.И. Бернштейн. – М. : Издательство Московского университета, 1977. – 44 с.
16. Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В.С. Библер. – М. : Издательство Прогресс, Гнозис, 1991. – 176 с.
17. Богданова, О.Ю. Лингвостилистический анализ заголовка как элемента англоязычного текста / О.Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskiy-analiz-zagolovka-kakelementa-angloyazychnogo-teksta>
18. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М. : Издательство Либроком, 2011. – 288 с.
19. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса: Учеб. Пособие / В.Г. Борботько. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – 113 с.
20. Васильева, Л.Н. Газетно-публицистический стиль речи / Л.Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1982. – 198 с.
21. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
22. Волкова, И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии / И.Н. Волкова. – М. : Изд-во стандартов, 1984. – 199 с.

23. Воркачев, С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. – 2014. – С. 52–70.
24. Воронин, Б.А. Продовольствие в режиме экономических санкций: управленческий и правовой анализ / Б.А. Воронин, А.Н. Митин // Аграрный вестник Урала. – 2016. – № 12 (154). – С. 82–88.
25. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
26. Гордиевский, А.А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте (на материале лекций на русском и немецком языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гордиевский Александр Артурович. – Тюмень, 2006. – 170 с.
27. Гудков, Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во, 1999. – 152 с.
28. Гурко, Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance* / Е. Гурко. – Томск: Издательство «Водолей», 1999. – 160 с.
29. Дедова, О.В. Заголовочный комплекс в электронной коммуникации / О.В. Дедова, М.С. Куприенко // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2013. – №1. – С. 61–70.
30. Дейк, ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – 1988. – Вып. 23. – С. 153–212.
31. Деррида, Ж. Позитивизм / Ж. Деррида. – Киев: Д.Л., 1996. – 192 с.
32. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 45–56.
33. Добросклонская, Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – Серия 10: Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.

34. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
35. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. – М. : «КДУ», «Добросвет», 2020. – 178 с.
36. Добросклонская, Т.Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка): автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.04 / Добросклонская Татьяна Георгиевна. – МГУ, 2000. – 50 с.
37. Дубровская, Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т.В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
38. Желтухина, М.Р. Медиадискурс / М.Р. Желтухина // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 292–296.
39. Желтухина, М.Р. Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект / М.Р. Желтухина, Л. Л. Зеленская // Известия Волгоград. гос. пед. Ун-та. – 2018. – № 4 (127). – С. 121–130.
40. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры. – М. : Изд-во им. Сабашниковых. – 1998. – Т. 2. – С. 60–280.
41. Завьялова, Г.А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Завьялова Галина Александровна. – Кемерово, 2014. – 22 с.
42. Загоровская, О.В. Термин и терминология / О.В. Загоровская, Т.Н. Данькова. – Воронеж: Научная книга, 2011. – 136 с.
43. Загоровская, О.В. Стилистическая значимость русского слова как явление национальной культуры // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения. Материалы международной конференции / О.В. Загоровская. –

Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. – 2012. – С. 69–74.

44. Землянова, Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике / Л.М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2002. – № 5. – С. 83–97.

45. Иваницкий, В.Л. Изменение норм языка СМИ под воздействием фирмы масс-медиа / В. Л. Иваницкий // Электронный научный журнал «Медиаскоп». – 2011. – Вып. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/743>.

46. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – №1(24). – С. 29–32.

47. Ирисханова, О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – 2010. – Вып. VII. – С. 78–100.

48. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск: Изд-во Омск. Унта, 1999. – 284 с.

49. Иссерс, О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4(62). – С. 227–232.

50. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

51. Карасик, В.И. Языковые мосты понимания: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. – 524 с.

52. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 164 с.

53. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс. – 1989. – С. 5–11.

54. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
55. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2015. – Т. 25. – № 6 (203). – С. 5–12.
56. Кожемякин, Е.А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности / Е.А. Кожемякин // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: I междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 1-4 апр. 2014 г.: сб. науч. работ. – 2014. – С. 57–62.
57. Кожина, М.А. Языковые маркеры полидискурсивности в художественном тексте: на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кожина Марина Андреевна. – Томск, 2012. – 21 с.
58. Коровушкин, В.П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках / В.П. Коровушкин // Вестник ОГУ. – 2003. – №4. – С.53–59.
59. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка соврем. газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – М., 1971. – 267 с.
60. Красных, ВВ. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М. : Филология. – 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.
61. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
62. Кристева, Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Ю. Кристева. – М.: Академический проект, 2013. – 285 с.
63. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: Обзор / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая

деятельность. Функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М. : ИНИОН. – 2000. – С. 7–25.

64. Кузьмина, Н.А. Заглавие. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н.А. Кузьмина. – М. : Изд. центр «Азбуковник». – 2001. – С. 97–111.

65. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 268 с.

66. Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н.А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – Вып. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/755>.

67. Лазарева, Э.А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия / Э.А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158–166.

68. Лазарева, Э.А. Газетный заголовок и текст: композиционные ресурсы выразительности / Э.А. Лазарева, И.В. Писарева // Эффективность прессы: вопросы методологии, теории и практики. – Свердловск. – 1989. – С. 131–138.

69. Леонтович, О.А. Метод дискурс-анализа / О.А. Леонтович // Энциклопедия «Дискурсология». Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2015. – С. 185–187.

70. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – 1992. – Т.1. – С. 148–160.

71. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – СПб. : Искусство-СПБ. – 2001. – С. 12–148.

72. Лутовинова, О.В. Прецедентные феномены виртуального дискурса / О.В. Лутовинова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С. 131–136.

73. Лысакова, И.П. Тип газеты и стиль публикации / И.П. Лысакова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.
74. Магерарова, Ю.Ю. Заголовочный комплекс в современных медиатекстах: типичное и индивидуальное / Ю.Ю. Магерарова // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нурсултан, Казахстан, 29 апреля 2019 года. – 2019. – С. 1672–1676.
75. Малюгина, А.В. Просторечная лексика в системе современного английского языка / А.В. Малюгина // Центральный научный вестник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cscb.su/n/030801/030801035.htm>.
76. Наер, В.Л. О соотношении традиционного и оригинального в языке английской газеты / В.Л. Наер. – М. : Наука, 1967. – 189 с.
77. Наумова, К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Наумова Ксения Андреевна. – Челябинск, 2021. – 233 с.
78. Нахимова, Е.А. Прецедентные феномены с ментальным polemическим источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е.А. Нахимова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 102–114.
79. Немировский, А.И. История Древнего мира. Античность / А.И. Немировский. – М. : Академический проект, 2000. – 875 с.
80. Нехорошева, А.М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) / А.М. Нехорошева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 140–144.
81. Олизько, Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 15. – С. 95–104.

82. Олизько, Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.19 / Олизько Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2009. – 43 с.

83. Олизько Н.С. Синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений / Н.С. Олизько // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 66–73.

84. Пастухов, А.Г. Вопросы интердискурсивности и селекция новостей / А.Г. Пастухов // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ, Белгород, 05–07 октября 2016 года / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород». – 2016. – С. 57–68.

85. Пелевина, Н.Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов / Н.Н. Пелевина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 78. – С. 137–143.

86. Пеньков, Б.В. Интердискурсивность: образовательный дискурс / Б.В. Пеньков // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2011. – №1 – С. 67–74.

87. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс». – 1999. – С. 225–290.

88. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

89. Прохорова, К.В. Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Прохорова Кира Викторовна. – СПб., 2001. – 21 с.
90. Садохин, А. «Свой – чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы / А. Садохин // Вопросы культурологии. – 2007. – № 3. – С. 15–19.
91. Самкова, М.А. Интертекстуальность и интердискурсивность как категории учебно-педагогического дискурса / М.А. Самкова // Вопросы когнитивной лингвистики: научно-теоретический журнал. – 2013. – № 4 (037). – С. 104–108.
92. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] / П. Серио // Семиотика: Антология. – М. : Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 30 с.
93. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе: дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика: антология. – М. – 2001. – С. 549–562.
94. Серио, П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс / П. Серио, Ю. Степанов, 1999. – 415 с.
95. Сидоренко, К.П. Полидискурсивность и интертекст («Волк на псарне» И.А. Крылова) / К.П. Сидоренко // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т.1. – № 3. – С. 84–87.
96. Слободенюк, Е.А. Создание образа британского и немецкого политика в современном медиадискурсе Великобритании в аспекте оппозиции «свой – чужой»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Слободенюк Елена Александровна. – Нижний Новгород, 2016. – 22 с.
97. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
98. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуал. анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. – 189 с.

99. Соколова, О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов / О.В. Соколова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 50–86.
100. Солганик, Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект / Г.Я. Солганик. – М. : Высш. Школа, 1981. – 112 с.
101. Солопова, О.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филологический класс. – 2018. – №4 (54). – С. 15–21.
102. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Ин-т языкознания РАН. – 1990. – С. 180–186.
103. Стеблецова, А.О. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики / А.О. Стеблецова, И.А. Стернин // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 794–809.
104. Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подъяпольская, Н.В. Васильева. – М. : Либроком, 2012. – 248 с.
105. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С.17–29.
106. Сысоев, В. Пословицы и поговорки / В. Сысоев. – М. : АСТ, 2009. – 192 с.
107. Уварова, Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е.А. Уварова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 5. – С. 47–54.
108. Фатеева, Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н.А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т.57. – №5. – С. 25–38.
109. Фивейский, М. Священная история Ветхого и Нового завета: Для детей мл. возраста / М. Фивейский. – М.: тип. И.Д. Сытина, 1910. – 288 с.

110. Филатова, Н.В. Жанровое пространство туристического дискурса / Н.В. Филатова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2012 – № 2. – С. 76–82.
111. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
112. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко, 1996. – 448 с.
113. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 407 с.
114. Хотног, А.В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) / А.В. Хотонг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2019. – Т. 12. – Вып. 8. – С. 190–194.
115. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ. – 2001. – С. 11–22.
116. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
117. Чернявская, В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. – 2007. – С. 22–23.
118. Чернявская, В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2 (3). – С. 77–83.
119. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное пособие. – 2-е издание, стереотипное / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2012. – 128 с.

120. Чигирина, Т.Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чигирина Татьяна Юрьевна. – Воронеж, 2007. – 19 с.
121. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н.В. Чичерина. – М.: УРСС, 2008. – 232 с.
122. Шавардова, Е.Ю. Язык как средство политической коммуникации. Монография / Е.Ю. Шавардова. – СПб.: Компринт, 2017. – 198 с.
123. Aitchison, J. Introduction / J. Aitchison, D.M. Lewis // *New Media Language*. – London and New York: Routledge. – 2003. – P. 1–3.
124. Altheide, D.L. War programming: The propaganda project and the Iraq War / D. L. Altheide, J. N Grimes // *The Sociological Quarterly*. – 2005. – № 4. – P. 617–643.
125. Asp, K. *Powerful mass media: studies in political opinion-formation* / K. Asp. – Stockholm: Akademilitteratur, 1986. – 402 p.
126. Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to Text Linguistics / R. de Beaugrande, W. Dressler. – London: Longman, 1981. – 243 p.
127. Bell, A. *The language of news media* / A. Bell. – Oxford: Blackwell, 1991. – 277 p.
128. Bell A., *Approaches to media discourse* / A. Bell, P. Garret. – Oxford: Malden, Mass.: Blackwell. – 1998. – P. 327–389.
129. Bell, D. Who is Afraid of Critical Race Theory? / D. Bell. // *University of Illinois law review*. – 1995. – Vol. 1995(4). – P. 893–971.
130. Berlin, L. *Fighting words: Hybrid discourse and discourse processes* / L. Berlin // *Context and Contexts*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. – 2011. – P. 41–65.
131. Billig, M. Manipulating information and manipulating people / M. Billig, C. Marinho // *Critical Discourse Studies*. – 2014. – Vol. 11. – №2. – P. 158–174.

132. Conboy, M. *Tabloid Britain: Constructing a Community through Language* / M. Conboy. – London: Routledge, 2006. – 240 p.
133. Conboy, M. *The language of the news* / M. Conboy. – London: Routledge, 2007. – 240 p.
134. Cotter, C.M. *Discourse and Media* / C.M. Cotter // *Handbook of Discourse Analysis*. – Oxford and Cambridge MA: Wiley-Blackwell. – 2001. – P. 795–821.
135. Crystal, D. *English as a global language* / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 229 p.
136. Dijk, T.A. van *Ideological discourse analysis* / T.A. van Dijk // *New Courant*. – 1995. – № 4. – P. 135–161.
137. Dijk, T.A. van. *News, Discourse, and Ideology* / T.A. van Dijk // *The Handbook of Journalism Studies* / ed. by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. – New York: Routledge. – 2009. – P. 191–204.
138. Dijk, T.A. van. *Principles of critical discourse analysis* / T.A. van Dijk // *Discourse & Society*. – 1993. – № 2. – P. 249–283.
139. Dijk, T.A. van. *Discourse and Manipulation* / T.A. van Dijk // *Discourse & Society*. – 2006. – № 2. – P. 359–383.
140. Dor, D. *On newspaper headlines as relevance optimizers* / D. Dor // *Journal of Pragmatics*. – New York. – 2003 – V. 35. – №5. – P. 695–721.
141. Ecker, U.K.H. *The effects of subtle misinformation in news headlines* / U.K.H. Ecker, S. Lewandowsky, E.P. Chang, R. Pillai // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. – 2014. – №20 (4). – P. 323–335.
142. Erjavec, K. *Beyond Advertising and Journalism: Hybrid Promotional News Discourse* / K. Erjavec // *Discourse and Society*. – 2004. – Vol. 15. – №5. – P. 553–578.
143. Fairclough, N. *Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis* / N. Fairclough // *Discourse & Society*. – 1992. – № 2. – P. 193–217.

144. Fairclough, I. Political discourse analysis: A method for advanced students/ I. Fairclough, N. Fairclough. – London: Routledge, 2012. – 270 p.
145. Fairclough, N. Critical discourse analysis and critical policy studies / N. Fairclough // Critical policy studies. – Vancouver. – 2013. – Vol. 7. – №2. – P. 177–197.
146. Fiske, S.T. Interpersonal stratification: Status, power, and subordination / S.T. Fiske // Handbook of social psychology. – 2010. – John Wiley & Sons, Inc. – P. 941–982.
147. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – London: Routledge, 1991. – 254 p.
148. Galtung, J. On the Effects of International Economic Sanctions, with Examples from the Case of Rhodesia / J. Galtung // World Politics. – 1967. – Vol. 19. – №3. – P. 378–416.
149. Gordon, J. A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions / J. Gordon // Ethics and International Affairs. – 2006. – №13 (1). – P. 123–142
150. Hall, S. Encoding/decoding / S. Hall // Graddol and Barrett. – 1994. – P. 200–211.
151. Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – Baltimore. – 1952. – Vol.28. – №4. – P. 18–45.
152. Hirsch, F., Gordon D. Newspaper money: Fleet Street and the search for the affluent reader / F. Hirsch, D. Gordon. – London: Hutchinson, 1980. – 146 p.
153. Hjarvard, S. The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change / S. Hjarvard // Nordicom Review. – 2008. – №29 (2). – P.105–134.
154. Hjarvard, S. The mediatization of culture and society / S. Hjarvard. – London: Routledge, 2013. – 192 p.

155. Hjarvard, S. From Mediation to Mediatization: The Institutionalization of New Media / S. Hjarvard // *Mediatized Worlds*. – London: Palgrave Macmillan. – 2014. – P. 123–139.
156. Jäger, S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis / S. Jäger, F. Maier // *Methods of Critical Discourse Analysis*. – London: Sage – 2009. – P. 34–61.
157. Johnson, S., Ensslin A. Language in the media: Representations, identities, ideologies / S. Johnson, A. Ensslin. – London: Continuum. – 2007. – 314 p.
158. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice / G. Kress. – Victoria, Australia: Deakin University Press, 1985. – 101 p.
159. Krotz, F. Mediatization: A concept with which to grasp media and societal change / F. Krotz // *Mediatization: Concept, changes, consequences*. – New York: Peter Lang. – 2009. – P. 21–40.
160. Krzyżanowski, M. We Are a Small Country That Has Done Enormously Lot: The «Refugee Crisis» and the Hybrid Discourse of Politicizing Immigration in Sweden / M. Krzyżanowski // *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. – 2017. – Vol. (16). – P. 1–21.
161. Kuiken, J., Schuth A., Spitters M., Marx M. Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment / J. Kuiken, A. Schuth, M. Spitters, M. Marx // *Digital Journalism*. – 2017. – Vol. 5. – №10. – P.1300–1314.
162. Lash, S. Intensive media – modernity and algorithm. Roundtable. Research Architecture / S. Lash, – London: Centre for Research Architecture, Goldsmiths' College, University of London, 2005. – 245 p.
163. Machin, D., Leeuwen van T. Global Media Discourse. A Critical Introduction / D. Machin, T. van Leeuwen. – London: Routledge, 2007. – 200 p.
164. Mazzoleni, G., Schulz W. Mediatization of Politics: A Challenge for Democracy? / G. Mazzoleni, W. Schulz // *Political Communication*. – 2008. – №16 (3). – P. 247–261.

165. Meinhof, U. Double talk in news broadcasts / U. Meinhof // Graddol and Boyd-Barrett. – 1994. – P. 212–223.
166. Montgomery, M. The Discourse of Broadcast News: A Linguistic Approach / M. Montgomery. – London: Routledge, 2007. – 246 p.
167. Nir, R. Discourse Analysis of News Headlines / R. Nir // Balšanwtiybriyt. – 1993. – №37. – P. 23–31.
168. Noor, F.A. How «Big Brother» Became the «Great Satan» / F.A. Noor // The Anti-American Century. – Budapest, New York: Central European University Press. – 2007. – P. 109–127.
169. Nossal, K.R. International sanctions as international punishment / K.R. Nossal // International Organization. – 1989. – Vol. 43. – №2. – P. 301–322.
170. O'Keeffe, A. Investigating media discourse / A. O'Keeffe. – London: Routledge, 2006. – 180 p.
171. Onderco, M., van der Veer R. The role of social media in political communication / M. Onderco, R. van der Veer // Journal of Communication. – 2021. – №41 (2). – P. 239–256.
172. Silverstone, R. The sociology of mediation and communication. The Sage Handbook of Sociology / R. Silverstone. – London: Sage, 2005. – 608 p.
173. Talbot, M. Media Discourse: Representation and Interaction / M. Talbot. – Edinburgh University Press, 2007. – 208 p.
174. Wallensteen, P. Characteristics of Economic Sanctions / P. Wallensteen, // Journal of Peace Research. – 1968. – №5. – P. 248–267.
175. Wodak, R. Aspects of Critical Discourse Analysis / R. Wodak // Zeitschrift für angewandte Linguistik. – 2002. – P. 5–31.
176. Wodak, R. Approaches to Media Texts / R. Wodak, B. Busch // Handbook of Media Studies. – London: Sage. – 2004. – P. 105–122.

Источники материала и словари

177. Большая Российская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bigenc.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

178. Бюллетень МАГАТЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.iaea.org/ru/publications/magazines/bulletin>, свободный. – Загл. с экрана.
179. Известия (новостное агентство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://iz.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
180. Кэрролл, Л. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. – М.: Качели, 2021. – 136 с.
181. Коммерсантъ (новостное агентство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kommersant.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
182. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азъ, 1992. – 955 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kulichki.com/moshkow/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt
183. Скотт В. Мармион: Повесть о битве при Флоддене в шести песнях / Пер. Г.С. Усовой / В. Скотт. – М. : Наука, 2021. – 370 с.
184. Словари и энциклопедии на академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
185. Словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarick.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
186. Энциклопедия Холокоста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://encyclopedia.ushmm.org>, свободный. – Загл. с экрана.
187. Britannica Encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.britannica.com>, свободный. – Загл. с экрана.
188. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org>, свободный. – Загл. с экрана.
189. Carroll, L. Through the Looking Glass / L. Carroll. – Collins Classics. – London, England: William Collins, 2010. – 192 p.
190. The Economist [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.economist.com>, свободный. – Загл. с экрана.

191. The Economist Brand Report, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.economist.com/reports>, свободный. – Загл. с экрана.
192. The Economist Interim Report, 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.economistgroup.com/results>, свободный. – Загл. с экрана.
193. The Financial Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ft.com>, свободный. – Загл. с экрана.
194. George W. Bush, Second State of the Union Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://global.oup.com>, свободный. – Загл. с экрана.
195. Head Media (рекламное агентство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://head-media.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
196. Merriam-Webster Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com>, свободный. – Загл. с экрана.
197. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nytimes.com>, свободный. – Загл. с экрана.
198. Origins. Current Events In Historical Perspective [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://origins.osu.edu>, свободный. – Загл. с экрана.
199. The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.washingtonpost.com>, свободный. – Загл. с экрана.
200. World History Encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.worldhistory.org>, свободный. – Загл. с экрана.